**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№27. Сентябрь 2011 г.**

Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

Сборник научных статей

Барнаул
Издательство Алтайского
государственного университета
2011

ББК 66.4(0), 302 я431
Д 541

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор ***Ю.Г. Чернышов*** (отв. редактор); кандидат исторических наук, доцент ***О.А. Аршинцева***; кандидат исторических наук, доцент ***А.М. Бетмакаев***; ***С.Н. Исакова*** (отв. секретарь); кандидат исторических наук ***В.Н. Козулин***; кандидат исторических наук, доцент ***О.Ю. Курныкин***; кандидат исторических наук ***П.В. Рубцов***

Д 541 **Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)** : сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 251 с.
ISBN 978-5-7904-1199-1

Сборник содержит научные статьи исследователей из 17 городов четырех стран – Казахстана, Польши, России, Украины (Алматы, Барнаул, Брянск, Владивосток, Волгоград, Вольск, Екатеринбург, Ирпень, Киев, Москва, Нижний Новгород, Петрозаводск, Познань, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саранск, Томск). В качестве приложения даны материалы методического семинара «Новое в изучении и преподавании международных отношений», состоявшегося 22 сентября 2011 г. в Алтайском государственном университете.

Издание предназначено как для специалистов (историков, международников, политологов и др.), так и для всех, кто интересуется проблемой международных конфликтов.

ББК 66.4(0), 302 я431

На обложке использована картина французского художника Жака-Клемента Вагре (1846–1908 гг.) «Суд Париса».

ISBN 978-5-7904-1199-1

© Алтайская школа политических исследований, 2011
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2011

В.Н. Козулин, Ю.Г. Чернышов
Конференция о разрешении межгосударственных конфликтов

В этом сборнике опубликованы статьи по итогам конференции, проведенной Алтайской школой политических исследовании в 2011 г. Традицию проведения ежегодных международных конференций АШПИ поддерживает с 1996 г. В дискуссиях принимали участие ученые из Австрии, Азербайджана, Армении, Великобритании, Германии, Израиля, Киргизии, Казахстана, Китая, Латвии, Польши, США, Украины, Франции, Швеции, ЮАР и более чем 50 городов России. В течение последних 8 лет проводились предварительные обсуждения в Интернете[1]. В 2011 г. основное внимание было уделено теме разрешения межгосударственных конфликтов. Мы хотели бы представить здесь вниманию читателей основное содержание прошедших на конференции дискуссий.

Учредителями и организаторами конференции были: Алтайская школа политических исследований, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ, Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки, Российский гуманитарный научный фонд[2], Центр Европейского Союза в Сибири.

Работали три секции:

1. Основные теоретические подходы к теме.
2. Международный опыт урегулирования конфликтов.
3. Актуальный опыт истории и перспективы разрешения конфликтов России с другими государствами

С 1 апреля по 1 июля поступило 39 докладов из 17 городов четырех стран – Казахстана, Польши, России, Украины (Алматы, Барнаул, Брянск, Владивосток, Волгоград, Вольск, Екатеринбург, Ирпень, Киев, Москва, Нижний Новгород, Петрозаводск, Познань, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саранск, Томск). Затем по результатам интернет-конференции была сформирована программа конференции, прошедшей 22–24 сентября в Барнауле.

---

[1] См.: Конференции. URL: http://ashpi.asu.ru/talks.html

[2] Конференция проведена при поддержке РГНФ (номер проекта 11-03-14048г). Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке гранта ЕС на создание Центра Европейского Союза в Сибири.

Открылась конференция проведением 22 сентября в АлтГУ методического семинара по теме «Новое в изучении и преподавании международных отношений». Во вступительном слове председатель оргкомитета профессор Ю.Г. Чернышов отметил: «Дорогие друзья, мы открываем сегодня семинар как вступительную часть ежегодной конференции, которую проводит Алтайская школа политических исследований. В этом году мы посмотрели, насколько блестящая плеяда гостей к нам приезжает, и решили, что было бы полезно полнее использовать их потенциал. К нам приехали 14 гостей. Это известные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Волгограда, Екатеринбурга, Томска. Это люди, которые имеют большой опыт преподавания, которые решают вместе с нами те же самые проблемы, с которыми мы сталкиваемся сейчас, когда переходим на двухуровневую систему образования, когда надо разрабатывать курсы для магистрантов и т.д. Я думаю, это интересно и для студентов, и для преподавателей. Мы попросили некоторых гостей выбрать что-то из их практического опыта. Некоторые расскажут о новых курсах, которые они разработали. Некоторые расскажут о методах контроля. Некоторые расскажут о том, как бороться со студенческим плагиатом. Достаточно широкий набор сюжетов, шесть выступающих, которым можно задать вопросы».

Затем собравшихся приветствовал первый проректор АлтГУ по учебным вопросам профессор Г.В. Лаврентьев: «Дорогие коллеги! Уважаемые студенты, магистры и прочие обучающиеся, которые есть в нашем университете. Я хотел бы от лица администрации, ректората нашего университета поприветствовать вас на таком значительном событии, как конференция, посвященная вопросам развития нашей внешней политики. Тем более, что она дополнена семинаром, имеющим самое прямое отношение к тем темам, которые волнуют сейчас практически всех педагогов высшей школы. Я бы хотел сказать, что в настоящее время идет переосмысление всех позиций, связанных с переходом на стандарты III поколения, на уровневую систему. Для нашего университета эта проблема относительно безболезненно решается, потому что у нас магистратура была открыта на 38 из 44 направлений. У нас нет ее только там, где ее не было в принципе. Поэтому сейчас работа идет по второму уровню в этом направлении. Я думаю, что такие конференции и семинары помогут перевести в практическую плоскость многие вещи, особенно после обмена опытом на уровне конкретных исполнителей»[1].

[1] Тексты выступлений на семинаре приведены на с. 217–232 данного сборника.

На следующий день началась работа собственно конференции. Открывая ее, Ю.Г. Чернышов сказал: «Уважаемые коллеги! Сейчас мы переходим непосредственно к теме нашей конференции этого года – «Разрешение межгосударственных конфликтов: опыт истории и современность». Обычно организаторы конференций сами себя хвалят. Мне кажется, инициаторам нашей конференции уже не надо себя хвалить, потому что настолько давно и прочно эта традиция существует (ежегодно с 1996 г.), про нее уже так много писали, что я не буду об этом подробно распространяться. Недавно мы наткнулись на публикацию в журнале «Международные процессы»[1], где рецензировался один из наших сборников. Там было написано, что поражает мужество алтайских ученых, которые «во глубине сибирских руд» тянут эту лямку и удивительно, как им это удается делать так хорошо в течение многих лет. На самом деле, это очень сложно, потому что мы выбрали особую нишу, обозначив главные принципы – неангажированность, научность и демократизм. Для политологической организации это достаточно сложно, быть неангажированными и при этом на что-то жить, проводить конференции, издавать сборники и т.д. Тем не менее пытаемся.

Разные сложные времена были. Разные стили были. В 1990-е гг. было большее гражданское звучание, более актуальные и острые темы. Больше общественных деятелей, чем ученых, участвовало в тех конференциях. Тогда была другая среда, другая эпоха. Сейчас времена несколько иные. Мы берем теперь более академические темы. Но это не значит, что они далеки от жизни. На деле, может быть, не все это понимают, но темы, которые рассматриваются здесь, касаются и России в целом, и нашего региона в частности. Если говорить о межгосударственных конфликтах, то, я думаю, неверно считать, что Алтайский край здесь не причем. На самом деле, достаточно посмотреть на карту: Алтайский край находится в точке пересечения ареалов трех мировых религий. Эти ареалы многие эксперты связывают (хотя зачастую и небесспорно) с делением на «цивилизации». Это и христианство, и ислам, и буддизм. Здесь Китай рядом, здесь Монголия, Казахстан. Эта точка в перспективе может быть конфликтогенной, но может быть и точкой развития сотрудничества. Во всяком случае, она может играть все более важную роль в международных отношениях. Алтайский край тут в стороне не останется. Чем дальше, тем больше мы видим сейчас проектов, которые выводят нас на трансграничные связи, в частности, газопровод, дорога на Китай и др. Все это важно даже с точки зрения практической.

[1] Шилов С. Дневник международников Алтая // Международные процессы. Т. 8. №2(23). Май – август 2010. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-three/024.htm.

Мне кажется также, что стоит обратить внимание на ограниченность суждений о том, что в регионе вузы должны готовить только тех, кто пригодится здесь в качестве мастерового, инженера и т.д. Тот прагматический подход, который в последнее время присутствует, не оправдан. На самом деле, стоит посмотреть даже на наших выпускников-международников. Они сейчас и в Москве, работают в МИДе, и есть те, которые работают за рубежом – в Европе, Китае, США и т.д. Есть уже известные ученые, даже с мировым именем. Это все мы произвели – и не только для региона, но и для страны в целом. Наука не может развиваться только в столице, на мой взгляд. Она должна подпитываться из регионов. Среда должна быть такой, чтобы здесь можно было профессионально обсуждать разные идеи, общаться. Тогда будет плодотворное развитие науки. На мой взгляд, чем больше будет научных центров в регионах, тем лучше в целом для российской науки. Надо все это поддерживать.

Теперь о теме конференции. Здесь у нас присутствует несколько первоклассных специалистов по данной теме, по разным ее аспектам. Я думаю, что надо воспользоваться этой возможностью, потому что многие из нас читают курсы по безопасности, по конфликтам и т.д. Плодотворным чтение учебных курсов бывает тогда, когда преподаватель хорошо знаком с научной литературой, участвует в научных дискуссиях. Тогда это и студентам интереснее. Когда преподаватель не просто копирует тексты из Интернета и какие-то куски воспроизводит для студентов. Студенты это сразу чувствуют. Когда живая мысль есть, когда происходит столкновение разных точек зрения, тогда это гораздо интереснее. Поэтому наука должна тоже идти рядом с преподаванием.

По тем докладам, которые поступили на интернет-конференцию. На мой взгляд, можно выделить несколько вопросов, которые вызывают дискуссии. На самом деле, их больше, конечно. Я надеюсь, что выступающие предложат для обсуждения какие-то интересные темы. Но мне показалось, что стоит обозначить некоторые проблемы, которые стоит обсудить.

Первая глобальная проблема – это что мы имеем после распада биполярной системы. Либо мы имеем более безопасный мир, мир, в котором конфликты решаются в основном мирными средствами, когда нет масштабных вооруженных конфликтов. Или, наоборот, мы оказались в более опасном мире, где нет регуляторов и противовесов, когда обозначаются еще и новые расколы, в частности, согласно известной теории о цивилизационных конфликтах, концепциям о развитии международного терроризма и т.д. Каковы перспективы развития? Это всех касается.

Второе – это то, что мы видим в современной международной жизни. Часто мы видим попытки регулирования конфликтов через вмешательство разного вида международных организаций, коалиций и т.д. Это очень часто спорные попытки, далеко не всеми одобряемые и т.д. Это проблема гуманитарных интервенций. Насколько они оправданы? В каких случаях они оправданы? Не являются ли они инструментом реализации чьих-то узкокорпоративных интересов, скажем, отдельной группы стран? Эта тема всплывала в нескольких докладах. Видимо, стоит на ней остановиться.

Еще одну тему я хотел бы предложить обсудить. Она, скорее, из области морали и политики. Политика с моралью плохо дружит, как известно. Если совсем не дружит, это еще хуже. Здесь актуальна тема двойных стандартов. Постоянно ведется полемика, постоянно идут взаимные обвинения. Если нам не нравится, что какая-то страна отступила от международных правил, в своих интересах, мы об этом говорим, но «своих» мы никогда не критикуем, как правило. Научный анализ все-таки предполагает критическое отношение к действиям всех сторон конфликтов. Надо иметь мужество признавать свои ошибки. А иногда вообще доходит до «принципа талиона» – вот вы так сделали, а почему нам нельзя еще хуже? Звучали такие аргументы, даже на официальном уровне. Насколько далеко стоит заходить в таких аргументах? На мой взгляд, тоже стоило бы определиться.

Еще есть тема гражданского общества, общественного мнения и международных отношений – насколько независимое общественное мнение влияет на выработку внешнеполитических решений, на корректировку курса, предотвращение конфликтов и т.д.? Это тоже важная тема, потому что нельзя совсем пускать на самотек принятие важных внешнеполитических решений. Это может быть чревато весьма негативными последствиями для отношений между странами и для перерастания конфликтов в долгие, затяжные и даже горячие конфликты.

Традиционно мы придерживается свободной формы, т.е. важны не только сами доклады, но и обсуждения, дискуссии. Они зачастую даже более интересны, чем доклады. Тем более, что доклады уже выставлены в Интернете. Мы в этом году, наверное, не будем публиковать всю стенограмму, как раньше это делали, потому что сборник практически уже готов к печати. Может быть, отразим наиболее интересные моменты дискуссии во вступительной статье. Такие планы».

Затем слово для приветствия было предоставлено декану исторического факультета АлтГУ Евгении Валентиновне Демчик, которая отметила: «Дорогие друзья, уважаемые коллеги! Мы вчера уже были на методическом семинаре все вместе, и немного познакомились.

Я, конечно, очень рада, что вы нашли время и возможность приехать в столь отдаленную точку России. Некоторые вообще считают, что Алтайский край – это «что-то возле Казахстана». На самом деле, Алтайский государственный университет позиционирует себя как серьезный интеллектуальный центр, гуманитарный центр. Благодаря усилиям Юрия Георгиевича Чернышова, который много лет очень скрупулезно выстраивает это интеллектуальное пространство вокруг той проблематики, которой занимается сам и которую успешно продвигает, сегодня столь представительный состав участников нашей конференции. Мне кажется, что доклады, которые заявлены, будут создавать тот фон, гуманитарный и интеллектуальный, который позволит нашим политикам, если они внимательно прислушаются и посмотрят материалы, как раз и строить свою политику, чтобы гасить конфликты, которые возникают, и не создавать конфликты в будущем. Практический выход сегодняшних обсуждений будет очень полезен, в том числе и представителям властных структур и политикам. Тем более, что мы знаем, что это год выборов, горячий в политическом смысле. Я очень рада, что и те, у кого часовая разница в 3 часа с минусом, и те, у кого часовая разница с плюсом, выглядят довольно бодро, жизнерадостно, несмотря на то, что у москвичей, например, вообще раннее утро. Я думаю, что общение и дружеские чувства, которые мы питаем друг к другу, будут помогать создавать тот эмоциональный фон нашего обсуждения сегодня, который и делает наши конференции событием в гуманитарной и интеллектуальной жизни не только Алтайского края, Алтайского государственного университета, но и в российском масштабе. Больших вам успехов в работе!».

***

Первое заседание было посвящено основным теоретическим подходам к проблеме межгосударственных конфликтов. Его открыла профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений О.А. Аршинцева. В своем докладе «Современные международные конфликты: обзор популярных концепций» она дала критический обзор основных подходов к определению типов и характера современных международных конфликтов в отечественных исследованиях. Л.В. Дериглазова поблагодарила докладчицу, отметив, что это очень трудная задача – составить общее представление и не запутаться в многочисленных концепциях конфликтов, существующих на данный момент. Л.В. Дериглазова заметила, что отечественная историография конфликтов в значительной степени вторична и следует за иностран-

ной традицией. Также, по ее словам, при всем многообразии понятий в современной конфликтологии, существуют два базовых термина – большая (или тотальная) война и малая война. По поводу них, однако, возникла длительная дискуссия о критериях разграничении конфликтов по этим двум категориям.

Продолжил заседание доклад заведующего Центром политической интеграции Института Европы РАН доцента МГИМО(У) МИД РФ Н.Ю. Кавешникова «Эволюция практики гибкой интеграции в ЕС». Докладчик проанализировал тенденции развития и трансформации различных форм гибкой интеграции в ЕС, выделил такие тенденции, как переход от case-by-case гибкости к постоянным механизмам, усиление взаимодействия между авангардом и арьергардом, перенос принятия решений на более низкие уровни и экстернализация acquis communautaire. На вопрос В.А. Смирновой о том, не дискредитировала ли себя идея европейской интеграции, Кавешников выразил осторожный оптимизм, отметив, что, наряду с тем, что у европейских политиков имеется консенсус насчет того, что достигнутую идею интеграции нужно сохранить, у них нет консенсуса по вопросу о том, куда двигаться дальше, и нужно ли двигаться дальше.

Обстоятельный ответ Н.Ю. Кавешников дал на вопрос А.В. Маковейчука о перспективах взаимодействия Евросоюза в энергетической сфере. Н.Ю. Кавешников отметил, что эти отношения весьма противоречивы. При том, что мы с ЕЭС, что называется, «связаны одной трубой», идет борьба за правила игры, ибо правила игры определяют, кто несет больше рисков, кто получает бóльшую долю прибыли, кто контролирует те или иные процессы. И Европейский Союз, со свойственной ему логикой, навязывает нам «рынок покупателя» (высокая степень конкуренции, ключевая роль покупателя в определении цены, оптовые рынки и т.д.). Россия в газовой сфере борется за сохранение тех правил, которые исторически сложились, того «рынка поставщика», который исторически сложился (долгосрочные контракты, формульные цены, гарантии сбыта). Таким образом, именно ЕЭС в данной ситуации является атакующей стороной, он пытается сломать существующий режим и заменить его новым, в то время как Российская Федерация защищает то, что есть. По мнению Н.Ю. Кавешникова, Россия должна работать с ЕЭС не только на корпоративном, но и на национальном уровне, поскольку у Брюсселя до сих пор нет полномочий по проведению внешней энергетической политики, и все решения на строительство трубопровода и иные крупные проекты санкционируются национальными правительствами.

На вопрос О.Ю. Курныкина о том, является ли опыт европейской интеграции универсальным, и можно ли использовать его на постсоветском пространстве, Н.Ю. Кавешников ответил отрицательно. Он подчеркнул, что опыт европейской интеграции в большей степени уникален, и интегрировать все пространство СНГ, используя европейский опыт, нереально, поскольку, во-первых, многие страны СНГ сами к этому не стремятся. Во-вторых, экономика против этого: мы, по большому счету, друг другу не нужны. И, в-третьих, сказывается экономическое и политическое влияние в нерегиональных центрах силы (Европа, с одной стороны, Китай, с другой стороны, Турция, с третьей, не говоря уже о США, роль которых в Центральной Азии велика).

В докладе доктора политических наук А.В. Манойло «Управление конфликтами в условиях политической модернизации системы международных отношений» были представлены результаты исследования перспективных направлений модернизации теории управления международными конфликтами, основанной на культурно-цивилизационной парадигме.

В ходе обсуждения доклада Н.А. Комлева высказала тезис о том, что после краха мирового социализма и двухполярной системы, «когда либерализм стал господствующей идеологией и практикой», на международную арену активно вышли и прочно в ней утвердились, как акторы первого уровня, но в скрытой форме, глобальные транснациональные корпорации, и государства стали вторичными или даже третичными акторами международных отношений. В качестве примера подобных корпораций автор назвала Совет по международным отношениям, который является отделением Королевского международного института, «Гейдельбергский клуб», частные военные контингенты в Ираке и других странах, частные аналитические разведывательные агентства, например, агентство «Стретфор», возглавляемое Джорджем Фридманом, частные сыскные агентства и т.д. Докладчик и некоторые участники дискуссии сочли этот тезис в известной мере преувеличением. В.С. Бойко выразил удивление по поводу «испуга» со стороны автора реплики.

Сомнительным счел В.С. Бойко также перечень влиятельных транснациональных корпораций, приведенный Н.А. Комлевой, в частности, то, что туда попал «совершенно заштатный», по его словам, Королевский институт международных отношений. По мнению В.С. Бойко, все эти частные военные и разведывательно-аналитические структуры являются лишь инструментами, за которыми стоят государства, которые остаются все же главными фигурантами международных отношений. Н.А. Комлева на это возразила, отметив, что если

в прошлом легитимность государств, как основных акторов международных отношений, подкреплялась тем, что существовала реальная демократия, и гражданское общество через институты демократии поддерживало деятельность своих государств, то сегодня демократия находится в кризисе. Сегодня гражданское общество не может контролировать государство в той же мере, в какой это было, например, в XVIII–XIX вв., и сегодня нация-государство не существует, следовательно, место контролера государства занимают транснациональные корпорации.

Вторым наиболее острым моментом дискуссии стала проблема употребления термина «цивилизация». П.В. Рубцов и В.Р. Филиппов высказали сомнение в корректности использования этого понятия при анализе конфликтов, поскольку он является ограниченным и устаревшим. П.В. Рубцов заметил, что, например, тот же «ислам» – это не одна цивилизация, исламских цивилизаций, как минимум, несколько, то же самое касается и конфуцианства. Япония и Китай – это разные вещи и т.д. В.Р. Филиппов поддержал П.В. Рубцова и сказал, что он склонен придерживаться классических (универсальных) определений цивилизации (Моргана и Тейлора) как определенной стадии развития общества.

На эти замечания А.В. Манойло ответил, что определений цивилизации существует множество, и отбрасывать локальное понимание нельзя, поскольку исследователи, придерживающиеся такого понимания, например, С. Хантингтон, все же верно уловили некоторые общие тенденции различия цивилизаций. А.В. Манойло дал свое понимание цивилизации как «некой социальной общности, объединенной единой культурой и культурными традициями», что, естественно, предполагает наличие противоречий между отдельными цивилизациями, но при этом заметил, что в своем докладе он акцентировал внимание не на самом наличии цивилизаций и на проблемах, которые возникают в их взаимодействии, а на том, что сегодня меняется принцип разделения на «свой» – «чужой»: если раньше это делалось по национально-государственному принципу, то сейчас этот масштаб увеличивается, и это несет определенную угрозу, ведет к эскалации конфликтов.

С заключительным докладом в первой секции выступил доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН В.Р. Филиппов. Он обратил внимание на явление «реколонизации», все чаще встречающееся в практике современных международных отношений.

По поводу доклада В.Р. Филиппова Н.Ю. Кавешников высказал несколько замечаний. Во-первых, по его мнению, рассмотренная

в докладе тенденция не имеет никакого отношения к постмодернизму. Во-вторых, суверенитет в XX в., после войны, был незыблем только с точки зрения юридической, «на бумаге». Достижением сегодняшнего этапа международных отношений является то, что, наконец, вслух говорят то, что все и так раньше знали, что есть суверенитет крупных стран, которые способны его защитить, и есть ограниченный суверенитет или отсутствие суверенитета у всех прочих стран. Относительно ситуации на арабском Востоке и, в частности, в Египте, Н.Ю. Кавешников сказал, что не отрицает того факта, что западные спецслужбы там, безусловно, работали и до начала революции и после начала революции, но, при всем при том, если бы там не было народного возмущения, то ничего бы там не получилось. Если бы не было объективных условий, то ничего бы не сделали западные спецслужбы. Последнее замечание Н.Ю. Кавешникова поддержала В.А. Смирнова. Она заметила, что нестабильность на Востоке была совершенно не выгодна Западу. На вопрос А.В. Маковейчука о глобальных целях вмешательства Запада во внутреннюю политику ближневосточных стран В.Р. Филиппов ответил, что, по его мнению, такой глобальной целью является борьба за энергоресурсы в преддверии нового энергетического кризиса. На замечание Н.Ю. Кавешникова по поводу национального суверенитета на современном этапе В.Р. Филиппов ответил, что, в связи с событиями 2001 г., понятие «национальный суверенитет» утратило свою силу в его традиционном понимании, и отныне США «имеют право» игнорировать национальные суверенитеты тех стран, которые, с их точки зрения, могут быть источниками террористической опасности.

Е.Ю. Лицарева попыталась возразить на это, заявив, что для стран юго-восточной Азии понятие «национальный интерес» имеет большое значение. Страны, которые относительно недавно завоевали независимость, настолько жестко отстаивают свой национальный интерес, что ни одно решение на уровне ОСЕАН или на уровне ОПЕК не имеет обязательности в исполнении (так, как мы имеем в случае с ЕС), а носит только рекомендательный характер. В.Р. Филиппов уточнил, что он имел в виду лишь то, что de facto суверенитет утрачивает raison d'être как инструмент политики, потому что его всегда можно отменить. В заключение дискуссии ведущая секции О.А. Аршинцева отметила закономерность перехода дискуссии на тему конфликтов в предметное поле дискуссии о кризисе Вестфальской системы международных отношений, поскольку собравшееся сообщество специалистов-профессионалов никак не могло обойти своим вниманием эту проблему.

***

Темой **второго заседания** конференции был международный опыт урегулирования конфликтов. Оно началось с доклада кандидата исторических наук, заведующей Центром по изучению стран Тропической Африки Института Африки РАН Т.С. Денисовой «Переговоры как один из способов разрешения вооруженных конфликтов в Африке и причины их неэффективности». Т.С. Денисова рассмотрела некоторые аспекты мирного разрешения политических конфликтов в Африке, роль посредничества, а также причины неэффективности переговорного процесса. На вопрос А.В. Манойло о перспективах урегулирования конфликта и будущих взаимоотношений между центральным правительством Судана и провозгласившим свою независимость Южным Суданом, Т.С. Денисова дала пессимистичный ответ. По ее мнению, проблема связана с нефтью, на контроль над которой претендует ряд держав, прежде всего, США и Китай, и, кроме того, существует много дополнительных факторов нестабильности, которые в будущем неизбежно приведут к войне. Т.С. Денисова также подвергла критике недальновидную позицию представителей российского МИДа, которые за месяц до референдума об отделении Южного Судана официально заявляли, что Россия находится на стороне центрального правительства Судана, и будет поддерживать президента Башира.

На вопрос Л.В. Мониной о том, существуют ли более эффективные способы разрешения конфликтов, Т.С. Денисова высказала мнение, что позитивные результаты урегулирования конфликтов бывают в тех случаях, когда одна из сторон заходит в тупик, когда иссякают ее силы. Международное сообщество, с точки зрения Т.С. Денисовой, стоит упрекнуть в насыщении конфликтующих сторон оружием, которое туда поставляют США и другие страны. В результате, количество оружия в некоторых африканских странах превосходит численность населения, что создает дополнительный повод для конфликтов. На вопрос А.В. Кротова о влиянии суданского конфликта на возможный рост сепаратизма в других государствах Африки Т.С. Денисова выразила осторожный оптимизм, заметив, что никаких серьезных проблем для Африки отделение Южного Судана не создаст.

Затем прозвучал доклад профессора Казахского национального педагогического университета им. Абая (г. Алматы, Республика Казахстан) Р.Р. Каирбековой «Агадирский кризис 1911 г. и политика Великобритании», в котором автор рассмотрела исторический опыт урегулирования международных конфликтов на примере урегулирования правящими кругами Великобритании Агадирского кризиса 1911 г. в условиях межгосударственного и межблокового противостояния.

Отвечая на вопрос О.А. Аршинцевой о том, что принципиально изменилось после Агадирского кризиса в британской дипломатической тактике по сравнению с долгой эпохой «блестящей изоляции», Р.Р. Каирбекова разъяснила, что после англо-бурской войны Великобритания была вынуждена пересмотреть все свои позиции. Первой ласточкой изменения позиций стало заключение антирусского союза с Японией в 1902 г., знаменовавшее собой настоящую революцию в традиционной английской внешней политике (с 60-х гг. XIX в.), постепенный переход от политики «splendid isolation» к политике создания союзов.

Достаточно дискуссионным стало обсуждение доклада доктора политических наук, заведующей кафедрой теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина Н.А. Комлевой «Концепция столкновения цивилизаций: прагматический аспект». Доклад был посвящен обоснованию того, что знаменитая «концепция столкновения цивилизаций» С. Хантингтона является ныне теоретической базой для геополитической экспансии в исламском мире глобальных корпораций Запада, прежде всего нефтяных.

Н.Ю. Кавешников выразил «концептуальное согласие» по поводу основных тезисов доклада, но при этом высказал два замечания. Во-первых, противостояние «The West and The Rest», по его мнению, имеет место по той простой причине, что Запад пытается сохранить свое место в глобальном разделении труда и в глобальной политической системе от тех вызовов, которые могут идти от бедных и периферийных стран, недовольных своим положением. Во-вторых, Запад в настоящей ситуации объединился вовсе не следуя концепции «Großraum», т.е. не ради нападения, а ради защиты себя, только ведет он эту защиту пока атакующими средствами, пока ресурсы позволяют. На самом деле, это не что иное, как оборона от тех вызовов, которые идут по разным векторам из разных уголков земного шара. Но, по большому счету, надрыв ресурсов уже в известной степени ощущается, также как и ощущается уменьшение способности Запада предсказывать и планировать свои собственные действия.

Л.В. Дериглазова вернула участников дискуссии к проблеме понимания цивилизации у С. Хантингтона. Она напомнила, что определений цивилизации существует множество, и, говоря о Хантингтоне, не стоит его демонизировать и преувеличивать его значение. Его статья вызвала такой шквал обсуждения и критики, и в Америке, в том числе, что он примерно через год вынужден был опубликовать статью «Если не цивилизации, то что?» Поэтому думать, что его статья задала какой-то вектор внешней политики, является сильным преувеличением. Кро-

ме того, С. Хантингтон был известным провокатором, он инициировал несколько больших дискуссий, в том числе, о третьей волне демократизации (в 80-х гг.). С. Хантингтон просто был таким мыслителем, который улавливал существовавшие тенденции и формулировал их таким образом, что это создавало основу для обсуждения академического сообщества. Н.А. Комлева согласилась с высказанными замечаниями, но, вместе с тем, заметила, что судьба концепции и судьба ее автора не означает, что она практически не востребована и не применяется, и критика концепции отнюдь не отменяет ее значения для политической практики.

На вопрос А.В. Манойло о том, каким будет следующий социальный заказ, после того как теория Хантингтона отомрет, Н.А. Комлева высказала убеждение, что концепт противостояния цивилизаций не будет исчерпан еще очень долго, потому что он подкреплен двумя важными вещами. Во-первых, теоретической – намеренной неопределенностью конструкта цивилизации – и, во-вторых, отсутствием реального геополитического противовеса мощи Запада. Только когда появится реальный долговременный противовес и восстановится мировой баланс сил, тогда мы увидим, какова будет следующая концепция. Очевидно, что она будет исходить не из «The West», а уже из «The Rest» и, скорее всего, эта концепция будет сформирована в будущем мировом гегемоне Китае, который разрабатывает концепцию всеобщей гармонии, как следующей пан-идеи, по терминологии К. Хаусхофера, которая должна вдохновлять следующую эпоху мирового развития.

Продолжила заседание доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений ТГУ О.Г. Лекаренко с докладом «Механизм урегулирования торговых конфликтов между США и Европейским союзом». О.Г. Лекаренко рассмотрела торговые конфликты между США и ЕЭС/ЕС и методы их урегулирования. На вопрос о том, как воспринимать идею создания трансатлантического рынка и как это будет соотноситься с ВТО, О.Г. Лекаренко пояснила, что это давно обсуждаемая идея, и заинтересованность сторон в его создании есть, но его создание наталкивается на все те же проблемы сертификации, стандартизации продукции и т.д. Поэтому даже первоначальные планы создания такой зоны свободной торговли затем были скорректированы в некое «пространство для торговли», т.е. первоначально амбициозная идея была сокращена для более приемлемых рамок.

А.В. Кротов попросил О.Г. Лекаренко уточнить, какое место занимают торговые конфликты между США и ЕС в ряду прочих конфликтов в рамках ВТО, учитывая тот факт, что Европа и США – это главные торговые партнеры, на которых приходится 40% мировой торгов-

ли и, по этой причине, конфликтов должно быть не так много. О.Г. Лекаренко ответила, что, напротив, конфликтов между ЕС и США достаточно много и, возможно, именно потому, что стороны обращаются в ВТО, так что многие исследователи даже говорят, что историю ВТО можно назвать историей разбирательств между ЕС и США. О.Г. Лекаренко также отметила, что торговые конфликты между ЕС и США усиливаются, это связано с тем, что в годы «холодной войны» экономические трения нивелировались наличием военно-политической угрозы, а с исчезновением ярко выраженной военно-политической угрозы экономическая составляющая выходит на первое место и начинает политизироваться. Вместе с тем, как выявили западные политологи, политические разногласия, наоборот, никогда не влияют на объемы торговли, например, в 2003 г., когда были острые политические споры по поводу войны в Ираке, торговля между ЕС и США увеличивалась.

Продолжила экономическую тематику профессор кафедры мировой политики ТГУ Е.Ю. Лицарева, выступившая с докладом «Экономический и валютный союз в условиях кризиса 2008 г. Реформирование системы ЭВС». В своем докладе она отметила, после вступления еврозоны в фазу серьезного кризиса весной 2010 г. становится ясным, что без существенных изменений самой структуры управления Экономического и Валютного Союза невозможно как эффективное управление еврозоной, так и всеми европейскими финансами.

Н.А. Комлева спросила Е.Ю. Лицареву, не означают ли охарактеризованные в докладе процессы более широкого кризиса – не просто кризиса социал-демократического видения социальных процессов, но кризиса политико-культурной составляющей, кризиса мультикультурализма в Европе, сопровождающегося преследованием цыган, усилением неофашистских движений и т.д. Е.Ю. Лицарева пояснила, что, как показал экономический кризис, в Евросоюзе нельзя разделять две таких сферы, как финансово-экономическая политика и социальная политика. Кризис показал, что должен быть некий комплекс социально-экономических мер, и сейчас в ЕС уже все больше говорят не об экономической или финансовой политике, а именно о социально-экономической политике.

На вопрос о перспективах расширения Евросоюза Е.Ю. Лицарева дала достаточно подробный ответ, отметив, что сейчас большинство специалистов полагают, что проблема расширения – это определенная революция в Евросоюзе, это фактически демонстрация того, что политический фактор стал определяющим, хотя изначально в ЕС определяющим был экономический фактор. Так называемое «четвертое расширение» Евросоюза – это в большей степени политический процесс,

не всегда соответствующий первоначальным целям экономического союза и Европейского Союза в целом, и сейчас многие говорят, что этот процесс нужно приостановить, в частности, многих пугает Турция. Впрочем, последняя, по мнению Е.Ю. Лицаревой, и сама не особенно рвется в ЕС.

Соискатель кафедры мировой политики ТГУ О.Ю. Смоленчук прочитала доклад на тему «Основные проблемы внешней политики Нидерландов в июне – декабре 1991 г. в решении Югославского кризиса». Молодая исследовательница рассмотрела в своем докладе проблемы внешней политики, которые решало Королевство Нидерландов во время пребывания на посту председателя Европейского Сообщества в отношении Югославского кризиса в июне – декабре 1991 г., и оценила возможные пути их преодоления. На вопрос А.В. Маковейчука о том, почему официальные Нидерланды проявили избирательность в признании новых государств на территории бывшей Югославии и какие интересы преследовали Нидерланды в этом регионе, О.Ю. Смоленчук ответила, что Нидерланды проводили интересы США на этот момент, а избирательность в признании объясняется, прежде всего, нежеланием Сербии идти на какие-либо уступки.

В продолжение дискуссии на эту тему О.А. Аршинцева напомнила о бытовавшей в 90-х гг. риторике в описании быстрой трансформации международных отношений в постбиполярном мире, когда позицию и роль США зачастую сравнивали с ролью шерифа, а европейцев ассоциировали с владельцами салуна. В связи с этим О.А. Аршинцева поинтересовалась, насколько эта риторика уместна при характеристике позиции Нидерландов в Югославском вопросе, или позиция вносит коррективы в эту риторику. О.А. Смоленчук в целом согласилась с корректностью такого сравнения, но при этом заметила, что Нидерланды пытались, с одной стороны, поддерживать весьма давние в их стране традиции атлантизма, а с другой стороны, сыграть некую координирующую роль в этом кризисе: как отмечалось по этому поводу в голландской литературе, «лучше что-то сделать, чем ничего не сделать».

Завершил второе заседание доклад доцента кафедры всеобщей истории и международных отношений О.Ю. Курныкина на весьма актуальную тему «„Арабские революции“ 2011 года (внутригражданские и международные конфликты)». По словам О.Ю. Курныкина, недавние потрясения в арабском мире в очередной раз продемонстрировали размывание грани между внутригражданскими и международными конфликтами и все большую проницаемость мирового политического пространства, уже не столь жестко, как прежде, разграниченного рамками государственного суверенитета. Доклад О.Ю. Курныкина вызвал живую

реакцию аудитории. А.В. Маковейчук поблагодарил докладчика за интересный доклад и, в качестве комментария, отметил все возрастающую роль социальных сетей, которые избавляют от необходимости создавать подрывные организации и удешевляют деятельность зарубежных спецслужб, потому что технологически становится возможным контролировать процессы и давать информацию по всему миру из одного центра с минимальным количеством деятелей. О.Ю. Курныкин по поводу этой реплики заметил, что наступает качественно новая историческая эпоха, до конца еще нами не осмысленная, характеризующаяся новыми информационными технологиями организации массовых протестных выступлений, и к этой ситуации придется привыкать и государственным структурам, и многим задействованным силам.

А.В. Манойло также поблагодарил О.Ю. Курныкина за прекрасный доклад и высказал несколько замечаний. По словам А.В. Манойло, на события арабской весны проливает дополнительный свет такой момент, что незадолго до начала войны в Ливии произошел резкий прорыв в ливийско-американских отношениях, там побывала с визитом Кондолиза Райс, и реляции, которые тогда публиковались в СМИ, были не просто оптимистичными, а восторженно-восхищенными. Говорилось о том, что открывается новая страница в отношениях, рисовались перспективы. А потом все эти перспективы были неожиданно перечеркнуты, произошел резкий поворот событий, и лучшие друзья на тот момент, как никогда заинтересованные друг в друге, вдруг неожиданно стали врагами. Такое сложно связать с выходом на арену каких-то повстанческих отрядов. Очень похоже на то, что стороны пытались о чем-то договориться, но не договорились, после чего решение вопросов перешло в иную плоскость.

Во втором замечании А.В. Манойло упомянул о точке зрения директора Института Африки РАН А.М. Васильева, который тоже отрицает теорию заговора и, в основном, пытается объяснить все события с точки зрения давно назревавшего социального взрыва и перечисляет массу факторов. Обычно этот взрыв представляют как, во-первых, усталость от власти, во-вторых, нищету, и, в-третьих, коррупцию. А.М. Васильев основные причины этого взрыва видит в демографическом пике, который связан с тем, что в этот момент в арабском обществе оказалось очень много молодежи в возрасте от 18 до 27 лет. Она очень подвижна, у нее еще нет собственных устоявшихся убеждений, и она пытается найти свое место в жизни. Эта пассионарная масса легко организуема, легко вовлекаема в любые протестные движения. Третьим моментом, на который обратил внимание А.В. Манойло, был тот факт, что когда в Ливии неожиданно, буквально в течение недели,

появились повстанческие отряды, они оказались хорошо организованными, в них была построена система координации действий из единого центра, и они были хорошо вооружены. По словам А.В. Манойло, даже если и организовать такие отряды можно в течение короткого времени (при наличии хорошего организатора), то организация поставки новейшего оружия – это очень длительный процесс, и это предполагает подготовку событий заранее.

***

Третье заседание было посвящено актуальному опыту истории и перспективам разрешения конфликтов России с другими государствами. Открыл заседание доклад доцента кафедры всеобщей истории и международных отношений АлтГУ А.М. Бетмакаева «Когда же закончилась «холодная война»? К вопросу о хронологических рамках конфликта Запада и Востока во второй половине XX в.». А.М. Бетмакаев дал обзор основных подходов к определению даты окончания «холодной войны» как глобального конфликта Востока и Запада. Он показал, что эти подходы сформировались в рамках двух дискурсов, общественно-политического и научного, проследил эволюцию этих подходов на материале отечественной и зарубежной историографии двух последних десятилетий. Доклад вызвал активное обсуждение, в частности, назывались некоторые другие условные даты окончания «холодной войны», и развернулась дискуссия по поводу понимания термина «холодная война». А.М. Бетмакаев заметил, что имеют место два подхода – универсальный, поскольку этот термин зародился еще в эпоху средневековья, и конкретно-исторический. В последнем случае имеется в виду именно противостояние капиталистического Запада и социалистического Востока во второй половине XX в., и в этом случае используется написание с заглавной буквы.

Следующим выступил доктор политических наук, доцент Волгоградского государственного университета С.В. Голунов. Его доклад «Теории заговора в контексте взаимоотношений России со странами Балтии» тоже вызвал бурную дискуссию. С.В. Голунов рассмотрел теории заговора, в которых идет речь о тайных планах России по отношению к странам Балтии и наоборот. Весьма остроумными были его наблюдения по поводу того, как используются «теории заговоров» в международных отношениях.

Продолжила заседание профессор кафедры мировой политики ТГУ Л.В. Дериглазова, которая в своем докладе ответила на замечания, высказанные в рецензии Е.А. Степановой на монографию

Л.В. Дериглазовой «Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными» (Томск, 2009). В выступлении был затронут ряд вопросов, важных для методологии изучения конфликтов.

Затем аспирантка Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Е.А. Корнеева познакомила участников конференции с проблемой этнонациональных конфликтов на территории Республики Крым.

Продолжительную дискуссию вызвал доклад аспиранта ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.В. Маковейчука «Стратегический имидж политической власти как фактор продуктивных межгосударственных коммуникаций и инструмент урегулирования межгосударственных конфликтов». Доклад был посвящен проблеме выстраивания эффективных и взаимовыгодных внешнеполитических коммуникаций и описанию основных моделей преодоления межгосударственных конфликтов. В ходе дискуссии наиболее остро обсуждалась проблема возможности улучшения имиджа страны искусственным путем и целесообразности финансовых затрат на это.

Завершающим стал доклад исследовательницы из Волгограда к.и.н. В.А. Смирновой «Ошибки при принятии внешнеполитических решений в условиях международных конфликтов». В.А. Смирнова выделила основные причины допускаемых ошибок. П.В. Рубцов обратил внимание на то, что «все рассмотренные теории – это, так или иначе, теории рационального выбора с налетом психологизма, что так любят американцы. В отечественной науке только эти теории и востребованы, в отличие от европейских, например, структуралистов и т.д.». В ответ В.А. Смирнова пояснила свое понимание «организационной модели» и резюмировала: «Но что касается обращения к тому, чего достигла европейская наука – это вопрос будущего и я приму к сведению Ваш посыл».

***

Затем были подведены **итоги конференции**. Участники высказали удовлетворенность ее результатами и отметили, что активное обсуждение докладов имело не меньшее значение, чем сами доклады. Это позволило прояснить многие вопросы и наметить перспективы дальнейших научных исследований. Были высказаны пожелания продолжить традицию подобных конференций и использовать новые формы сотрудничества в рамках складывающегося интеллектуального сообщества ученых – постоянных участников конференций Алтайской

школы политических исследований (проведение различных виртуальных конференций в Интернете, обмен педагогическим опытом, организация приезжими специалистами мастер-классов или показательных лекций для студентов Алтайского госуниверситета и т.д.). Материалы конференции и методического семинара было решено издать в виде научного сборника. Определена была и тема следующей конференции – «Информационные войны в международных отношениях». Ниже приводится стенограмма выступлений на заключительном заседании:

«*Чернышов Ю.Г.*: Мы раньше определяли тему следующей конференции на таких совещаниях, но сейчас, учитывая то, что заявки на грант надо подавать раньше, заявка уже пошла. Тему мы определили на заседании кафедры. Тема перекликается очень хорошо с тем, о чем мы здесь говорили. Для многих это «конек». Это тема – «Информационные войны в международных отношениях». Следующая конференция будет идти по той же схеме, что и эта, т.е., сначала (с апреля) проведем интернет-конференцию, а потом, если будет поддержан проект, в сентябре соберем и реальную конференцию. А сейчас, пожалуйста, можно высказать впечатления или пожелания по итогам конференции.

Манойло А.В.: Я хочу сказать о том, что конференция прошла в конструктивном, динамичном, очень интересном ключе. Несмотря на то, что времени она заняла совсем немного, масса очень интересных докладов была сделана. Самое главное, каждая из идей и концепций, которая была выдвинута, получила живое обсуждение. Сами результаты дискуссии, которые будут обработаны и напечатаны в сборнике едва ли не интереснее, чем содержание тех докладов, которые были представлены. Это, я полагаю, самый главный результат конференции, потому что любая конференция должна стать площадкой для обсуждений, дискуссий и развития новых направлений. Я почерпнул огромное количество новых идей и мыслей, и деталей, которые и для меня и, я уверен, для большинства участников послужат мощным стимулом для развития как собственных идей, так и для осмысления каких-то концепций. В этом отношении я очень благодарен организаторам конференции, пригласившим столь значительный состав участников. Буду очень рад приехать на следующие конференции и продолжить эту работу. В качестве пожеланий я бы хотел предложить дополнение к формату конференции. Я думаю, что можно было бы активнее включить в работу конференции студентов и. может быть, дополнить сессионные заседания, например, серией мастер-классов, либо показа-

тельных лекций, когда каждый из ведущих специалистов при желании дает некую показательную лекцию для студентов. Спасибо.

Кавешников Н.Ю.: Я присоединяюсь ко всем сказанным лестным словам. Действительно, я по инерции взял слово, сказать мне уже нечего, так как хотел предложить вовлечение студентов в этот процесс более активно, либо в уже упомянутый формат мастер-классов, либо через какие-то отдельные маленькие круглые столы с представлением студентами, аспирантами итогов своих работ. Тут, конечно, нужно подумать. Это все время, это, наверное, деньги, но это бы добавило драйва и полезности.

Филиппов В.Р.: Коллеги! Мне кажется, что все происходящее уже вышло из рамок просто конференций, а постепенно формируется неформальное сообщество, которое живет, развивается в течение целого ряда лет. Может быть, можно подумать о том, чтобы мы могли сотрудничать каким-то образом не только здесь, на очных конференциях, а, может быть, мы могли бы взаимодействовать виртуально, в период между конференциями. Это может быть, например, руководство дипломными работами в том случае, если студент находит какую-то тему, которая не прикрыта здесь и т.д. У меня была аспирантка виртуальная из Усть-Каменогорска, потом она, по-моему, работала в Алтайском университете, Леночка Тарасова. Рецензирование, оппонирование и т.д. Если кто-то защищается, нужен, например, внешний отзыв, оппонент, отзыв ведущей организации – это же не проблема. Это могут быть интернет-конференции в режиме онлайн. То есть использовать какие-то новые формы взаимодействия вполне оформившихся научных сообществ. Может быть придумано очень много. Это не требует ни денег, ни специальных организационных серьезных усилий, и в этом смысле совершенно не ограничено участие студентов, аспирантов и «вольных стрелков». Поэтому, я надеюсь, что мы постепенно будем сближаться не только на барнаульской земле. Вообще, здорово вы придумали эту школу, потому что мало, кто додумывается до того, чтобы конференцию превратить в некий институт. Спасибо большое. Действительно, с вами так радостно сотрудничать.

Маковейчук А.В.: Хотелось бы еще раз выразить благодарность за возможность участия в конференции. У меня достаточно скромный опыт участия в конференциях, и данная конференция прошла интересно, достаточно актуальные были темы, дискуссии, обсуждения. Я согласен с мнением Андрея Викторовича и Николая Юрьевича. Я их поддерживаю по поводу возможности мастер-классов и студенческой активности

и виртуальной активности в проведении. Как практикующий пиар-специалист скажу, что конференция знаковая и является пиар-событием в научной, да и в общественной жизни Барнаула и Алтайского края. Как вариант, в будущем, я рекомендовал бы привлечение СМИ для освещения этого события. Я, например, ожидал телевидение, интервью, как это обычно бывает, тем более, если будут организованы такие интересные интерактивные вещи, как мастер-классы и т.д.

Дериглазова Л.В.: Я хотела бы присоединиться к благодарности, высказанной коллегами, потому что это было очень высокопрофессиональное мероприятие, где было очень интересно слушать и трудно удержаться, чтобы не задать вопросы. Поэтому я прошу прощения, если много спрашивала. Говоря о будущем продолжении, мне кажется, что, может быть, нам надо создать какое-то практическое русло, какой-то список желающих участвовать в предложенных мероприятиях, консультациях и т.д. Может быть, создать так называемую коалицию желающих, где было бы имя, контакты, т.е. банк данных, кто согласен в этом участвовать. Потому что не факт, что все смогут или захотят. Это первое. Второе. Я хочу сказать, что на эту конференцию приехали четыре томича в рамках нашего совместного проекта по Европейскому Союзу, и хотела обратить внимание наших коллег на те мероприятия, которые будут дальше проводиться. У нас 24–25 октября будет конференция в Томске, посвященная отношениям ЕС, России. Еще я, конечно, хотела сказать, что Алтайская школа политических исследований как институт – это действительно важное явление в интеллектуальной и в политической жизни этого региона и гораздо шире. Мне хочется пожелать успехов в нахождении грантов, в поддержании интереса местных ученых, ученых из региона к продолжению жизни и активной интеллектуальной жизни этой институции. Всяческих успехов!

Корнеева Е.А.: Хочу поблагодарить. Для меня Алтайская школа – это первое научное открытие сейчас, потому что неожиданно получилась очень стильная обстановка. Я заметила, что из Петербурга я одна. Связи с Петербургом тоже надо налаживать, потому что много интересных докладов, интересных работ, интересных ученых живет в Петербурге. Средства и пути надо будет обсуждать. Выход на каких-то интересных лиц тоже надо будет обеспечивать. Барнаул географически находится очень удачно. Это может быть сбор всех сибирских округов и западных. Интернет-конференция – это вообще замечательная идея, что можно налаживать каналы непосредственно с Петербургом, с университетами.

Смирнова В.А.: Хотела поблагодарить Алтайскую школу политических исследований, сделать комплимент по поводу Живого журнала, который регулярно в Волгограде читаем с интересом. Из пожеланий есть момент по соблюдению регламента. Многоречие – это, конечно, хорошо, но регламент хорошо бы соблюдать. Может быть, попробовать назначение «адвоката дьявола», который бы следил за соблюдением формальностей, потому что это задает очень интересный тон. Благодушие, желание не обидеть – это хорошо, но хотелось бы больше критических замечаний.

Курныкин О.Ю.: Я хотел бы высказаться по поводу инновации, которой раньше не было. Меня, честно говоря, невероятно удивила и даже поразила готовность, энтузиазм наших гостей провести методсеминар и обменяться опытом преподавания. Для меня это была очень важная составная часть конференции. Я с большим удовольствием слушал эти выступления, потому что они дали для нас много полезной информации. Я хотел бы и от себя и от своих коллег по кафедре высказать большую благодарность нашим гостям. Спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Небольшой ответ на то, что прозвучало. Спасибо всем за высокие оценки работы. В оргкомитете работали, на самом деле, не менее десятка человек, каждый по своему направлению. Вы видели их роли, заметные и незаметные. Хочется поблагодарить всех, кто помогал провести конференцию.

Я хотел бы отметить, что в этом году конференция оказалась даже лучше, чем были первоначальные ожидания, благодаря тому, что удачно подобрались участники, приезжие гости, и благодаря тому, что нам удалось в этом году на хорошем материальном уровне все это провести.

По поводу СМИ. Это больная тема. Вы правильно совершенно сказали, что хорошо бы, конечно, чтобы, раз уж приезжают сюда такие именитые и компетентные гости, максимально использовать их, пригласить журналистов, чтобы они давали интервью и т.д. У нас все это было в Алтайском крае в 90-е гг. в самой полной мере. Минимум три телекамеры всегда были на наших конференциях. Всегда объемные статьи в газетах выходили о том, что происходило и т.д. Здесь участвовали известные политики, поскольку это все имело актуальный гражданский смысл. Но настали другие времена. То, о чем я говорил при открытии. Понимаете? Сейчас эксперты говорят «слава Богу!», если им хотя бы не мешают организовать какую-то независимую площадку. Рекламировать ее никто не будет, потому что сейчас все акцентировано на

выборы, на агитацию, на пропаганду и т.д. Неангажированные организации, как минимум, не приветствуются. Но мы стараемся сохранить традиции научной объективности. Надеемся, что времена когда-нибудь изменятся в лучшую сторону, и будет интерес и к общественным дискуссиям, и к высокопрофессиональным экспертным мнениям.

По поводу виртуальных площадок. Да, есть такие интересные опыты. Я отслеживаю в Интернете разные попытки. Некоторые коллеги на голом энтузиазме организуют, допустим, в Скайпе, семинар. Я пару раз поучаствовал. Вообще, это смешно пока выглядит, потому что связь часто зависает, обрывается, и участники только и повторяют: «Ау, ау, ты меня слышишь?». Основная часть семинара проходит в перекликании друг с другом. Это все, наверное, будет совершенствоваться. Но, действительно, интересно, когда один эксперт находится в Париже, другой – в Санкт-Петербурге, третий – в Ялте, а четвертый – в Барнауле, и все одновременно обсуждают какую-то проблему.

Привлечение студентов, да, безусловно, полезно и необходимо. Это всегда свежая струя. Надо будет подумать, действительно, как это расширить. Но мы никогда не закрывали дорогу студентам. Я думаю, это как раз отличие нашей конференции от других, где студенты вообще не подпускаются, когда считают, что если человек без степени, то нечего ему делать за кафедрой. У нас студенты участвуют, сами подходят, говорят, чтобы включили их в оргкомитет. Это радует, честно говоря. Есть молодежь, которая интересуется чем-то, хочет чего-то добиться лучшего, что-то новое узнать. Таких студентов мы всегда рады поддерживать. Многие из них входят в организацию «Международник». Надеемся, что они будут продолжать эти традиции.

Обычно, когда мы подводили итоги конференций, говорилось о том, что, увы, не хватило времени додискутировать. Наверное, осталось такое ощущение и сейчас. Не по всем интересным докладам полностью высказались все, кто хотел. Но регламент нужен. Причем мы просто вынуждены были убрать из программы почти всех наших алтайских докладчиков, оставили только приезжих гостей, чтобы они успели спокойно выступить.

По поводу дискуссии. Отмечу то, что несколько раз наблюдалось: у нас не было единомыслия. Мнения часто бывали разные. По поводу, скажем, конспирологии. Одни склонны больше акцентировать внимание на «заговоры», другие склонны, скорее, критически относиться к их значению. Но правы по своему и те, и другие: в истории всегда есть место и заговорам, и действию объективных факторов. Важно все это оценивать адекватно и в комплексе, без крена в какую-то одну сторо-

ну. То же самое и по поводу имиджелогии. Одни склонны утверждать, что надо собрать все усилия, создать единый имидж России и стройными рядами продвигать этот имидж за рубеж. Другие участники критично относятся и говорят, что реальность никогда не будет преодолена усилиями имиджмейкеров. Если хочешь, чтобы тебя хорошо воспринимали, просто будь действительно хорошим. Вот и весь секрет. А имидж – это только косметика.

Вроде бы разные подходы, но что хорошо, и что мне понравилось, – что у нас не было крайностей, никто никого ни в чем не обвинял. Напротив, был диалог, направленный на взаимное понимание. В итоге у нас получилось достаточно конструктивное, интересное обсуждение. Разные мнения были высказаны, но мы, может быть, благодаря этому и приблизились к истине.

Спасибо всем участникам, и до следующих встреч на Алтае!».

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ

Международная
научно-практическая конференция
«СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(Разрешение межгосударственных конфликтов:
актуальный опыт истории
и современность)»,

23–24 сентября 2011 г.

Секция 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТЕМЕ

О.А. Аршинцева
Современные международные конфликты: обзор популярных концепций

В системах международной и национальной безопасности вооруженные конфликты и войны традиционно рассматриваются как наиболее серьезная угроза. Даже появление на рубеже XX–XXI вв. новых по природе и глобальных по масштабам угроз, включая экологические и информационные, не сняло с повестки дня мировой политики угрозу вооруженных конфликтов. Напротив, в условиях уплотнения международной среды и растущей взаимозависимости участников международных отношений, возникает эффект более масштабного воздействия локальных и региональных вооруженных конфликтов.

Современная конфликтология в части представлений о международных конфликтах, вооруженных, в том числе, радует разнообразием концепций. При этом они слабо согласуются между собой, поэтому любая попытка систематизации представляется актуальной. Основная трудность заключается в том, чтобы сформулировать корректные, т.е. более-менее сопоставимые основания для искомой систематизации. При этом следует учитывать, что отечественные и зарубежные авторы зачастую рассматривают проблему в рамках своей, достаточно изолированной предметной области с использованием соответствующих специальных категорий. С этой оговоркой и без претензий на глубокие концептуальные обобщения и предпринята данная попытка обзора наиболее распространенных среди отечественных исследователей подходов к проблеме международных (вооруженных) конфликтов. За основу взято ключевое для каждой из концепций понятие, которое указывает и на методологические предпочтения того или иного автора.

1. Понятие «конвенционные-неконвенционные-тотальные войны» (М. Хрусталев) [1, с. 24–28] позволяет разделить известные в истории военные конфликты на три (иногда две, исключая нековенционные как отдельный тип конфликтов) группы. Каждый из трех типов характеризуется различием в целях и рассматривается в рамках анализа международных ситуаций и в связи с необходимостью комплексной классификации войн. Она, в свою очередь, призвана интерпретировать исторический опыт применительно к современным международным конфликтам. Составной частью указанной классификации является более

традиционное определение типа войны по характеру (регулярная, партизанская и диверсионно-террористическая), что дополняет характеристику возникавших в прошлом вооруженных конфликтов, но принципиально не расширяет аналитические возможности в отношении современных конфликтов.

2. Понятие «войны нового поколения» – шестого (Д. Слипченко) или четвертого поколения (впервые использовал в 1989 г. американский исследователь У. Линд). Все существовавшие в истории цивилизации конфликты разделены на поколения в соответствии с качественными скачками (революциями) в военном деле, из чего понятен исключительно военно-стратегический характер концепции. Для международного анализа представляет прикладной интерес описание вооруженных конфликтов нового поколения, из которого вытекает характеристика гипотетической войны будущего, отличающейся в высшей степени нелинейностью тактики: будет стерта грань между войной и миром, военные действия сведутся к серии операций. Благодаря современным средствам дистанционного уничтожения исчезнет противоположность между фронтом и тылом, так как вся территория противника окажется в зоне досягаемости вражеской авиации и ракетных обстрелов. Массовые армии и масштабные вторжения уйдут в прошлое, поскольку боевые задачи будут выполнять небольшие по численности, но высокотехнологичные соединения. Особо возрастет роль информации и дезинформации в достижении целей войны. Из этого вытекает преимущественно партизанский или диверсионно-террористический характер войн (см. выше – пункт 1). Авторы «Современной мировой политики» [2, с. 216–217] справедливо упрекают авторов указанной концепции за то, что, делая упор исключительно на технологические аспекты, они игнорируют информационно-психологические и собственно политические, т.е. не отвечают на вопрос о месте войн в современных международно-политических процессах.

3. Конфликт как вариант игры с нулевой (ненулевой) суммой рассматривается в конкретном случае использования теории игр в анализе международных отношений. Теория игр – математическая теория анализа стратегического поведения (взаимодействия сторон) объясняет логику рационального поведения сторон в условиях конфликта интересов. Данное определение объясняет возможности теории игр как метода международного анализа, которые широко использованы западными аналитиками начиная с 50-х гг. XX в., особенно в военно-стратегической области. Этот вектор исследований был задан основоположником теории игр Дж. Нейманом, который использовал ее

в конце Второй мировой войны для рекомендаций по выработке оптимальной военной стратегии. Поскольку вариант игры с нулевой суммой описывает ситуацию чистого противостояния, когда участники имеют лишь противоположные интересы (конфликт на жестких условиях), он сохраняет свое значение в первую очередь для описания традиционных вооруженных конфликтов. На этом фоне более перспективным методом анализа современных вооруженных конфликтов представляется вариант игры с ненулевой суммой. Признанным авторитетом в этой области является нобелевский лауреат 2005 г. американец Т. Шеллинг, работа которого «Стратегия конфликта» была опубликована на русском языке в 2007 г. На основе обоих вариантов теории игр разработаны прикладные теоретико-игровые модели международных отношений, которые в зарубежных научных центрах применяются в стратегических исследованиях, для изучения международных конфликтов, проблем войны и мира, а также переговорных процессов и других форм сотрудничества. Они становятся все более популярными в прикладном анализе, при этом акцент смещается на переговоры по прекращению военных действий по обоюдному согласию сторон. В частности, актуальным перед лицом террористической угрозы вопросом, который рассматривается с помощью теории игр, является вопрос, стоит ли вести переговоры с террористами (вопреки официальному запрету, существующему, например, в США). Прикладной характер теории игр как количественного метода международного анализа содержит свои плюсы и минусы. С одной стороны, «оцифровывая» некоторые параметры международных конфликтов, она позволяет сделать прогнозы более объективными. Но, с другой стороны, она же таит в себе опасность формализации реальных процессов – к примеру, в области мотивации участников конфликта. К тому же, отечественный опыт применения этой методики остается достаточно скромным.

4. Понятие «асимметричный конфликт» (Л. Дериглазова) воспринято из американской политологии. Сформулированное Э. Макком в середине 70-х гг. XX в., оно получило распространение в военно-стратегическом анализе на рубеже столетий, став популярным и в понятийном словаре более широкого круга экспертов-международников. Понятие асимметрии стало использоваться применительно к угрозам, «асимметричный конфликт» стал выделяться в самостоятельную понятийную категорию. По заключению известного отечественного специалиста в данной области Л. Дериглазовой, достигнутая высокая степень разработанности понятия асимметрии позволяет вывести проблему асимметричных отношений за рамки военных конфликтов и не рассматривать асимметрию как аномалию при характеристике общест-

венных процессов [3]. Безусловно сохраняя свое значение в прикладном анализе различных вариантов современных конфликтов, концепция асимметрии остается уязвимой с точки зрения комплексного (многофакторного) подхода к международным отношениям.

5. Понятие «управление конфликтом» (В. Кременюк) выводится автором из реальной международной практики второй половины XX в., в рамках которой главные участники МО, руководствуясь прагматическими и гуманитарными соображениями, признали желательным мирное политическое урегулирование конфликтов. Соответствующий опыт ядерной эпохи и холодной войны с ее биполярным механизмом регулирования рассматривается, в свою очередь, для выявления характера и структуры конфликтности в международных отношениях прошлого и настоящего. Под структурой исследователь как раз и понимает основные группы столкновений, выделяя три основных уровня конфликтов в современном состоянии международных отношений и оценивая их с точки зрения содержащихся угроз. На верхнем уровне – конфликты между развитыми странами, которые, при доминировании США в группе развитых держав с соответствующей структурой отношений, вряд ли возможны. На нижнем уровне – конфликты между беднейшими и малоразвитыми странами, ставшие привычными в восприятии мировой общественности, в механизмах вмешательства институтов и ведущих акторов мировой политики. Усиление конфликтности по сравнению с периодом «холодной войны» происходит в настоящее время на среднем уровне – из-за нестабильности государств, находящихся в разных вариантах транзита (из бывшего социализма, колониализма и т.п.). На этом уровне не действует традиционное ядерное сдерживание, в подоплеке присутствует межцивилизационное столкновение. Однако сами механизмы управления конфликтами рассматриваются исходя из состояния системы – достигла она или нет пределов своих возможностей в этой сфере, что в итоге ограничивает прикладные возможности приведенной выше трехуровневой классификации.

Подводя итог, отметим, что перечисленные концепции в порядке расположения все более выходят за рамки узко предметного анализа и тяготеют к комплексному рассмотрению международных конфликтов как самостоятельного, но не изолированного фактора современной мировой политики. Однако при всех несомненных достижениях отечественных исследователей, открытых и зарубежному опыту, остается актуальной задача разработать более универсальную концепцию конфликтов, которая соединила бы теоретическое осмысление закономерностей мирового развития и анализ их прикладного значения для интересов мира и международной безопасности.

Литература

1. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М., 2008.

2. Современная мировая политика. Прикладной анализ. М., 2010.

3. Дериглазова Л. Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. 2010. Т. 8. №2 (23).

Л.В. Дериглазова
Ответ на некоторые замечания, высказанные в рецензии Е.А. Степановой

(Степанова Е.А. Асимметричный конфликт как нематематическая категория // Индекс безопасности. 2011. №2 (97)).

Е.А. Степанова пишет о необходимости ответить на три вопроса применительно теории асимметричного конфликта: 1. Кто основные участники асимметричного конфликта и как состав участников таких конфликтов менялся во времени? 2. Какие критерии, помимо военно-силового и статусного, характеризуют и определяют асимметрию в конфликте? 3. Какие характеристики и условия позволяют даже тем вооруженным акторам, которые не имеют преобладающей, массовой поддержки среди населения, бесконечно долго вести асимметричное противостояние в отсутствии решающего исхода?

Е.А. Степанова критикует монографию за банальность выводов о количественных параметрах асимметричных конфликтов, некорректное использование термина «международный конфликт», неартикулированность собственных выводов, отсутствие новизны в аргументах, «сумятицу» в концептуализации феномена, в смешении и взаимозаменяемости понятий «асимметричный конфликт», «малая война» и «гражданская война» и т.д.

Вместе с тем рецензент полагает, что книга представляет «историографическую ценность», свидетельствует о «весьма высокой степени знакомства с мировой научной литературой, военно-политической мыслью и статистикой в российской университетской среде, в том числе в «ведущих провинциальных университетах» и может быть «использована в учебных курсах в военных академиях и системе подготовки специалистов для работы в структурах безопасности».

Прежде всего, хотелось выразить признательность за столь развернутую рецензию на свою работу, написанную одним из немногих российских ученых, использующих концепцию асимметричного конфликта в своих исследованиях. Ценность рецензии придает и то, что Екате-

рина Андреевна является «инсайдером» как в западной науке о конфликтах, включая ее теоретический и количественный анализ благодаря своей работе в Стокгольмском международном институте исследований проблем мира (СИПРИ), а также в ведущем российском центре – Институте Мировой экономики и международных отношений.

Пристрастный читатель почти всегда позволяет увидеть и оценить работу со стороны, что достаточно трудно сделать самому автору в силу погруженности в материал и «замыливания глаз». Мне повезло, и я получила уже пятый развернутый и неформальный отзыв на свою работу. С некоторыми положениями, высказанными в рецензии, я согласна, некоторые замечания требуют ответа в продолжение научной дискуссии, без которой невозможно достижение истинного знания. И я признательна Екатерине Андреевне за возможность еще раз высказаться на заданную тему.

Хотелось бы начать с того, что структура и содержание книги во многом были продиктованы необходимостью обращения к важной проблеме, которая не получила необходимого внимания в российском политическом дискурсе. Это проблема особенностей современных вооруженных конфликтов, которая напрямую выходит на уровень формирования политики в области безопасности – внутренней и международной, военных институтов, взаимоотношений военных и гражданских институтов общества. Эти проблемы чрезвычайно актуальны для России, однако они по-прежнему обсуждаются кулуарно в замкнутых экспертных сообществах, либо как проблема, актуальная исключительно для западных стран.

Обращение к этой проблеме через призму теории асимметричного конфликта – попытка доказать, насколько данная проблема является актуальной и существенной для российской аналитики. В то же самое время, я надеюсь, мне удалось показать, что обращение к этой проблеме имеет более широкий методологический и терминологический охват, помимо границ, очерченных собственно теорией асимметричного конфликта. Мне неоднократно доводилось общаться в отечественными и зарубежными специалистами, которые не считают использование данной концепции плодотворным. Однако, по моему глубокому убеждению, применение концепции асимметрии для анализа современных конфликтов позволяет заострить и вычленить проблему, создавая необходимый дискурс для заинтересованных аналитиков.

Некоторые замечания, высказанные Е.А. Степановой, основаны на существующих методологических и терминологических сложностях в разрабатываемой теории. Очень коротко хотелось бы изложить некоторые положения, которые важно учитывать при использовании тео-

рии асимметричного конфликта в теоретических и прикладных разработках. Важно выделять теорию, феномен и модель асимметричного конфликта, а также использование концепции асимметрии при анализе конфликтов [1; 2, с. 9–28].

Концепцию асимметрии используют для характеристики отдельных элементов конфликта для акцентуации их несоразмерностей или нетождественности.

Теория асимметричного конфликта обращена к выявлению закономерностей столкновений между неравными в статусах и силе (базовые асимметрии) противников на основе холистского подхода, т.е. учета всех элементов конфликта между неравными антагонистами, которые приводят к поражению сильной стороны. Рассматриваемая теория, как и всякая другая, является выражением возможности, а не неизбежности развития конфликта, так как асимметричный конфликт вовсе не обязательно и не всегда заканчивается победой слабого.

Феномен асимметричного конфликта, который определил в свое время Э. Макк применительно к великим державам, означает поражение сильного участника конфликта, что может быть установлено только после завершения борьбы. Индикаторами политического поражения в вооруженном конфликте, которое может и не совпадать с военным поражением, являются прекращение борьбы и отказ от поставленных целей [3]. Анализ конфликтов с участием великих держав для разработки теории асимметричного конфликта связан, прежде всего, с наиболее парадоксальными примерами поражения в асимметричных конфликтах сильных игроков, а также тем, что именно великие державы дают наибольшую статистику участия в подобных конфликтах в послевоенный период [4, с. 87].

Модель асимметричного конфликта, которая была предложена в книге, представляет матрицу факторов, которые приводят к подрыву воли сильного противника и заставляют его прекращать борьбу вопреки своим интересам. В инверсии могут рассматриваться причины победы слабого участника конфликта, для чего также была предложена аналитическая модель [4, с. 49, 51].

Использованная в заглавии книги формула «уравнения со многими неизвестными» выражает уверенность в том, что асимметричный конфликт может рассматриваться как аналитическая модель, т.е. набор определенных переменных, которые в каждом конкретном случае могут принимать разные значения, представляя собой «неизвестную» величину, выражаясь математическим языком. Результативной частью модели и теории асимметричного конфликта является возможность

политического поражения сильной стороны в результате истощения политической воли к продолжению борьбы.

Как совершенно справедливо отмечено в рецензии, разработка теории асимметричного конфликта продолжается уже почти 40 лет. Знакомство с работами Е.А. Степановой показывает, что ей самой, как и многим другим ученым, не удалось пока найти удовлетворительные и однозначные ответы на три вопроса, которые она задает в рецензии, или предложить что-то новое в разработке теории асимметричного конфликта [5]. По моему мнению, некоторые критические суждения в рецензии вызваны неудовлетворенностью Е.А. Степановой методологическим уровнем науки о конфликтах вообще и ее конкретными достижениями в области теории асимметричного конфликта в частности. Кроме того, некоторые высказанные оценки показывают достаточно поверхностное прочтение рецензируемой книги, не говоря уже о допущенных неточностях. Е.А. Степанова пишет о том, что американские военные обратились к разработке теории асимметричного конфликта в 2000-е гг. Однако генерал Д. Петреус и Дж. Нагл, о которых она пишет, изучали проблему антипартизанских стратегий гораздо раньше. Д. Петреус защитил в 1987 г. докторскую диссертацию по международным отношениям в Принстонском университете на тему «Американские вооруженные силы и уроки Вьетнама: Изучение влияния вооруженных сил и использования силы в поствьетнамский период». Дж. Нагл в 1995–1997 гг. писал докторскую диссертацию в университете Оксфорда о сравнении антипартизанских стратегий Великобритании в Малайе и США во Вьетнаме. Хотя его популярная книга «Учимся есть суп ножом: уроки антиповстанческих операций в Малайе и Вьетнаме» (John Nagl. Learning to Eat Soup with a Knife: Counterinsurgency Lessons from Malaya and Vietnam. Westport Praeger , 2002) по материалам диссертации была опубликована позже.

Стоит также отметить, что война во Вьетнаме, которая стала главным основанием для разработки теории асимметричного конфликта, никак не являлась для США антиколониальной, вопреки утверждению рецензента о том, что «классическая литература по асимметричным конфликтам долгое время была сосредоточена на войнах между государствами и на крупных антиколониальных войнах».

Пожелание рекомендовать книгу в качестве учебного пособия для гражданских и военных специалистов, несомненно, радует. Главное, чтобы такое чтение побуждало мысль и дискуссии среди специалистов, а не желание щедро заимствовать, как это произошло с моей статьей [6] на страницах ведущего российского военно-теоретического журнала,

издаваемого Министерством обороны РФ[1]. В завершение мне приходится констатировать сохранение самого печального из всех видов провинциализма – столичного, который проявляется в убеждении, что уровень работы может определяться местом жительства ученого.

Литература

1. Дериглазова Л.В. Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2 (23). С. 51–64.
2. Дериглазова Л.В., Минасян С. Нагорный Карабах: Парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте // Аналитические доклады Института Кавказа. 2011. №3, январь.
3. Идеальный провал: война США в Ираке через призму теории асимметричного конфликта // Свободная мысль. 2010. №3. С. 5–16.
4. Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск, 2009.
5. Степанова Е.А. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. 2010. №3. С. 47–54.
6. Дериглазова Л.В. Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные процессы. 2005. Т. 3, №3 (9). С. 85–94.
7. Чекинов С.Г., Богданов С.А. Асимметричные действия по обеспечению военной безопасности России // Военная мысль. 2010. №3. С. 13–22 (16–18).

Л. Донай
Глобализация versus суверенитет государства: источник конфликтов или «мирная» тенденция изменения международной конфликтности?

В течение почти всего XX в. в рамках парадигмы, заданной Вестфальской системой международных отношений (начиная еще с середины XVII в.), понимание суверенитета отождествлялось с полной свободой деятельности государства, не требующей «внешнего» согласия на какое-либо ограничение своих «внутренних» компетенций. Суверенитет государства обычно определялся как независимость государственной власти, базирующаяся на отделении ее «внутренней» компетенций от прямого влияния внешних факторов, продуцируемых прочими государствами и их объединениями, ограниченной только

[1] Значительная часть статьи была дословно скопирована в статье, которую опубликовали военные специалисты высокого ранга. См.: [7].

общим международным контекстом. В сфере внутренних дел суверенитет означает полную самостоятельность и полномочия в урегулировании всех конфликтных отношений внутри государства исключительно собственными силами и средствами (см.: [1, с. 440–441; 2, с. 446–470; 3, с. 214–215; 4, с. 1494; 5, с. 15]). Однако современная ситуация, складывающаяся в контексте становления так называемой «поствестфальской» системы международных отношений, порождает два принципиальных тесно взаимосвязанных вопроса: 1) являются ли современные государства – будучи до сих пор основными единицами организации мира – основными акторами международных конфликтов? 2) какое влияние оказывает трансформация общего потенциала конфликтности в контексте глобализации?

Польский профессор А. Гавганек отмечает, что с XVI по XIX в. можно было наблюдать рост интеграции международной системы: европейские страны могли создавать большие империи, потому что: 1) имели все более мощные военные и административные технологии; 2) как правители, так подчиненные принимали контекстные условия легитимации; 3) международное стремление к равновесию сил и экономическая борьба порождали конкурентную экспансию.

Вестфальская система на конечном этапе своего развития (вторая половина XX в.) преобразовалась в биполярную. Это стало закономерным этапом в итоге «системной элиминации» – прежде всего ослабления ключевых сверхдержав имперского типа (австрийской и оттоманской империй в период I мировой войны; британской, французской, немецкой, японской и других после II мировой войны) [6, с. 2000; 7].

Международные отношения второй половины XX в. формировались под влиянием ядерных технологий. Обострение современного национализма в роли доминирующего принципа социополитического развития политических единиц делигитимировал систему. Последней рухнула советская империя с наиболее развитым, альтернативным по отношению к национализму, принципом легитимации.

После окончания «холодной войны» национальное самосознание становится главным фактором легитимации единиц политической системы, формирующей международную систему. Системные противоречия этнонациональной и государственнической (этатистской) парадигм социополитического развития стали основной причиной усиления конфликтогенного потенциала в общемировом масштабе (что вылилось в многочисленные конфликты и силовые противостояния – начиная с Балкан и Кавказа и заканчивая Африкой).

Отталкиваясь от наработок американского профессора С.Й. Кауфмана, можно отметить два следствия этих процессов.

С одной стороны, государства, легитимированные таким образом, имеют общий интерес в развитии принципа взаимного признания суверенитета. Этот принцип минимизирует общий конфликтогенный потенциал межгосударственных отношений и в силу этого находит широкое применение в общем международном праве, воплощаясь в международные политико-правовые нормы и международно-политические практики, противодействуя порождаемым процессами глобализации и транснационализации последствиям дисбаланса сил.

С другой стороны, в глобальной системе, состоящей из более чем двух сотен суверенных государств, влияние сверхдержав уменьшается – даже в условиях недолгой однополярности «глобальная гегемония» была не более чем относительной, чья значимость нивелировалась на региональном и смежных уровнях. В силу этого современная система на глобальном уровне становится достаточно стабильной (уровень глобальной конфликтности существенно уменьшился в сравнении с периодом «холодной войны»). На региональном и смежных уровнях она преобразуется скорее в сосредоточение соответствующих подсистем, которые становятся все более независимыми от глобальных [7]. В силу этого глобальные факторы сдерживания конфликтности становятся все менее действенными.

Государства, бывшие в течение веков единственными участниками международных отношений, пока что остаются основными единицами структурной организации мира. В дальнейшей перспективе их роль в международных отношениях остается доминирующей [8, с. 162; 9, с. 71; 10; 11, с. 166; 12, с. 37; 13, с. 40; 14, с. 88; 15, с. 88], хотя, несомненно, видны симптомы их ослабления.

По мнению профессора Ю. Кукулки, преобладание государств в международных отношениях – следствие четырех причин: 1) государства являются наиболее организованными общественными группами, охватывающими и контролирующими народы и классы, и одновременно являются элементарными единицами международной среды; 2) государственная принадлежность имеет обязательный характер по отношению к индивидуумам и общественным группам; 3) государства – наиболее значимые и динамичные международные участники; 4) межгосударственные отношения являются основой международных отношений [10, с. 93–95; 15, с. 88].

В настоящее время более четкими становятся процессы ослабления традиционной роли государств в международных отношениях. Причины этого явления лежат в трех основных плоскостях: субъектной, предметной и пространственной.

В субъектной – государства до сих пор являются наиболее значащей, хотя и меньшей группой международных участников. Две сотни стран (из них множество – малых и слабых) по сравнению с несколькими десятками тысяч международных корпораций, обороты и прибыли которых превышают бюджеты и доходы многих государств, – количество малозначительное. Еще большие диспропорции проявляются в сравнении с трудно определяемым числом неправительственных организаций, количество которых колеблется до нескольких миллионов этого типа организаций в целом мире. В силу этого государство как основной участник мировых конфликтов – как минимум на локальном уровне – постепенно, но неуклонно уступает перед натиском негосударственных акторов – начиная с «частных армий» и негосударственных вооруженных формирований (от повстанцев до организованных бандгруппировок) и заканчивая негосударственными гуманитарными структурами («Врачи без границ» и т.п.).

Отношения между государствами и неправительственными акторами приобретают все новые формы (в рамках общих сценариев сотрудничества, нейтралитета, конфликта) и развиваются на все новых уровнях (от локального до глобального) [16, с. 199–210; 15, с. 88–89].

Общей чертой деятельности неправительственных участников является постоянное стремление к расширению своей автономии по отношению к государствам. В измерении предметном видна тенденция ограничения или же выхода государств из многих сфер, остававшихся до сих пор приоритетами его активности, таких как экономическая, валютная, общественная политика. Во многих случаях проявляется не только минимизация функций государства по урегулированию конфликтов – с контрольной на регулятивную, но также отказ или передача полномочий в этой области другим участникам (как внутренним, так и международным).

Кроме этого, государство теряет общую монополию на применение силы – основного инструмента решения конфликтов – в том числе на своей территории, а не только вне ее [17; 15, с. 89].

Многие ключевые причины системных трансформаций лежат также в пространственной плоскости функционирования государства в международных отношениях. К числу традиционных концепций пространства в виде материков, морей и океанов с начала XX в. добавилось воздушное пространство, а со второй его половины – и космическое. Над измеряемым таким образом пространством государство всегда старалось сохранить максимум контроля, используя соответствующие инструменты предотвращения и урегулирования конфликтов. В настоящее время, когда к числу вышеуказанных пространств можем

добавить еще и измерение киберпространства, возможности контроля целостного многомерного пространства становятся все более ограниченными, а применение государственных инструментов – все менее эффективным [15, с. 89–90].

Государство, будучи специфической формой организации общественной жизни, старается приспособиться к изменениям, имеющим место внутри страны, а также на международной арене. Это ведет к ряду последствий, одним из которых является эволюция актуальной модели территориального государства, базирующейся на «классической» модели, заложенной еще Вестфальским миром 1648 г., в направлении новой формы. Результатом этого уже стали принципиальные изменения во многих сферах его деятельности. Следует также принять во внимание, что эволюция роли и модели государства означает важный перелом в функционировании международных отношений. Это конец определенный эпохи – всей вестфальской парадигмы, неизменной по сути (хотя и трансформирующейся внешне) с середины XVII в., когда существование суверенных государств было основным условием ее создания и функционирования. С другой стороны, это начало нового порядка, формы которого мы пока что не в состоянии предвидеть и описать [15, с. 90] (см. также: [18–21]).

Польский профессор В. Малендовский утверждает, что суверенитет не должен рассматриваться как препятствие в реализации заданий, вытекающих из взаимозависимости, обусловленной процессами глобализации. Глобализация не перечеркивает суверенитета и не ведет к его ликвидации. Члены международного сообщества, сохраняя независимость, а также способность к самоограничению, сохраняют и международно-правовую субъектность, выражающуюся в международных правах и обязанностях, а также в способности к самостоятельному выбору действий с правовыми последствиями [5, с. 33]. Кроме этого, равные права и добровольное принятие обязанностей ограничивают суверенитет, но его не нарушают, даже если это связано с уменьшением свободы в принятии решений – во имя минимизации конфликтности. Добровольное принятие на себя обязанностей по ограничению или сдерживанию латентного конфликтогенного потенциала вытекает из принципов взаимности и общей выгоды. Государства отказываются от определенных свобод в принятии решений, получая взамен определенные полномочия. Отсюда следует, что суверенитет и взаимозависимость являются дополняемыми качествами государства, а не противоположными. Это, в свою очередь, означает возможность формирования нового качества суверенитета под влиянием глобализации [5, с. 33].

Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан во время Сессии Объединенных Наций 27 марта 2000 г. отметил: «Что мы понимаем под „управлением“ применительно к сфере международных отношений?.. В воображении некоторых людей этот термин по-прежнему вызывает образы мирового правительства, огромных и неповоротливых централизованных бюрократических структур, попирающих права человека и государств. Нет ничего более нежелательного. Слабые государства представляют собой одно из главных препятствий, мешающих осуществлению сегодня эффективного управления как на национальном, так и на международном уровнях. Ради блага их собственных народов и во имя достижения наших общих целей мы должны содействовать укреплению способности этих государств к управлению, а не подрывать их еще более. Кроме того, само понятие централизованной иерархической структуры в нашем меняющемся, исключительно динамичном и тесно взаимосвязанном мире по сути своей является анахронизмом, пережитком умонастроений XIX в.

При этом государства должны более глубоко осознать их двоякую роль в нашем глобальном мире. Помимо той ответственности, которую каждое государство самостоятельно несет перед своим обществом, на государствах лежит коллективная ответственность за нашу общую жизнь на этой планете… Несмотря на институциональное смятение, которое нередко сопряжено с глобализацией, не существует никакого другого образования, которое конкурировало бы с государством или могло бы заменить его. Успешное управление процессом глобализации, таким образом, требует – прежде всего, – чтобы государства действовали в соответствии с их двоякой ролью» [22].

Следовательно, эффективное управление процессом глобализации требует – во-первых и прежде всего – того, чтобы государства поступали согласно с их дуалистической ролью. Это, в свою очередь, означает, что международные инструменты управления должны в большой степени отражать реальность. Наилучшим примером может быть Совет Безопасности ООН. Основанный на договоренностях и союзах 1945 г. состав Совета Безопасности не отвечает сегодня ни требованиям, ни характеру современного мира. То же самое касается некоторых важных экономических организаций. Все государства мира ощущают на себе конфликтогенный потенциал глобализации – и все должны иметь большее влияние на этот процесс.

Литература

1. Scruton R. A Dictionary of Political Thought. L., 1983.

2. Lexikon der internationalen Politik / Hrsg. von U. Albrecht, H. Volger. München ; Wien, 1997.

3. Словарь международного права / под ред. В. М. Клименко. М., 1982.

4. Larousse. Encyklopedia powszechna. T. II (M–Ż). Warszawa, 2003.

5. Malendowski W. Wpływ procesów globalizacji na suwerenność państwa // Wpływ globalizacji na procesy rozwojowe współczesnego świata. Istota – uwarunkowania – tendencje / pod red. W. Malendowskiego. Poznań, 2004.

6. Kaufman S.J. The Fragmentation and Consolidation of International Systems // International Organization. 1997. Vol. 52, №2.

7. Gałganek A. Suwerenna równość państw. Metafora zawłaszczenia // Przegląd Politologiczny. 2008. №1.

8. Sałajczyk S.P. Zmierzch Lewiatana? Spór o pozycję państwa we współczesnych stosunkach międzynarodowych // Państwo we współczesnych stosunkach międzynarodowych / pod red. E. Haliżaka, I. Popiuk-Rysińską. Warszawa, 1995.

9. Pietraś Z.J. Podstawy teorii stosunków międzynarodowych. Lublin, 1986.

10. Kukułka J. Międzynarodowe stosunki polityczne. Warszawa, 1982.

11. Łoś-Nowak T. Stosunki międzynarodowe. Teorie – systemy – uczestnicy. Wrocław, 2000.

12. Cziomer E. Państwa // Cziomer E., Zyblikiewicz L.W. Zarys współczesnych stosunków międzynarodowych. Warszawa ; Kraków, 2000.

13. Czachór Z. Uczestnicy stosunków międzynarodowych // Stosunki międzynarodowe / pod red. W. Malendowskiego, Cz. Mojsiewicza. Wrocław, 2004.

14. Popiuk-Rysińska I. Uczestnicy stosunków międzynarodowych, ich interesy i oddziaływanie // Stosunki międzynarodowe. Geneza, struktura, dynamika / pod red. E. Haliżaka i R. Kuźniara. Warszawa, 2000.

15. Międzynarodowe stosunki polityczne / pod red. M. Pietrasia. Lublin, 2006.

16. Dumała A. Uczestnicy transnarodowi – podmioty niezależne czy kontrolowane przez państwa // Państwo we współczesnych stosunkach międzynarodowych / pod red. E. Haliżaka, I. Popiuk-Rysińską. Warszawa, 1995.

17. Anioł W. Państwo postsuwerenne? // Sprawy Międzynarodowe. 2002. №4.

18. Łoś-Nowak T. Jakie państwo w ponowoczesnym świecie? // Przegląd Politologiczny. 2006. №3.

19. Gwiazda A. Poszukiwanie tożsamości w ponowoczesnym świecie // Przegląd Politologiczny. 2008. №2.

20. Fukuyama F. Budowanie państwa. Władza i ład międzynarodowy w XXI wieku. Poznań, 2005.

21. Zacher L.W. Globalne wizje polityczno-strategiczne (na przykładzie opracowań CIA) // Przyszłość i polityka. Nadzieje i strachy zbiorowe przełomu tysiącleci / pod red. E. Ponczeka, A. Sepkowskiego. Toruń, 2008.

22. We the Peoples: the Role of United Nations in the 21st Century (My, ludy: rola Narodów Zjednoczonych w XXI wieku). Raport Sekretarza Generalnego – Narody Zjednoczone. Zgromadzenie Ogólne 27 marca 2000 roku. Pięćdziesiąta czwarta sesja. Punkt porządku obrad 49(b). Zgromadzenie Milenijne Narodów Zjednoczonych (Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря – Организация Объединенных Наций. A/54/2000. Генеральная Ассамблея 27 марта 2000 года. Пятьдесят четвертая сессия. Пункт 49(b) повестки дня. Ассамблея тысячелетия Организации Объединенных Наций). URL: http://www.unic.un.org.pl/dokumenty/Raport_Milenijny.doc (Вариант документа на русском языке – URL: http://www.un.org/ russian/conferen/millennium/2000.htm; http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000.doc – *Прим. ред.*).

И.Н. Ефимова, А.В. Маковейчук
Стратегический имидж политической власти как фактор продуктивных межгосударственных коммуникаций и инструмент урегулирования межгосударственных конфликтов

Обращаясь к затронутой в теме проблематике, мы дадим определение понятия «стратегический имидж». На наш взгляд, стратегический имидж – это образ, целенаправленно формируемый субъектом имиджа для решения конкретных целей и задач в собственных интересах. Каково же наше понимание заявленной проблематики? Для начала рассмотрим в целом понятие имиджа политической власти и его взаимосвязь с имиджем государства на мировой арене.

Формирование имиджа страны напрямую связано со сложившейся системой власти и ее непосредственными представителями. Причем, в зависимости от типа общественно-экономической формации, а также от вида политического устройства государства связь между личностью и имиджем страны может быть различной. Скажем, в странах с устоявшейся демократией такое влияние проявляется в меньшей степени,

чем в государствах с авторитарными системами управления или не имеющими достаточных демократических традиций.

Утверждение образа РФ в глазах россиян и зарубежных граждан имеет свои особенности. Одна из них заключается в однозначном отождествлении имиджа России и имиджа ее власти. Здесь можно вспомнить, как летом 1999 г. подконтрольные государству СМИ называли любые поступившие в общественный оборот сведения (и большей частью опубликованные в зарубежных СМИ) о финансовых делах Б.Н. Ельцина и его окружения «информационной войной против России» [1]. Хотя на самом деле речь шла не об имидже страны, а о конкретных людях, которые делали этот имидж негативным. Или, к примеру, та или иная риторика речей как В.В. Путина, так и Д.А. Медведева по поводу обострения взаимоотношений с Грузией из-за грузино-югоосетинского конфликта, «газовые войны» с Украиной в период президентства там В.А. Ющенко и тд. во многом определяет обратную реакцию как со стороны официальных лиц Запада, так и со стороны их СМИ, которые, транслируя «правильную», с их точки зрения версию о событиях, подчас негативно будоражили и продолжают время от времени будоражить общественное сознание граждан на Западе, потенциально создавая предпосылки к межгосударственным конфликтам.

Безусловно, во многом поступки известных лиц определяли, определяют и будут в дальнейшем определять представления зарубежной общественности о России. Лишь увязав последнее заключение с острейшей конкурентной борьбой между государствами за сферы геополитического и экономического влияния, можно понять стремление ряда зарубежных СМИ акцентировать внимание своей аудитории именно на негативном представлении о России, постоянное отождествление имиджа страны с образом конкретных политических лидеров.

Другая российская особенность в контексте взаимозависимости образов личности, власти и страны состоит в масштабном использовании механизмов государственного имиджмейкерства. Под некие программы создаются и «раскручиваются» целые структуры и организации. Так, можно вспомнить, в январе 2003 г. тогдашний министр печати Михаил Лесин выступил с очень характерным заявлением о том, что в сентябре текущего тогда года Россия намерена провести в США широкомасштабную «PR-акцию по пропаганде позитивного образа России». Ответ на вопрос о деньгах, необходимых на серьезную рекламную кампанию, был коротким: «Жалеть не будем»… [2] Однако эффективность таких акций не зависит лишь от финансовой стороны вопроса, но определяется действительно продуманной на долговременную перспективу имиджевой стратегией всей российской политики.

В условиях глобального информационного общества, характеризуемого практически неограниченными возможностями информационного обмена, открытостью и доступность информации, стратегический имидж политической власти оказывает непосредственное и сильное влияние на уровень международного имиджа России в целом, который в свою очередь играет большую информационно-воспитательную роль при формировании мировоззрения граждан государства, оценки собственного и других государств.

Исследования общественного мнения свидетельствуют, в частности, что имидж страны эффективно формируется только при соблюдении нескольких условий:

1) борьбу с искажением образа страны следует вести конкретно и максимально аргументированно; реагировать необходимо на каждый случай лжи как национальных, так и зарубежных политиков или СМИ; аргументы должны быть реальными и убедительными, а также достаточными для обращения с исками на перфоманцию в зарубежные суды: такая стратегия положительного позиционирования России может оказаться гораздо эффективнее, чем организация разовых рекламных кампаний;

2) усилия имиджмейкеров по формированию положительного образа страны важно рассматривать лишь как дополнение к исправлению реального положения дел;

3) образ политика – особенно из первых эшелонов власти – должен «нравственно» соответствовать выстраиваемому образу страны [2].

Анализируя многочисленные примеры явного несоответствия образа власти и имиджа страны, специалисты приходят к выводу, что основным критерием оценки влияния имиджа политической власти и отдельных политических лидеров на образ страны являются механизмы обеспечения легитимности власти.

Нельзя не отметить и такой аспект: несмотря на актуальность феномена взаимосвязи имиджа власти и страны, социальные науки до сих пор не имеют надежной теории, объясняющей природу этой связи на различных этапах общественного развития. В советское время в основном рассматривались общие вопросы социального управления, критиковались западные теории, разрабатывавшие подобную проблематику. Затронуть же оценку имиджа страны в связи с имиджем власти никто из советских социологов не отваживался. Лишь в «перестроечный» период (1987–1991 гг.) об имидже страны появились многочисленные публикации – в том числе и в периодической печати [3].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что характер выстраивания продуктивных межгосударственных коммуникаций во многом зависит

от имиджа государства на международной арене. А он (имидж), в свою очередь, напрямую зависит от характера внешней и внутренней политики государства, проводимой властью и даже непосредственно от отдельных ее представителей (их личностных характеристик, действий, высказываний и проч.).

Что касается вопроса урегулирования международных конфликтов, то путями разрешения межгосударственного политического конфликта могут быть: дипломатическое урегулирование путем переговоров, смена политических лидеров или режимов, достижение временного компромисса, война [4]. На наш взгляд, наиболее приемлемая форма урегулирования международного конфликта – это достижение баланса интересов его сторон, что позволяет, в конечном счете, устранить саму причину конфликта. И здесь очень важным инструментом по гармонизации взаимоотношений и выступает авторитет и имидж руководства государств, их влияние на мировую политику и международные процессы. В случае если подобного баланса достичь не удалось, мало того, интересы одной из сторон подавлены, то конфликт переходит в латентную форму, которая в любой момент может при благоприятных внутренних и международных условиях снова возродить конфликт.

В процессе урегулирования конфликта необходим учет социокультурной среды каждой сторон, а также уровня и характера развития системы международных отношений [5].

Важной авторам представляется и роль «первых лиц» государства и их ближайшего окружения в процессе формирования имиджа государства в целом на международной арене. Ведь многое во взаимоотношении государств порой может зависеть от личных качеств политиков, население тех или иных стран может как положительно, так и негативно относиться к руководителям других государств, особенно тесно взаимодействующих с их собственными руководителями (например, в случае государств-соседей). Соответственно, налаживание конструктивных взаимоотношений между высшими государственными менеджерами способно дипломатично сглаживать противоречия между интересами государств, их международными амбициями и так далее.

Сегодня необходима актуализация исторической основы имиджа России, осознание преемственности исторического и политического развития, увеличение содержательности образа России и ее власти. Активное оперирование продуманными и содержательными образами – это способ успешной реализации имиджа страны.

Также для проведения успешной внешней имиджевой политики государства необходимо создание эффективной системы информаци-

онного противодействия дестабилизирующей и деструктивной информации, активизация государственной и общественной деятельности за рубежом. Это направление может и должно стать одним из приоритетных направлений в процессе формирования международного имиджа России.

Литература

1. Соколова Н.А. Есть мнение, что мнения нет. Над имиджем России в мире никто не работает // Известия. 2000. 10 апр.

2. Галумов Э.А. Имидж страны и власть. URL: http://www.psycho.ru/library/552.

3. Соколова Н.А. Есть мнение, что мнения нет. Над имиджем России в мире никто не работает // Известия. 2000. 10 апр.

4. URL: http://www.uvauga.ru/HSD_chair/Political_science/T2_10.htm.

5. Козырев Г.И. Введение в конфликтологию. М., 2002.

Г.В. Кагирова, Б.Н. Кагиров
Межгосударственное строительство отношений и сопутствующие проблемы

Межгосударственное строительство взаимоотношений является областью международных отношений и международного права в частности. Проблемы, сопутствующие этому процессу, зависят от внешней и внутренней политики государств, от умения правильно использовать и применять существующее законодательство в международных отношениях, как между странами, так и частными лицами этих государств. А эта область международных отношений находится еще где-то в самом начале пути, что в ряде случаев влияет и на развитие международных конфликтных ситуаций. Авторы подавляющего большинства работ, посвященных истории международного права, считают, что оно складывалось и развивалось вместе с возникновением государств. Л. Оппенгейм (1858–1919) признавал, что «корни международного права уходят весьма далеко в глубь веков».

Международные конфликты делят по сфере распространения, по типу политических систем, по характеру конфликтов. Эта классификация может быть значительно более широко интерпретирована, если включить в нее проблемы использования и применения аспектов международного права.

Межгосударственные конфликты возникают по самым разным поводам: по поводу финансовых проблем, территориальных, взаимоотношений приграничных земель, истории государств, вооруженных столкновений, вопросов престижа в различных областях и др. Все они

разные и имеют свои особенности. Морские и сухопутные державы имеют разные проблемы; северные и южные – тоже. Древние государства и вновь возникшие часто не могут понять друг друга. Существуют разные классификации причин таких конфликтов. Иногда они носят и субъективный характер.

Во все времена в периоды образования и становления государств перед властными структурами стояли вопросы: сохранение государственной целостности и стабильности; сохранение и расширение границ; сохранение власти; сохранение населения; утверждение государства на международной арене; стабильность денежных единиц; сохранение династий и т.д.

До появления выборных демократий сохранение династических правителей было одной из самых значимых задач. Столетия существования династий, их взаимопомощь, взаимоуважение, часто взаимообогащение обеспечивали баланс интересов на международной арене (примеры дают, в частности, европейские государства). По мере расширения границ и владений, приобретения колоний конфликты между государствами касались уже их отдаленных владений.

Изменение ситуации произошло после появления мощного демократического государства, Это государство нового типа упорядочило внутренние и внешние связи, что при территориальной независимости гарантировало стабильное, независимое развитие. Конечно, здесь были свои плюсы и минусы. Но были созданы весомые международные организации, помогающие другим. Они и сегодня еще молоды. За будущим этих организаций, регулирующих конфликты, с надеждой следят все развивающиеся страны.

Образование норм в международном праве происходит через заключение международных договоров и через формирование обычаев. Большое значение приобрели резолюции и решения международных организаций, в первую очередь ООН и ее специализированных учреждений. В этих актах нередко фиксируются уже сложившиеся обычноправовые нормы, а также поощряются определенные правила поведения субъектов международных отношений, что ведет к возникновению новых норм и обычаев. Международное право имеет свои принципы, которые помогают преодолевать конфликты. Одним из основных принципов является принцип суверенного равенства государств. Согласно Декларации о принципах международного права 1970 г. понятие суверенного равенства включает следующие элементы: 1) государства юридически равны, 2) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету, 3) каждое государство обязано уважать права других государств, 4) территориальная целостность

и политическая независимость государства неприкосновенны, 5) каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, 6) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами.

В настоящее время государства все чаще передают часть своих полномочий, которые ранее считались их субъектными атрибутами государственного суверенитета, в пользу создаваемых ими международных организаций. Согласно п. 4 ст. 2 Устава ООН «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

История развивающихся государств сегодня не дает им должного всеобъемлющего понимания того, «как же перейти к новому государственному устройству и избежать потерь». Вероятно, только время может дать ответ, когда появятся новые методы межгосударственных политических и экономических взаимодействий. Международные конфликты разрешаются сегодня:

– путем диалога;
– путем проявления воли государств-лидеров;
– путем решения на международных саммитах;
– через ООН;
– путем демонстрации военной мощи;
– через создание перспективного сотрудничества;
– путем применения принципа «доброй воли»;
– через грамотное применение исторических посылок;
– через умение учитывать интересы других государств;
– через применение искусства дипломатии;
– через многое другое.

Как это может быть достижимо? Должна быть стабильно-динамическая и преемственная линия внутренней политики, которая дает импульс устойчивости во внешней политике. Когда государства совершают самоопределение, вступают на новый путь развития, когда меняются взгляды, история и власть, недостаток опыта и знаний и наличие амбиций приводят к частым ошибкам, которые эти развивающиеся страны могут и «не видеть». Разные весовые категории стран, разное понимание глубинных процессов периодически не дают найти общий язык.

Что можно в такой ситуации предпринять? Вопрос – о степени управляемости процессов. Видятся три возможных пути:

А. Совершенствование международного законодательства.

Б. Создание международных школ государственных взаимоотношений.

В. Более частые контакты между странами с целью изучения и развития понимания интересов друг друга. Должна быть также продолжена работа по кодификации института международно-правовой ответственности. С 1956 г. кодификация норм института международно-правовой ответственности проводится по поручению Генеральной Ассамблеи ООН Комиссией международного права.

Комиссия решила рассматривать ответственность за международно-правовые деяния. Ответственность за вредные последствия действий, не составляющих международного правонарушения, в настоящее время находится в процессе доработки. Поэтому для разрешения конфликтов между государствами правовым путем абсолютно необходимо дальнейшее совершенствование международных норм и правил. Согласно ст. 33 Устава ООН, государства, участвующие в любом споре, продолжение которого могло угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стремиться разрешить спор путем «переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к религиозным органам или соглашениям. Или иными мирными средствами по своему выбору».

Большую роль играют сами лидеры стран, их понимание конфликтных ситуаций, умение и желание найти выход из них. Такое понимание тоже не приходит без глубоких знаний истории, политики, экономики, демографии, этики и др. Поэтому сегодняшние лидеры – это, как правило, люди, обладающие многими знаниями и умеющие их применить. Лидером становится тот, кто в большей степени подготовлен к этому, признан народом и международным сообществом. Человечество проходит трудный путь на новом этапе налаживания межгосударственных связей и достижения согласия с учетом уже выработанных и вновь разрабатываемых международных документов.

Международное строительство межгосударственных отношений и сопутствующие ему правовые коллизии и проблемы выходят на первый план современного международного законодательства.

Литература

1. Зыкин И.С. Договор во внешнеэкономической деятельности. М., 1990.

2. Дмитриева Г.К. Международный коммерческий арбитраж. М., 1997.
3. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999.
4. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право. М., 2004.
5. Буртовая Е.В. (сост.). Конфликтология. М., 2002.

Л.Г. Коваленко

Проблема конфликтов и их урегулирования, место России в этом процессе

Современный мир очень сложен, противоречив и динамичен. Условия жизни меняются так быстро, что наука не успевает адекватно оценить все происходящее, а сознание людей, основа которого все-таки – традиции, часто не воспринимает или принимает, но в искаженном виде предлагаемые политической элитой новации, что создает условия для конфликтов внутри страны и вовне. Конфликты всегда сопровождали человеческое сообщество, но могут быть периоды, когда порог конфликтности повышается. XX и начало XXI в. как раз отличаются чрезмерной конфликтогенностью, причем разнообразие конфликтов огромно: социальные, политические, этнические, религиозные и т.п. Уместно рассмотреть некоторые интерпретации данного феномена.

Конфликт – столкновение, а социальный конфликт это столкновение противоположных интересов, мнений, чреватых осложнениями для любой из сторон. Социальные конфликты охватывают все виды и уровни отношений людей: от бытовых до международных. Особым видом является политический конфликт, отражающий состояние политических отношений, в рамках которых их участники ведут борьбу за ценности, определенный статус, власть, ресурсы. И цель этой борьбы – нейтрализация противника, нанесение ущерба или уничтожение. В конфликт вовлекаются группы, индивиды, политические партии, субъективно воспринимающие свое место в обществе и отношение к другим людям, в том числе, и государствам. Интересны две точки зрения относительно политического конфликта. К. Маркс, абсолютизируя роль политического конфликта, подчеркивал и неизбежность солидарности внутри социальных союзов (классов), и конфликтов между ними; конфликт и консенсус как альтернативы. А. Токвиль также, исходя из неизбежности солидарности и конфликта, в качестве группировок рассматривал местные общности и добровольные ассоциации (как элемент гражданского общества) и выдвинул идею, что демократия

всегда ищет баланс между силами конфликта и консенсуса. Он опасался исчезновения политического конфликта при возникновении одного центра власти – государства, у которого не будет конкурирующих групп, а конфликт – необходимый механизм развития.

К. Боулдинг определял политический конфликт как деятельность, в которой люди и группы, исходя из собственных интересов, стремятся оттеснить или уничтожить друг друга. Л. Козер подчеркивал, что это борьба за ценности и право на определенный статус, овладение властью и ресурсами, в которой цель оппонентов – нейтрализация и устранение соперника. И еще один аспект данного понятия у Р. Дарендорфа: политический конфликт – это ситуация, в которой имеет место несоответствие между правами социальных групп на доступ к социальным благам и возможностям реализовать эти права. То есть, какие бы сущностные понятия мы ни рассматривали, все они подразумевают экономические, социальные и политические процессы, ход и направленность которых приводят к возникновению конфликтной ситуации, причем это касается как внутренних процессов, так и в сфере международных отношений. Если конкретизировать это тезис, то можно выделить ряд признаков возникающей социальной и политической напряженности: распространение настроения неудовлетворенности существующим положением – инфляция, рост цен, безработица, рост преступности. А результат – недовольство общественным строем; потеря доверия к власти, пессимизм относительно будущего; миграция населения за рубеж; активизация движений в борьбе за власть: митинги, забастовки и другие массовые акции. Если власть не принимает адекватные решения по смягчению ситуации, начинается эскалация конфликта, хотя источники его могут быть и в иной плоскости – расовая, национальная и религиозная рознь. В настоящее время эти причины лежат в основе политических конфликтов в различных регионах мира (Африка, Европа, Россия), причем некоторые считают, что есть определенная закономерность в возникновении конфликтов – чем беднее общество, тем больше оно подвержено возникновению конфликтов. Но конфликт может приобрести скрытый и более опасный характер при определенных режимах, что еще сильнее усугубляет его. Поэтому следует согласиться с утверждением Р. Дарендорфа, что общества отличаются не наличием или отсутствием конфликта, а различным отношением к нему со стороны власти. В демократическом обществе конфликты есть, но рациональные методы урегулирования делают их не взрывоопасными [1, с. 782–791], хотя современная политическая практика (например, во Франции) в какой-то мере опровергает это утверждение.

На рубеже веков увеличилось количество региональных конфликтов, характеризующихся высокой интенсивностью, применением средств вооруженной агрессии, вовлечением в свою сферу соседних регионов (Северная Африка, Ближний Восток). В этих конфликтах высока роль субъективного фактора, а именно, стремлением политических деятелей рисковать, жить в состоянии перманентного кризиса, и даже «малая война» есть в их арсенале. Причем действия мировых держав по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах не устраняют причин подобных конфликтов, а, наоборот, способствуют их переходу в более острую фазу. Например, Ирак: внутренний политический конфликт при вмешательстве извне дал импульс этническому и религиозному конфликтам, которые приняли затяжной характер, воздействуя на соседние страны. Или Балканы.

Следует также подчеркнуть, что региональные конфликты специально инициируются в районах, имеющих стратегическое значение (экономическое и военное), под видом миротворческих акций обеспечивается военное и политическое присутствие в регионе, фактически происходит возвращение бывших метрополий в свои колонии (вероятно, это можно обозначить как новый неоколониализм). Есть еще одна особенность – управление региональным политическим конфликтом с использованием новых технологий: психологическая война, информационное воздействие, этнический фактор, мировое общественное мнение. Степень воздействия зависит от силы субъекта, который их использует, практика дает много примеров.

Для России данная проблема очень актуальна, поскольку у нее на собственной территории есть такие конфликты – прежде всего, Кавказ. Поэтому необходимо выработать модель урегулирования конфликтов на национальных технологиях информационно-психологического воздействия на общественное мнение, и здесь важна национальная идея. То есть для России управление конфликтом – это воздействие российской общенациональной культуры, идеалов на участников конфликта. Успех зависит также от умелого манипулирования традиционными символами жизни: благосостояние, власть, престиж (мы видим огромные финансовые вливания в экономическую и социальную сферы кавказского региона России). Также Россия стремится позиционировать себя на международной арене в миротворческой роли, выступая посредником в переговорном процессе. Прежде всего, на постсоветском пространстве – конфликты в Закавказье, Молдове, Средней Азии, так как наша страна заинтересована в создании по периметру своих границ пояса мира, стабильности, экономических возможностей, политиче-

ского влияния и культурного воздействия, где сама РФ выступала бы в роли центра притяжения. Одним из проявлений миротворческой роли в 90-е гг. было появление «голубых касок» в зонах конфликтов бывшего СССР – Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, именно эта акция позволила «заморозить» конфликты, но это же и поставило под вопрос успешность миссии российских миротворцев, так как Россия, поставив на их «замораживание», утратила инициативу как эффективного посредника. Но следует подчеркнуть, что «голубым каскам» все-таки удалось постепенно перевести конфликты из военной фазы в политическую. Позицию России сформулировал Президент РФ: «На пространстве СНГ наша страна непосредственно участвует в урегулировании ряда конфликтов… мы и впредь будем выполнять свою миротворческую миссию, несмотря на откровенные провокации» [2, с. 74]. Это наглядно проявилось в 2008 г. (военный конфликт с Грузией, повлекший за собой необходимость признания суверенитета Абхазии и Южной Осетии, что, возможно, для России на этом этапе экономически и политически не очень выгодно). На международной арене, вероятно, от России хотели бы, чтобы она уговорила ливийского лидера покинуть страну в обмен на гарантии безопасности и другие подобные действия в конфликтных регионах, но снова практика показывает, что мировое сообщество в лице США, их партнеров по НАТО нарушают все договоренности. И хотя у России теоретически есть все необходимое для роли медиатора в переговорном процессе, шансы реализовать ее и получить для себя какие-то дивиденды минимальны, поскольку, как считает автор, Россия недостаточно экономически сильна, недостаточно стабильна внутри и привлекательна в качестве организационного и политического центра. Все постсоциалистические государства, и постсоветские прежде всего, ориентируются на Запад.

Литература

1. Дарендорф Р. Общество и свобода // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997.

2. Гольц А. Военное миротворчество России // Pro et Contra. 2006. №5–6. С. 65–75.

Н.А. Комлева
Концепция столкновения цивилизаций: прагматический аспект

Концепция столкновения цивилизаций была предложена американским исследователем С. Хантингтоном в 1993 г. и развивалась им

в течение полутора десятилетий до его ухода из жизни в 2008 г. В предельно краткой форме данная концепция может быть изложена следующим образом. Хантингтон выделяет восемь цивилизаций: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую, африканскую. Основной мировой конфликт после распада СССР и мировой системы социализма – это конфликт цивилизаций, выражающийся в противостоянии западной и незападных цивилизаций, главным образом – ислама. Формула Хантингтона для краткого описания новой геополитической ситуации – the West and the Rest (Запад и все остальные) [1].

Геополитические концепции, как и любые другие научные конструкты, редко возникают «на пустом месте», вне соответствия с некоей реальной потребностью развития геополитической экспансии. В данном случае, на наш взгляд, концепция Хантингтона явилась ответом на потребность формирования «нового мирового порядка» в условиях политического распада и геополитического исчезновения СССР и мировой системы социализма, т.е. в ситуации однополярности мировой политической архитектуры. Геополитическая борьба в любой ее форме происходит главным образом из-за ресурсов развития, каковыми в настоящее время являются как природные ресурсы, так и «человеческий капитал». Распад СССР и системы его сателлитов «освободил» для экспансии Запада прежде не освоенные им в желаемой степени географические, экономические и информационно-идеологические (культурные) пространства. В данный континуум включаются не только пространства собственно социалистических стран, но также и пространства так называемых государств некапиталистического пути развития – т.е. весь объем громадного геополитического лимитрофа СССР как одной из сверхдержав второй половины XX в. Для освоения этих пространств и их ресурсов в первой половине 90-х гг. наиболее удобным инструментом являлся, да и сегодня является, исламский фактор. С одной стороны, важнейшие природные ресурсы (нефть, природный газ, разнообразные руды, гидроресурсы и т.п.) размещаются в основном в исламском секторе бывшего советского лимитрофа (северо-западная и северная Африка, юго-западная, южная и юго-восточная Азия). С другой стороны, именно присутствие исламского населения в социальной структуре России, постсоветских и постсоциалистических стран Евразии дает экспансионистам надежду посредством возбуждения сепаратизма и межконфессиональных противоречий расколоть пространства упомянутых государств и воспользоваться их ресурсами на наиболее выгодных условиях.

Концепция Хантингтона, провозглашающая ислам основным врагом Запада, таким образом, представляет собой удобную теоретическую базу для обоснования экспансии западных экономических и политических структур в исламском мире, а также в геополитических пространствах России, Китая и иных стран, включающих регионы, населенные мусульманами. Возможно, не является простым совпадением факт публикации первой статьи С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» именно в журнале, являющемся официальным изданием Совета по международным отношениям (СМО) – «Foreign Affairs». Напомним, что СМО был организован в 1921 г. по инициативе семейства нефтяных магнатов Рокфеллеров и по сей день является одной из структур геополитического влияния западного, прежде всего американского, крупного капитала.

Возникновение концепции «столкновения цивилизаций» в первой половине 90-х гг. прошлого века не случайно и по той причине, что нужно было найти нового «врага всего цивилизованного мира» для обеспечения кооперации и единства действий в борьбе с ним за ресурсы географического пространства. Прежний враг – система социализма с доминирующей в ее пределах теорией коммунизма был повержен, идеологическое противостояние, оправдывающее войны в Корее, Вьетнаме, Анголе и любых других местах планеты, окончилось. «Столкновение цивилизаций» – прав был Хантингтон – обеспечивает практически вечное, неизменное обоснование экспансии Запада в любых ресурсных регионах мира, поскольку ислам – только главный противник, но общая формула противостояния – the West & the Rest. Вся планета целиком является теперь объектом экспансии. Впервые в мировой истории единственная оставшаяся сверхдержава и ее главные союзники обладают абсолютной глобальной мощью, не встречающей равнозначного глобального противодействия, т.е. могут навязывать свои ценности и экономические проекты своих суперкорпораций всем остальным.

Теоретическим подкреплением глобальной экспансии Запада (в первую очередь экспансии его экономических корпораций) является концепция глобализации. Концепция глобализации усиливает теорию «столкновения цивилизаций». Она фактически обосновывает то, что экспансия Запада – не результат эгоистического стремления использовать в своих целях ресурсы других народов и обществ, но следствие объективного закона глобальной взаимозависимости экономик и культур. При этом никто не акцентирует внимание на том, что взаимозависимость экономик и культур отнюдь не равноправна. В ходе глобализации нет равенства культур и цивилизаций. В быт и культуру либе-

ральных цивилизаций проникают древние принципы медицины, философии и кулинарии традиционных обществ. В экономику и политику традиционных обществ – западные принципы либерального политического плюрализма и свободной рыночной экономики.

Как уже говорилось выше, экспансия либерализма в современном мире приобрела глобальный масштаб – как и экспансия идущих об руку с ним экономических корпораций Запада. Этот объективный факт и был теоретически закреплен и оправдан в концепции глобализации. Однако глобальная экспансия Запада столкнулась с новым противником – принципами мироустройства, являющимися мировоззренческими и экономическими столпами незападных цивилизаций. «Прозрачность», «проницаемость» их геополитических пространств для Запада, прежде всего для его крупных экономических корпораций, на рубеже XX–XXI вв. не была всеохватной, не обеспечивала абсолютной управляемости данными пространствами и получения вследствие этого абсолютной же прибыли. Примерно с середины 90-х гг. XX в. началась новая «холодная война», война уже с новым противником, характеризующаяся принципиально тем же набором технологий, что и борьба с социалистическим лагерем. Повторимся: ядром теоретического обоснования второй «холодной войны», на этот раз состоящей в противостоянии Запада не только с несколькими (социалистическими) государствами, но со всем незападным миром, и послужила прежде всего концепция «столкновения цивилизаций».

Теракты сентября 2001 г., каков бы ни был их реальный источник, позволили дополнить теорию столкновения цивилизаций и развить ее с помощью концепции «оси зла» и конструкта международного терроризма как основной угрозы современности. Террористы, управлявшие роковыми самолетами 11 сентября, были мусульманами, как и «назначенный» с тех пор врагом цивилизации №1 Усама бен Ладен. Ислам также исповедуют члены созданного бен Ладеном Международного фронта борьбы с евреями и крестоносцами, в состав которого входит и ныне знаменитая «Аль-Каида». В рамках доктрины преследования терроризма и террористических организаций, прежде всего «Аль-Каиды», США и их западные союзники уже нашли новые точки постоянного военного и экономического присутствия в ресурсных регионах Среднего и Ближнего Востока: военные базы в государствах Центральной Азии, Афганистане, Ираке, новые контракты для западных корпораций на разработку богатых нефтяных месторождений. «Аль-Каида» сегодня в реальной или виртуальной форме присутствует везде, где появляется необходимость закрепления крупного западного капитала. В феврале 2011 г. объявлено о частичном разрушении струк-

тур и влияния «Аль-Каиды», и акцент перенесен с бен Ладена на йеменского «террориста» Аль-Авлаки, опять-таки мусульманина по вере. Аль-Авлаки, как и бен Ладен в период своего «террористического расцвета», дислоцируется незнамо где: то ли в Йемене, то ли в Сомали. Регион Аденского залива сегодня более важен, чем «зона племен» между Пакистаном и Афганистаном, скрывающая бывшего террориста номер один бен Ладена. Борьба с пиратством а акватории и с терроризмом на территории государств, расположенных по южному берегу Красного моря и по берегам Аденского залива, – в сочетании с контролем Суэцкого канала со стороны абсолютно прозападного Египта по завершении там «финиковой революции» – позволит контролировать одну из важнейших морских коммуникаций планеты. Тем самым будет поставлен под контроль и один из главных путей поставок североафриканской, ближневосточной нефти, а также нефти Залива как в Евросоюз, так и в Японию и Китай, а значит – в определенной мере будет проконтролировано и экономическое развитие названных центров силы современного мира.

«Ось зла», представленная семью «террористическими государствами» (из них пять – с доминированием исламской религии), целенаправленно разрушается Западом разнообразными способами. Любопытно, что в состав «оси» входят три государства, богатые нефтью – Ливия, Ирак и Иран – и одно государство, важное для контроля над нефтяными и газовыми сокровищами Прикаспия и Ирана – Афганистан. Афганистан, Ирак и Ливия подверглись вооруженной агрессии, Иран испытал международные санкции. «Цветные революции» современного Ближнего Востока, осуществляемые с разной степенью интенсивности, имеют скрытой, но несомненной целью поставить под контроль формирующихся в этих государствах абсолютно прозападных политических режимов всю нефть Северной Африки, Ближнего Востока и Персидского залива.

Десятилетие войны, ведущейся США и их союзниками в Афганистане, и двадцатилетний срок агрессии в Ираке (считая «войну в Заливе» 1991 г., операцию «Лис пустыни» 1998 г. и войну, начатую в 2003 г.) показали, что вооруженная агрессия приносит больше неприятностей, чем выгод. Это экономически дорого, политически затратно, идеологически вредно для престижа «развитых демократий». Намного лучше, да и относительно дешевле – в рамках упомянутых сфер общественной жизни – совершить экспансию руками самих жителей стран Северной Африки и Западной Азии с помощью «народных революций против прогнивших диктаторских режимов». Технологии «цветных революций» отработаны в течение последнего десятилетия

на режимах стран Восточной Европы и Центральной Азии (Киргизия), теперь их целенаправленно применяют на Ближнем Востоке. Прямая военная агрессия против нефтеносных Ирана и Саудовской Аравии по ряду причин невозможна. Следовательно, их нужно окружить «революционными государствами» и таким образом «дать намек» о возможной политической судьбе правящих режимов в случае их экономической и политической неуступчивости Западу. Таким образом, казалось бы, далекая от сегодняшних событий научная концепция, разработанная пятнадцать лет назад, на самом деле является фактическим «руководством к действию» по обеспечению экономических интересов западных глобальных корпораций в критически важных регионах современного мира.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Обсуждение в Интернете

tslongin
12 апреля 2011, 01:21

Теория конфликтов

Уважаемая коллега! Не сердитесь на критику. Статья излишне идеологизированная и эмоциональная. Сумбурная и некорректная.

Начнем с названия. Как оно звучит у Хантингтона, – «Столкновение цивилизаций?» Вопросительный знак!!! Автор не призывает, а предупреждает. И отнюдь не проповедует борьбу с «дар аль-исламом» (миром ислама). Директор Центра стратегических исследований Гарвардского университета выступает с критикой политики Запада (читай США). Даю цитату: «По сути дела Запад использует международные организации, военную мощь и финансовые ресурсы для того, чтобы править миром, утверждая свое превосходство, защищая западные интересы и утверждая западные политические и экономические ценности».

Правильно, американский ученый-исследователь дает новую систему геокоординат после распада соцлагеря и самого СССР. Только не с призывом крестового похода против ислама, а с предупреждением не совершить этой Ошибки. Не прислушались на Западе, не захотели услышать. Результаты налицо – авантюры и агрессии.

Представляется наивным думать, что Западу выгодна дестабилизация обстановки в регионе Ближнего Востока. Отнюдь. Они в панике и на самом деле не знают Что делать и Как дальше действовать.

Единственный апробированный метод – военное вмешательство ведет их к обратным от цели результатам. Посмотрите на примере Ливии!!!

Величайшим достижением С. Хантингтона явился предложенный им «цивилизационный подход» к рассмотрению динамики развития глобальной ситуации.

Коллега! Вынужден констатировать, что Ваш антизападный пафос не имеет никакого касательства к покойному. С уважением – автор.

А.В. Манойло
Управление конфликтами в условиях политической модернизации системы международных отношений

В современном мире общее число международных и внутренних конфликтов продолжает нарастать, возникают их новые формы (этнополитические, религиозные), мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов дипломатии. На смену национально-освободительным войнам против колониализма и неоколониализма приходит новое поколение значительно более опасных межцивилизационных конфликтов. Международные конфликты становятся точкой пересечения интересов крупнейших мировых акторов – России, США, Китая, ЕС и, одновременно, полем соприкосновения, взаимопроникновения и столкновения ценностей крупнейших мировых цивилизаций.

Между тем, международная деятельность по урегулированию конфликтов сегодня переживает системный кризис, выражающийся в неудачных попытках их мирного разрешения: большинство из современных конфликтов в результате внешнего вмешательства в лучшем случае переходит в «замороженную» фазу. Опыт конфликтов в Персидском заливе, на Балканах, в Афганистане и в других регионах, где ООН была предоставлена возможность управлять конфликтами, выявил ограниченную способность этой организации заниматься осуществлением задачи установления и поддержания мира. Это способствует выявлению двух основных претендентов на роль миротворца, обеспечивающих военную сторону политики управления конфликтами: США и НАТО. Их участие в конфликтах в Сомали (1993) и в Боснии (1995) привело к тому, что миротворческие операции стали считаться одним из специальных направлений деятельности блока НАТО, а также причиной формирования в США жесткого подхода к управлению конфликтами, основанного на активном и упреждающем применении военной силы. Однако существует группа государств, включающая влиятельных участников международных отношений (Россия, Китай, Франция, Германия), кото-

рая не желает доверять Соединенным Штатам функцию контроля над конфликтами, считая, что это создаст угрозу их собственному суверенитету [1]. Это снижает эффективность применения англосаксонской модели управления международными конфликтами и ее способность переводить существующие конфликты в мирную фазу.

Между тем, в условиях обостряющейся борьбы мировых лидеров за власть региональные конфликты могут с легкостью перерастать свои начальные рамки и выливаться в более масштабные столкновения, вплоть до глобальных войн. Деятельность США, их партнеров (НАТО) по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный, уровень. Примером могут служить военные компании США и НАТО в Ираке и Афганистане, на Балканах. При этом в конфликтах последних лет все большую роль играют технологии информационно-психологического воздействия и управления. Так, реакция западных СМИ на события в Южной Осетии продемонстрировала, в какой степени нынешняя реальность определяется не подлинными событиями, а их информационной имитацией [2].

Нередко региональные конфликты специально инициируются в районах, имеющих стратегическое экономическое или военное значение, для того, чтобы под видом миротворчества обеспечить там свое военное и политическое присутствие. Ярким примером может служить война в Ливии, показавшая, насколько быстро в современных условиях отдельные выступления слабых и разрозненных групп недовольных правящим режимом могут перерасти сначала в вооруженные столкновения, а затем и в гражданскую войну. Это с необходимостью требует научного анализа, осмысления и обобщения результатов расширяющейся американской экспансии и оправданности применяемых ими технологий управления международными конфликтами.

Практика современных миротворческих операций наглядно демонстрирует, что сегодня в эволюции международных конфликтов возникла новая фаза – межцивилизационная. В этой фазе консолидация сил, средств и ресурсов его участников строится по принципу принадлежности к определенной культуре или цивилизации, что позволяет объединять и мобилизовывать намного более значительные людские и материальные ресурсы, а статус локальных конфликтов поднимать до уровня межцивилизационного противостояния. Концепция столкновения цивилизаций – это механизм мобилизации ресурсов нового поколения: он превосходит возможности национально-государственной идеологии, способной для участия в конфликте мобилизовать (по национальному

признаку) ресурсы одного государства и его политических союзников. В конфликтах нового поколения мобилизация ресурсов идет на ментальном уровне, объединяющем трансграничные и многонациональные массы людей, принадлежащих к общей цивилизационной парадигме или культурной традиции.

Межцивилизационные конфликты в международной практике повсеместно вытесняют традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов наций-государств (т.н. институциональные конфликты). Это ведет к тому, что на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия. Их сегодня в мире четыре: англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская. Каждая из них стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира. Кроме того, на мировую арену выходят модели управления международными конфликтами, представленные политикой молодых государств Африки и Латинской Америки, которые также стремятся участвовать в управлении конфликтами на основе собственных цивилизационных представлений. Национально-государственные принципы урегулирования конфликтов постепенно уходят в прошлое; кризис институциональной системы управления конфликтами подчеркивает кризис ООН как главного института миротворческой деятельности.

Вместе с тем, современные международные конфликты, носящие характер столкновения цивилизаций, являются еще и «плавильными котлами» существующих доктрин, и очагами политической модернизации. Став в результате применения специальных политических технологий управляемыми, такие конфликты тем самым становятся инструментами политической модернизации системы международных отношений, эволюция которой может быть направлена в определенное русло. Управляя международными конфликтами, можно управлять политической модернизацией. Для ведущих мировых держав, стремящихся к глобальному лидерству, сегодня выгоднее сделать международный конфликт управляемым и затем использовать его в своих целях, чем способствовать его мирному разрешению. Вот почему идеология управления конфликтами сегодня активно развивается всеми ведущими мировыми лидерами, а концепции управления международными конфликтами выдвигаются ими на передний план миротворческой деятельности.

Одновременно, с доминированием в международных конфликтах идеологии межцивилизационного противостояния, в миротворческих операциях происходит смена целеполагания: вместо объекта, который надо «склонить» или «принудить» к миру, международные конфликты

начинают рассматриваться как объекты внешнего политического управления, не предполагающего их прямое и скорейшее разрешение. Умиротворенный конфликт в современной глобальной политике не интересен и не выгоден никому (кроме мирного населения): в мирной фазе он не может обеспечить геополитический перевес в данном регионе ни одной из великих держав.

Однако, сегодня проблема миротворчества состоит в том, что смена целеполагания в современных операциях по урегулированию конфликтов ведет к накоплению конфликтного потенциала, стимулированию множественности конфликтов, их массовому замораживанию в результате современной «миротворческой» деятельности и прямой опасности срабатывания кумулятивного эффекта – одновременного спонтанного размораживания указанных конфликтов, в перспективе. Результаты сравнительного анализа существующих сегодня в США, Западной Европе, АТР и исламском мире культурно-цивилизационных и национально-государственных моделей демонстрируют, что система из четырех доминирующих мировых моделей управления конфликтами (англосаксонской, романо-германской, восточноазиатской и ближневосточной) не является полной и самодостаточной; ее идеологическая нескомпенсированность в условиях появления все более сложных форм конфликтов закладывает в развитие общества опасность возникновения новых системных кризисов миротворческой деятельности. Существование указанных противоречий требует модернизации существующих концепций управления международными конфликтами.

Каждая из четырех доминирующих сегодня в мире моделей управления конфликтами (англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская) стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира, считающейся представителями этой модели наилучшей и наиболее совершенной. Ни одна из них не предусматривает свободы выбора со стороны участников конфликта и принципа состязательности среди самих моделей в борьбе за право разрешить конфликт: везде речь идет исключительно о цивилизаторской миссии и управлении «втемную». Это со временем неизбежно приведет к жесткой конкуренции между моделями и отвлечению внимания от собственно проблемы мирного разрешения конфликтов. На фоне этого соперничества в систему уже существующих мировых моделей управления конфликтами обязательно должна войти новая компонента, предусматривающая для участников конфликтов добровольный выбор между моделями на основе наилучшей альтернативы и соответствующие гарантии реализации права такого выбора. Такой моделью может стать российская цивилизационная

модель, поскольку принципы альтернативности близки российской практике разрешения международных конфликтов.

В современной системе мировых культурно-цивилизационных моделей именно российская модель управления конфликтами способна придать ей сбалансированность и устойчивость: она во многом компенсирует системные недостатки известных моделей, предлагая в моменты кризиса всем участникам конфликта (как противоборствующим сторонам, так и самим миротворцам) альтернативное видение сложившейся ситуации и путей выхода из нее. При этом российская модель способна оказывать мощное цивилизаторское воздействие как на участников конфликтов, так и на мировое сообщество и систему международных отношений в целом.

В результате в новом свете могут быть сформулированы интересы России, ее внешней политики, как по отношению к наиболее опасным международным конфликтам, так и по отношению к ведущим мировым акторам, участвующим в миротворческой деятельности, а также - рекомендации по реализации актуальных задач российской внешней политики по управлению международными конфликтами на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Литература

1. Кременюк В.А. Современный международный конфликт: проблемы управления // Международные процессы. 2008. 24 апр. URL: http://www.intertrends.ru/one/005.htm

2. Миронов С.М. Доклад на 1-й международной конференции «Информационные войны в современном мире» // Информационные войны в современном мире. Сборник статей. М., 2008.

Л.В. Монина, И.Ф. Гунгер
Использование силы в современной практике урегулирования международных конфликтов

Крушение биполярной системы международных отношений в начале 1990-х гг. спровоцировало взрыв противоречий и международных проблем, искусственно сдерживавшихся или остававшихся второстепенными в период «холодной войны». Одной из главных угроз международной безопасности стали затяжные конфликты на этнической, межклановой и религиозной почве. Как правило, они носят внутригосударственный характер и вызваны сепаратистскими устремлениями, борьбой за приобретение национальной самостоятельности. Характерной особенностью таких конфликтов является большое число жертв среди гражданского населения, поскольку именно оно и избирается противобор-

ствующими сторонами в качестве основной мишени. Последнее обстоятельство делает чрезвычайно актуальной для международного сообщества проблему обеспечения прав и свобод человека (в первую очередь права на жизнь), предотвращения гуманитарных катастроф.

Как показывает практика, в современном мире возросла роль силового фактора (фактора военной силы) в деле урегулирования конфликтов в ущерб политическим методам их предотвращения и урегулирования. По отношению к таким операциям используются два основных понятия: «операции по принуждению к миру» и «гуманитарная интервенция» (вариант – «гуманитарная война»). Как представляется, предпочтение силовым методам урегулирования международных конфликтов отдается по двум основным причинам. Во-первых, разрушены иные (невоенные) механизмы регулирования, существовавшие в биполярной системе МО. В условиях возросшего международного беспорядка силовой фактор может рассматриваться как наиболее эффективный в разрешении конфликтов. Во-вторых, сама природа конфликтов – межэтническая, межконфессиональная – делает их особенно ожесточенными. Конфликтующие стороны не склонны к компромиссам, а если компромисс временно достигается, то часто нарушается. В 1989–2005 гг. около 40% стран, на территории которых велись конфликты и были подписаны мирные соглашения, впоследствии возвращались к вооруженному противостоянию [1, с. 37.]. Таким образом, характер конфликтов и поведение конфликтующих сторон делают необходимым силовое вмешательство так называемой третьей стороны.

Принудительные действия в международной сфере являются прерогативой, прежде всего ООН, которая в соответствии со своим Уставом имеет право принимать эффективные коллективные меры для подавления актов агрессии. Однако в реальности в настоящее время Организация не располагает необходимым потенциалом – военным, материально-техническим, финансовым, организационно-техническим – для проведения операций по принуждению к миру. Поэтому в 1990-е гг. наметилась, а в дальнейшем получила развитие тенденция делегирования ООН своих полномочий в области силового миротворчества региональным организациям, отдельным государствам и коалициям государств, готовым взяться за выполнение задач по кризисному реагированию. Совет Безопасности ООН в разные годы давал санкции на применение военной силы (на основании гл. VII Устава) региональным организациям и коалициям государств в Ираке, Сомали, бывшей Югославии, Руанде, на Гаити. Например, резолюцией №794 от 3 декабря 1992 г. СБ ООН уполномочил США (которые вызвались сами) помочь

создать безопасные условия для оказания гуманитарной помощи в Сомали [2].

Делегирование полномочий ООН на проведение военно-принудительных операций, тем не менее, предполагает признание исключительного права Совета Безопасности на санкционирование подобных операций.

Гуманитарные интервенции можно рассматривать как операции по принуждению к миру, но получившие иное идеологическое обоснование. Современная концепция гуманитарной интервенции построена на идее примата прав человека над суверенитетом, независимостью и территориальной целостностью государства. Исходя из этого положения, гуманитарная катастрофа не может считаться внутренним делом государства, и международное сообщество обязано принимать самые решительные меры для исправления ситуации [3]. Гуманитарная интервенция предстает элементом новой политики, направленной на всеобщую «гуманизацию» международных отношений. К гуманитарным интервенциям специалисты относят операции в Ираке в 1991 г., в Боснии и Герцеговине в 1995, в Косово в 1999 г. В последнем случае концепция гуманитарной интервенции была апробирована в наиболее полном объеме.

Правовую основу для вооруженного вмешательства по гуманитарным причинам создала принятая Советом Безопасности резолюция №688 от 5 апреля 1991 г., резолюция, которая вызвала бурные дискуссии в мире, как при ее принятии, так и на этапе ее реализации. По мнению сторонников гуманитарного вмешательства, резолюция №688, по сути, санкционировала первую в современной истории операцию в духе главы VII Устава ООН, проводимую с целями гуманитарного характера – предотвращения или пресечения варварских действий против гражданского населения и массовых нарушений прав человека. Тем самым резолюция создала правовой прецедент для вмешательства во внутренние дела государств при определенных условиях [4].

Противники такого толкования резолюции №688 отрицают ее связь с главой Устава ООН и отказывают в легитимности использования принудительных мер, связанных с силовым вмешательством во внутренние дела государств без соответствующей санкции СБ ООН, даже если при этом преследуются гуманитарные цели [4]. По мнению этой группы политиков и специалистов-международников, в современных условиях Совет Безопасности ООН по-прежнему представляет собой единственный международный орган с широкими полномочиями, способный принимать взвешенные и наименее политизированные

решения в сложных условиях гуманитарного кризиса. Таковым он должен остаться и в будущем.

Наличие двух позиций в оценке роли СБ ООН в силовом урегулировании конфликтов свидетельствует о борьбе конкурирующих тенденций в процессе формирования нового мирового порядка. Следует отметить явно наметившееся доминирование одной из этих тенденций. В результате, несмотря на жесткую регламентацию исключительности компетенции Совета Безопасности в сфере обеспечения международного мира и безопасности, особенностью миротворческих операций нового поколения в целом и гуманитарных интервенций в особенности стала неподконтрольность этих операций СБ ООН. Например, операция «Буря в пустыне» проводилась на основе резолюции №672 от 29 ноября 1990 г., однако объем и характер применения вооруженных сил – вопросы, также находящиеся в компетенции Совета Безопасности – с ним не согласовывались. Еще одним примером стала операция в Гаити, осуществленная США на основании резолюции №940 от 31 июля 1994 г., в ходе которой руководство Соединенных Штатов самостоятельно решало, как проводить эту операцию и какое количество солдат вводить на остров. Наконец, гуманитарная война в Югославии была проведена США и их союзниками по НАТО вообще без санкции Совета Безопасности.

Таким образом, очевидным фактом является практика *самоустранения* или даже *отстранения* СБ ООН при осуществлении принудительных действий по поддержанию международного мира и безопасности. Проявлением самоустранения является и уже упоминавшееся делегирование полномочий региональным организациям и группам государств. При этом границы участия региональных организаций в миротворческих операциях не определены, что затрудняет поиск ответа на ряд важных вопросов, в частности, какие именно региональные структуры могут быть задействованы в операциях по принуждению к миру. Другими словами, распад биполярной международной системы взвалил на ООН непосильное бремя проблем, к разрешению которых Организация в ее нынешнем виде оказалась неготовой.

В связи с этим в ООН оживилась дискуссия по вопросу о реформировании Организации с целью повышения эффективности миротворческой функции ООН в целом при одновременном сохранении ее ведущей роли в урегулировании международных конфликтов. Одним из сюжетов дискуссии стал вопрос о возрождении и реорганизации Военно-штабного комитета Совета Безопасности [5, с. 653]. Создание «военной машины» ООН, по мнению сторонников этой идеи, может служить важным превентивным средством, удерживающим от эскалации конфликтов, особенно межрелигиозного и межэтнического проис-

хождения. В целом признается, что ООН имеет серьезный миротворческий потенциал, реализовать который ей поможет реорганизация собственных структур и внесение изменений в Устав. Однако, как очевидно, никаких серьезных усилий в данном направлении Организация не предпринимает, да и не способна предпринять в современных условиях.

Миротворческая деятельность ООН включает в себя операции по поддержанию мира, превентивную дипломатию, миростроительство, оказание гуманитарной помощи населению и др. В арсенале Организации Объединенных Наций есть такое средство урегулирования споров и конфликтов, а также мер воздействия на государства, политика которых представляет угрозу международному миру и безопасности, как различного рода санкции. Однако силовую составляющую процесса урегулирования конфликтов в мире обеспечивают США. Причем решение о военно-силовой акции Соединенные Штаты могут принимать самостоятельно, без санкций Совета Безопасности, но могут получить полномочия от СБ ООН в результате их делегирования последним. При этом США всегда стремятся придать своим акциям характер коллективных действий, вовлекая в них союзников по НАТО.

Вопрос о силовом урегулировании международных конфликтов в виде операций по принуждению к миру или гуманитарных интервенций в конечном итоге связан с проблемой формирования нового мирового порядка.

Доминирование США в современной системе международных отношений позволяет этому государству играть главную роль в процессе. Формирование же мирового порядка одной сверхдержавой неизбежно связывает этот процесс с интересами и ценностями одного государства, что не может не вызывать противодействия. На наш взгляд, развитие международной системы может вновь возвратить ее в более «демократическое» состояние – двух- или многополюсную, что будет способствовать усилению роли такой универсальной организации как ООН, актуализирует ее миротворческий потенциал.

Литература

1. Степанова Е. Государство и человек в современных вооруженных конфликтах // Международные процессы. 2008. №1. С. 29–40.

2. Резолюция Совета Безопасности ООН №794 от 3 декабря 1992 года. URL: http:// www.un.org/russian/dokumen/sceresol/res1992/res794.htm

3. Bajoria J. The Dilemma of Humanitarien Intervention. N.Y., Council on Foreign Relations. URL: http://www.cfr.org/publication/16524/dilemma _of _humanitarian_intervention.html

4. Knudsen T.B. The History of Humanitarian Intervention: The Rule or the Exception. URL: http://www.allacademic.com/meta/p370801_index. html.

5. Федоров В.Н. ООН, другие международные организации и их роль в XXI веке. М., 2007.

И.А. Савич

Историко-теоретическое становление идеи толерантности и бесконфликтных отношений в Киевской Руси

Политическая толерантность расценивается как одно из номинальных значений демократического общества. С тех пор как согласие было достигнуто лишь в узком кругу проблем, граждане демократических обществ должны постоянно жить рядом с людьми, исповедующими различные политические убеждения. Неважно, происходят споры относительно свободы личности или поиска прагматичного решения дилемм плюрализма, – толерантность является краеугольным камнем в мирном сосуществовании обществ.

В современном мире часто встречаются проявления нетерпимости (этнической, политической, языковой, региональной и т.д.), что объясняется экономической или политической ситуацией на территории государства. Также негативный вклад делают некоторые средства массовой информации, политическая агитация, общественное мнение, формирующие отношение людей друг к другу. Поэтому современная жизнь требует обратиться к прошлому для изучения истории культуры человечества и поиска путей разрешения конфликтов.

Понимание толерантности исследовали в политико-правовом аспекте такие ученые, как В. Горский, С. Дрожжина, А. Кривицкая, И. Кушниренко, В. Логвинчук; в историческом аспекте: В. Ананьин, Т. Андрущенко, М. Монастырская, П. Поляков, А. Пучков, Ю. Тищенко и др. Однако в исследованиях рассматриваются лишь отдельные аспекты толерантности и недостает системного взгляда на нее как на историко-политическое явление. Анализ трудов свидетельствует, что проблема исторического становления толерантности актуальна, не в полном объеме разработана, а потому нуждается в дальнейшем развитии и изучении.

Одним из основных факторов формирования терпимости на территории Древнерусского государства выступает именно географический, ведь Киевская Русь находилась на пересечении торговых путей Балтийского и Черноморского регионов, а также Восточной и Западной Европы, что проявлялось в столкновении различных культур. Толерантность во времена Киевской Руси проявлялась прежде всего в торговле и религии. Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Лука

Жидята, Христофор Филалет и другие представители Древнерусского государства пропагандировали идею терпимости и бесконфликтных отношений, опираясь на Библию и идею равенства всех перед Богом. Так, Феодосий Косой в «Послании многословном » отмечал: «Вся веры, иже суть во всех языках, яко вси люди едино суть у Бога, и татарове, и немцы, и прочий языцы »[1, с. 103]. На украинских землях, наряду с государственной религией, православием, мирно сосуществовали и другие – католицизм, армяно-григорианская церковь, иудаизм, караимы.

На развитие идей толерантности также влияли и политические факторы, а в частности – соперничество за обладание и расширения территориального господства. Начиная с периода правления князя Ярослава Мудрого (около 983–1054), была устоявшаяся система престолонаследия, которая базировалась на кровных и территориальных принципах. Но данная система постоянно нарушалась междоусобными спорами, а потому проблема разрешения споров в первую очередь касалась отношений между членами княжеской семьи. «И если будете жить в любви между собой, и Бог будет с вами, и положит под вас врагов ваших, и будете мирно жить. И когда будете в ненависти жить, в ссорах и междоусобицах, то и сами погибнете, и землю отцов и дедов своих погубите, которую получили трудом великим. Но слушайте брат брата, живите мирно» [3]. С таким словами Ярослав Мудрый в «Наставлении временных лет» обращается к своим сыновьям перед смертью.

Расширенный принцип братолюбия и терпимого отношения к другим людям провозглашаются и в «Наставлении архиепископа Луки к братии» епископа Луки Жидяты, которые оказали значительное влияние на князя Владимира Мономаха (1053 – 1125): «Любовь имейте к любому человеку, а больше всего к братии, и не должно быть так, чтобы одно на сердце, а другое на устах ... Нельзя ссорить между собой других, чтобы не назвали тебя сыном дьявола, но примиряй – и будешь сыном Бога. Не осуждай брата даже в мыслях, помни о своих грехах...» [2]. Такие призывы отвечали христианской традиции того времени.

В период расцвета Древнерусского государства князь воспринимался как идеал мужества, верности и справедливости. Поэтому идею терпимости, мира и согласия в первую очередь пропагандировали именно правители. В частности, такие советы встречаются в «Поучении детям» Владимира Мономаха: «В ничтожной этой жизни научись, верующий человек, действовать благочестиво, научись, по евангельскому слову, «глазами управлять», язык сдерживать, ум смирять, тело усмирять, гнев подавлять, помысел чист иметь, побуждая себя на доб-

рые дела господа ради; тебя лишают – не мсти, ненавидят – люби, гонят – терпи, хулят – моли, умертви грех» [4].

Подтверждением мирного сосуществования также может служить большое количество браков, заключенных представителями княжеской семьи, несмотря на разные вероисповедания. Сына Святополка Владимир Великий женил на дочери польского короля Болеслава Храброго, а сын Ярослав стал зятем шведского короля Олафа Скотконунга. Многочисленные браки самого Владимира (летопись сообщает, что у князя было пять официальных жен) тоже были направлены на улучшение дипломатических отношений, ведь каждая из жен невольно становилась гарантией, заложницей, а брак – своеобразной печатью заключенного им политического союза. Самым известным династическим браком в истории Древней Руси принято считать брак третей дочери Ярослава Мудрого Анны с французским королем Генрихом I (1031–1060 гг.) из династии Капетингов.

Таким образом, анализ исследованных источников позволил сделать следующие выводы. Толерантность на отечественных землях начала зарождаться в экономической, религиозной и политических сферах. Идеи терпимости, в первую очередь, зафиксированы в трудах древнерусских князей или летописцев.

Итак, исторические преобразования на территории Древнерусского государства сделали проблему толерантности необходимым условием урегулирования конфликтных отношений, политической необходимостью, влияющей на развитие культуры общества. Толерантность как тип индивидуального и общественного отношения к социальным и культурным различиям, как терпимость к чужим мнениям, верованиям и формам поведения можно рассматривать как один из фундаментальных признаков цивилизованности и уровня политической культуры. На это указывает исторический опыт как на международном уровне, так и на национально-культурном.

Литература

1. Замалеев А.Ф. Отечественные мыслители позднего средневековья (конец XIV – первая треть XVII). К., 1990.

2. Лука Жидята. Повчання архієпископа Луки до братії. URL: http://izbornyk.org.ua/oldukr2/oldukr55.htm.

3. Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / пер. з давньоруської, післяслово, комент. В.В. Яременка. К., 1990. URL: http://litopys.org.ua/pvlyar/yar06.htm.

4. Поучення Володимира Мономаха / пер. Л. Махновця. URL: http://izbornyk.org.ua/litop/lit27.htm.

В.А. Смирнова

Ошибки при принятии внешнеполитических решений в условиях международных конфликтов

Американская наука внесла значительный вклад в теоретическое осмысление процесса принятия внешнеполитических решений (ПВР). Среди функций этого направления анализа внешней политики – выяснение причин внешнеполитических провалов и поиск механизмов, которые позволили бы предотвращать патологии, возникающие в ходе ПВР. Большинство решений во время международных конфликтов принимаются индивидуально и/или малыми группами, поэтому здесь мы остановимся на основных объяснениях фиаско при ПВР, предлагаемых когнитивистской ветвью внешнеполитического анализа, и оставим за бортом организационный, бюрократический и кибернетический подходы.

Первопричиной большинства ошибок является, пожалуй, ограниченная рациональность человека. Г. Саймон подчеркивал, что «модель мира в уме ЛПР (лица, принимающего решение) охватывает лишь ничтожную долю всех релевантных характеристик среды» [1, с. 272], а потому между реальной средой и ее отображением в сознании/подсознании существует разрыв, ведущий к неадекватному восприятию среды, а, следовательно, и ошибкам в суждениях относительно ситуации.

Мало того, что человек «не может объять необъятное» умом, так часть существенных характеристик этого «необъятного» еще и недоступна восприятию ЛПР. Неполнота информации о ситуации не всегда может быть восполнена даже в наше высокотехнологичное время. Стерн пишет, что в таких условиях лица, принимающие решения, могут задействовать представления об участниках ситуации, предшествовавшие конфликту [2, с. 203]. По Херадсвейту и Бонхэму, неопределенность также воздействует на бóльшую склонность к упрощениям, готовности с легкостью выдавать ожидаемое за действительное [3, с. 342]. К примеру, американская администрация приняла решение о начале войны в Ираке в условиях неопределенности относительно наличия у С. Хусейна ядерной программы. Не обладая определенными свидетельствами наличия программы у иракского лидера, американские ЛПР склонялись к мнению, что программа есть, поскольку предшествующий опыт взаимодействия не свидетельствовал в его пользу. Жестокий диктатор и агрессор вполне мог оказаться обманщиком.

Идея важности предшествовавших представлений в ситуации неопределенности резонирует с концептом «когнитивной согласованности» (cognitive consistency) Р. Джервиса. Под согласованностью известный американский политолог понимает тенденцию индивидов видеть, то, что они ожидают увидеть, и ассимилировать входящую информацию в соответствии с образами, которые у них существовали ранее» [4, с. 117]. Несмотря на отсутствие точной информации о реакции М. Каддафи на народные волнения в Ливии в 2011 г., западные страны все же решили применить силу против ливийского руководителя. Ведь предшествовавший образ Каддафи вполне согласовывался с данными о массовых убийствах мятежников.

Джервис также анализирует последствия такой особенности восприятия, как активизированный набор (evoked set), т.е. склонность людей интерпретировать стимулы в свете того, что доминирует в их сознании в данный момент [4, с. 205]. К примеру, масла в огонь восприятия опасностей, таившихся в вероятном наличии у Хусейна ядерной программы, подлили события 11 сентября, все еще бывшие на слуху к 2003 г. Буш отмечал, что, «видя урон, нанесенный 19 фанатиками, вооруженными лишь ножами», он «с ужасом думал о возможных последствиях попадания ОМУ в руки террористов»[5, с. 229]. Ощущение собственной ответственности за непредотвращенные теракты 11 сентября могло склонить администрацию Буша к решимости действовать в ситуации с Ираком, исходя из худшего сценария.

Одной из важных составляющих образов С. Хусейна и М. Каддафи является негативный эмоциональный фон, возникший благодаря их жестокости и поддержке террористов в той или иной форме. И действительно, эмоции оказывают существенное воздействие на определение внешнеполитической ситуации, «являясь частью рассуждений и способом видения чего-либо» [6, с. 1]. Такие эмоции, как страх и гнев, не только способствуют применению силы, они могут мешать диалогу между сторонами конфликта. «Когда индивиды враждебны по отношению к Другому, они гораздо менее открыты для убеждения, чем в случаях, когда они нейтральны или эмпатичны» [7, с. 145]. Отрицательный настрой в отношениях оборачивается стойким отказом от поиска компромисса и застоем в отношениях. Накопившиеся негативные эмоции – один из факторов неурегулированности арабо-израильского конфликта.

Эмоции воздействуют и на учет при ПВР невозвратных затрат (sunk costs). Этот экономический термин означает издержки в прошлом, которые невозможно вернуть. Учет невозвратных затрат при новых вложениях является отступлением от рациональности, на прак-

тике означая вложения все бóльших ресурсов в проваливающиеся проекты, в надежде на успех впереди [8, с. 528]. В ловушку учета невозвратных затрат попал СССР во время войны в Афганистане. Оправдание понесенных человеческих потерь могло лежать только в победе, которая оказалась недостижимой.

Несмотря на неудачный опыт СССР в Афганистане, США и их союзники все же ухитрились наступить на те же грабли в начале нового тысячелетия. Отказ от использования аналогий при ПВР в данном случае обернулся гибелью множества людей. Однако применение аналогий может приводить и к серьезным ошибкам при ПВР. Во время международных конфликтов ЛПР нуждаются в методах, позволяющих экономно перерабатывать большие объемы информации. Одним из таких методов как раз и являются исторические аналогии [9, с. 524].

Причины их неадекватного применения могут быть разными. ЛПР могут попросту не знать истории. Чего стоит фраза хотя бы Дж. Буша о «крепком более чем полуторавековом союзе США и Японии». Гораздо чаще ЛПР знают историю, но используют исторические аналогии неадекватно. По мнению автора широко цитируемой работы по роли аналогий при ПВР Ю. Кхонга, «ЛПР чаще подбирают неподходящие аналогии, которые не только не могут помочь верно понять новую ситуацию, но и ведут к неправильным выводам, так как работают на акценирование поверхностных и незначительных параллелей между настоящей ситуацией и прошлым... Полагая, что X аналогичен Y, политики считают, что все свойства X будут аналогичны всем свойствам У ... подобные рассуждения могут вести к упрощенным и ошибочным интерпретациям входящих стимулов» [10, с. 12–14].

К некорректным аналогиям могут прибегать как индивиды, так и группы. Перспектива малых групп внесла свою лепту в научные представления о причинах фиаско при ПВР. Самым известным дефектом малых групп является оспариваемое ныне [12] пресловутое «групповое мышление» (Groupthink) – явление, при котором стремление членов группы к единогласию превалирует над мотивацией реалистично оценивать предлагаемый курс действий [11, с. 3]. При групповом мышлении участники группы ограничиваются рассмотрением малого числа альтернатив, не перепроверяют планы, первоначально принятые большинством, выборочно реагируют на фактическую информацию и оценки экспертов, СМИ, оппонентов и т.п. [11, с. 10–11]. Также в рамках перспективы малых групп исследуются конформность при ПВР, стереотипизация, доминирование лидера [12, с. 93]. Ученые уделяют внимание такому эффекту, как поляризация группы, при котором малые группы могут генерировать более рискованные или более

осторожные решения, чем те, которых можно было бы ожидать, исходя из простой суммы индивидуальных политических предпочтений членов группы [13, с. 182].

Предрасположенность групп и/или индивидов к выбору более или менее рискованных альтернатив также зависит от домена, в котором они находятся. Согласно положениям теории перспектив, люди, находящиеся в домене приобретений, будут стараться избегать рисков, и наоборот, индивиды в домене потерь или в кризисной ситуации будут готовы к принятию рисков. В этом контексте было бы чрезвычайно интересно провести исследование домена, в котором психологически находился М. Саакашвили накануне событий августа 2008 г. Его сложные отношения с оппозицией, отсутствие полного контроля над территориями бывшей Грузинской ССР, и потери на международной арене (саммит НАТО постановил, что Грузия не готова вступить в альянс из-за проблем с территориальной целостностью). Вполне возможно, что на решение его толкнула готовность к риску из-за нахождения в домене потерь.

Таким образом, когнитивистские подходы к анализу внешней политики выделяют следующие основные факторы, порождающие ошибки при ПВР: ограниченные возможности человеческого разума, неполнота информации о ситуации, когнитивная согласованность, активизированный набор, эмоции, учет при ПВР невозвратных затрат, использование аналогий при рассуждениях, групповые процессы, ситуационные вызовы, склоняющие индивида к рискованному поведению или, напротив, к осторожности.

Литература

1. Simon Herbert A. Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science // The American Economic Review. 1959. Vol. 49, No. 3. Jun. P. 253–283.

2. Stern Eric K. Crisis Decisionmaking: A Cognitive Institutional Approach. Stockholm, 2003.

3. Heradstveit Daniel and Bonham G. Matthew. Decision-Making in the Face of Uncertainty: Attributions of Norwegian and American Officials // Journal of Peace Research. 1986. Vol. 23, No 4. P. 339–356.

4. Jervis Robert. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, New Jersey. 1976.

5. Bush George W. Decision Points. Virgin Books, 2010.

6. Mercer J. Emotional Beliefs // International Organization 64. Winter 2010. P. 1–31.

7. Crawford Neta C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // International Security. Vol. 24. No. 4. Spring, 2000. Pp. 116-156

8. Renshon Jonathan, Renshon Stanley A. The Theory and Practice of Foreign Policy Decision Making // Political Psychology. 2008. Vol. 29, No. 4. P. 509–536.

9. Houghton David Patrick. The Role of Analogical Reasoning in Novel Foreign-Policy Situations // British Journal of Political Science. 1996. Vol. 26, No. 4. P. 523–552.

10. Khong Yuen Foong. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu and the Vietnam Decisions. Princeton, 1992.

11. Janis Irving L. Victims of Groupthink. A Psychological Study of Foreign Policy Decisions and Fiascoes. Hoghton Mifflin Company. Boston, 1972.

12. Fuller S.R., Aldag, R.J. Challenging the Mindguards: Moving Small Group Analysis beyond Groupthink // Beyond Groupthink. Political Group Dynamics and Foreign Policy-Making. ed. By Paul't Hart, Eric K. Stern and Bengt Sundelius. Ann Arbor, 1997. P. 55–94.

13. Levy Jack S., Thompson William R. Causes of War. Wiley-Blackwell, 2010.

В.Р. Филиппов
«Урегулирование конфликтов» в парадигме постмодерна

Начало нынешнего века ознаменовано диффузией постмодернизма в теорию международного права и в частные практики международных отношений. Было бы явным преувеличением утверждать, что те или иные постулаты постмодерна были осознанно адаптированы этой отраслью научного знания, вербализованы в специфическом категориальном аппарате и легли в основу научных и нормативных текстов. Однако общее «состояние умов», характерное для всякого времени, доминирование в обществе тех или иных идей и ценностей – все это неизбежно находит отражение во всех ипостасях гуманитарного знания. Концептуалисты постмодерна трактуют процесс разрушения дисциплинарных границ как формирование специфической «эписистемы», имманентной для данной исторической эпохи. (Мишель Фуко понимал под эписистемой некое единое интеллектуальное поле, образующееся из дискурсов различных наук на данном уровне развития познания [1, с. 5]). Жан-Франсуа Лиотар, соглашаясь с Юргеном Хабермасом, писал о том, что «современность потерпела крах потому,

что допустила раскол жизненной целостности на независимые специальности» [2, с. 13]. Теория и практика международных отношений с неизбежностью должны были оказаться включенными в эту эписистему, в эту совокупность дискурсов, в эту жизненную целостность.

Нужно помнить, что постмодернизм – не цельная и строгая научная доктрина, а, согласно Умберто Эко, «определенное духовное состояние, особого рода игра». Это уход от предустановленных схем, свобода интерпретаций. Постмодерн зиждется на множественности смыслов, уверенности в том, что бесконечность мира предполагает и бесконечное число толкований. Жан-Франсуа Лиотар подчеркивал, что постмодерн означает даже не новизну, а обязательный плюрализм. И Роллан Барт выступает против «единственности» прочтения текста и окончательности в интерпретации его смысла [3, с. 72–130]. Столь характерный для постмодернизма отказ от универсалистских конструкций повлек за собой привнесение новых смыслов в базовые понятия прошлого. Мир, вступивший в эру постмодерна, готов отказаться от фундаментальных и единых для всех принципов международного права, основанного на антропоцентрическом гуманизме. Неожиданная метаморфоза: постмодернистский отказ от догматизма служит основанием для отрицания норм классического международного права, призванного защитить справедливость во имя гуманизма, а требование плюрализма обретает смысл санкции на утверждение одной позиции, позиции сильного. При этом конструируется миф о том, что всякий новый прецедент международного вмешательства в конфликтные ситуации имеет целью добиться умиротворения сторон и защитить права человека. Как иронично заметил Умберто Эко, «из-за переизбытка добродетелей побеждают силы ада… и случается мировой пожар» [4, с. 434]. В практике международных отношений абстрактный гуманизм становится обоснованием экстраполяции «западных ценностей» в культурные системы, этим ценностям чуждые. Да и сами эти «ценности», в конечном счете, оказываются лишь плохо скрытым прагматическим интересом экстраполяторов. И мифотворчество относительно «сферы особых интересов», «защиты демократии», «борьбы с государственным терроризмом» и проч. призвано лишь закамуфлировать очевидный прагматический интерес мифотворцев. Как писал Роллан Барт, «основа афористичности буржуазного мифа – здравый смысл, то есть такая истина, которая застывает по произволу того, кто ее изрекает». Мир через призму идеологического мифа предстает «не объясненным, а констатированным, ясным и готовым к употреблению» [5, с. 258]. Миф формируется и внедряется в массовое сознание для оправдания того, что не может быть оправдано с позиции здравого смысла гуманизма.

Еще в 1947 г. Арнольд Тойнби в знаменитом труде «Постижение истории» [6, с. 5 и след.] сформулировал мысль о том, что постмодернизм символизирует собой конец западного господства в религии и культуре. А Жан-Франсуа Лиотар в свою очередь настаивал на том, что цель постмодернистской программы – гуманитаризация этого мира, ставшего обездушенным благодаря самому же человеку. Однако реальность оказалось намного сложнее и драматичнее: мобилизованный постмодернизм стал идеологическим обоснованием монологизма во внешней политике. А искомый плюрализм приобрел форму государственного эгоцентризма.

Стремление избавить мысль от ограничений, накладываемых на нее эпохой (онтотеология, как назвал это Жак Деррида), до предела рационализировала сферу межгосударственных взаимодействий. Постмодернистское требование антидогматизма, отказ от жесткого доктринального монологизма, разрушение системы символических противоположностей, отказ от двоичного исчисления мира (бинарных оппозиций «добро – зло», «полезно – вредно» и проч.) повлекли за собой формирование новых понятий и регуляторов. В теорию и практику международных отношений все более агрессивно внедряется концепт «урегулирования конфликтов».

Если принцип «невмешательства во внутренние дела государств» был императивом и трактовался в теории международного права совершенно однозначно, то новое понятие «урегулирование конфликтов» до предела полисемантично. Кто и как может или должен урегулировать конфликты? Кто может взять на себя ответственность судить о том, кто прав или кто виноват в данном конфликте? Какие регуляторы вправе применять тот, кто принимает на себя функцию «миротворца»? И, наконец, главный вопрос: в какой степени «миротворец» вправе преследовать собственные интересы в ходе разрешения конфликтной ситуации? Какие ответы на эти вопросы следует считать истинными?

Постмодернистская деконструкция привела к дискредитации классической «истины», новое миропонимание предложило реконструкцию «незавершенной истины» как прямой противоположности прежней, «субстанциональной истине». Постмодерн отказывается от логицизма, стремящегося к абсолютной истине, теория релятивизируется.

И в этом контексте постмодернистская парадигма «урегулирования конфликтов» предполагает обширный континуум мнений, решений, санкций… Их квалификация в качестве «истинных» в практике международных отношений зависит от многих факторов: от того, насколько индифферентен миротворец к участникам конфликта, от того, каким военным потенциалом он располагает, от того, каковы собственные интересы регулятора в конфликте и проч.

В основе постмодернистских концептуализаций лежит отторжение социальных утопий и иллюзий массового сознания. Вероятно, в начале XXI столетия пришла пора отбросить иллюзию справедливости устройства послевоенного мира, изъять из международного права базовые понятия невмешательства в дела суверенных государств и сохранения их территориальной целостности. Борис Межуев справедливо констатировал: «Мир живет в эпоху постмодерна. До этого момента были какие-то разговоры, какое-то сопротивление. По крайней мере, во время войн в Косово в The Washington Post была опубликована статья, в которой говорилось, что если американцы вторгнутся в Косово, то за этим кончится модерн… Это был последний крик в защиту модерна» [7].

Действительно, «урегулирование конфликта» все больше напоминает военные действия, направленные против одной из сторон и призванные обеспечить интересы третьей силы, принявшей на себя обязательства миротворца. Умберто Эко констатировал с грустью: «В нарушении обычаев, установленных современными либеральными государствами, войну больше не объявляют… и никогда не известно: находимся ли мы в состоянии войны или нет» [8, с. 258].

При этом «урегулирование конфликтов» в интересах третьей стороны легитимизируется посредством авторитета международных организаций, которые, как констатирует Жак Деррида, «теперь управляют миропорядком». Весьма скептически относится он к этому «новому интернационалу» и прежде всего к ООН, которая, по его мнению, все больше и все очевиднее выражает интересы не наций, а политических элит сверхдержав. В эпоху постмодерна «злоупотребление властью – составная часть самой суверенности».

Политические мифы возникают из потребности оправдать злоупотребления властью, придать видимость рациональности политическим практикам. Постмодернистские коннотации в международном праве возникают тогда, когда мир становится однополярным. Крах Советского Союза, распад Варшавского договора, разрушение Берлинской стены ознаменовали новую эру в международных отношениях. Жак Деррида вспоминает о периоде «холодной войны, во время которой две сверхвооруженные супердержавы, основоположники и бессменные члены Совета безопасности считали возможным установить порядок в мире через равновесие ядерного и межгосударственного террора». Баланс сил нарушен, равновесие утрачено, остался один центр силы. Теперь «сколько бы другие государства ни изобличали, ни обвиняли в нарушении права, в уклонении от права, во всевозможных перверсиях и девиациях те или иные rogue States, одни США могут объявить себя гарантами международного права, инициировать войну,

полицейские операции или, наоборот, сохранить мир, поскольку у них есть сила. Именно США и их союзники в этих действиях сами являются в качестве суверенных наипервейшими rogue States» [9, с. 10].

Билл Клинтон в 1993 г. заявил в ООН, что его страна будет использовать средства, которые ей кажутся соответствующими одной исключительной статье (ст. 51) Хартии ООН, и что «Соединенные Штаты будут действовать по возможности многосторонними способами, но если будет необходимо – одним». Позже эта декларация многократно воспроизводилась Мадлен Олбрайт, когда она была послом при ООН, и Уильямом Коэном в бытность его заместителем министра обороны. Последний объявил, в частности: «США готовы вступать в военный конфликт в одностороннем порядке (то есть без согласия ООН или Совета безопасности) всякий раз, когда подвергаются опасности их жизненные интересы». Национальную юрисдикцию он объявил достаточной для оправдания «беспрепятственного доступа к ключевым рынкам, к энергетическим и стратегическим ресурсам, равно как и ко всему остальному, что будет определяться как жизненный интерес его страны».

Примечательно то, что конец эпохи двуполярного мира был театрально объявлен 11 сентября 2001 г., когда вместе с башнями Международного торгового центра рухнуло все устройство (логическое, семантическое, риторическое, юридическое, политическое) прошлого мира. Однополярность мира получила особую легитимность. 20 сентября президент Джордж Буш обратился к нации с трибуны Конгресса с посланием, в котором говорилось: «Сегодня мы – страна, осознавшая опасность и призванная защитить свободу. Наша скорбь обратилась в гнев, а гнев – в решимость. Предстанут ли наши враги перед правосудием или правосудие предстанет перед нашими врагами, но правосудие совершится». Как справедливо отметил Б. Межуев, «эпоха, когда невмешательство составляло определенную морально-правовую норму, закончилась».

Началась новая эпоха в истории международных отношений. Страна, узурпировавшая право судить и карать, отныне рассматривает мир как зону своих «национальных интересов». Постепенно произошло смещение логических акцентов: уже не наказание террористов, а некие «превентивные меры», направленные против реальных и мнимых террористических угроз, получают санкцию авторитетных международных организаций. Ничем не оправданные бомбардировки Белграда и отторжение Косово от Сербии ознаменовали конец легитимности ООН. «Урегулирование конфликтов» стало инструментом удовлетворения интересов мировой сверхдержавы и ее военных сателлитов.

В африканском контексте реализация концепта «урегулирования конфликтов» в практике международных отношений означает начало эпохи вторичной колонизации. Бомбардировки Ливии силами НАТО и вступление Франции в войну в Кот-д'Ивуаре на стороне Алассана Уаттары продемонстрировали готовность сверхдержавы и ее военного союзника использовать внутриполитические конфликты как повод для открытой агрессии в собственных интересах с санкции ООН.

Конструируя реабилитирующий миф, Хиллари Клинтон объявила в мае 2011 г.: «В анналах истории будет отмечено, что смерть бен Ладена совпала по времени с великим движением к свободе и демократии, в момент, когда люди по всему Ближнему Востоку и Северной Африке отвергают экстремизм и встают на путь мирного прогресса на основе универсальных прав и чаяний… По всему миру мы будем двигаться вперед, усиливая наши партнерства, укрепляя наши сети, инвестируя в положительное видение мира и прогресса и беспощадно преследуя убийц, действия которых направлены против невинных граждан. Борьба продолжается, и наши ряды никогда не дрогнут». В этой реплике имплицитно присутствует и признание открытого вмешательства в дела суверенных государств, и латентная угроза в адрес тех, кто не готов принять новую парадигму «урегулирования конфликтов».

Совершенно иначе интерпретировали последние события политические элиты африканских государств. 6 апреля 2011 г., сразу после ареста Лорана Гбагбы французским спецназом, группа политических деятелей Камеруна распространила в Интернете следующее заявление: «В Кот-д'Ивуаре начинается новая колониальная война. В стране разыгрывается трагедия, задуманная Николя Саркози и так называемым мировым сообществом. Это настоящее уголовное преступление, осуществление давно задуманного плана новой колонизации Африки. Им опять нужны наша ценная древесина, наш кофе, наше какао, наш уран, наша нефть» [10].

Литература

1. Foucault M. L'archeologie du savoir. Paris, 1969.

2. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма 1982–1985. М., 2008.

3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

4. Эко У. Имя розы. М., 1989.

5. Барт Р. Мифологии. М., 1996.

6. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 2001.

7. Межуев Б. Комментарий // Борьба за Слоновую Кость. URL: http://actualcomment.ru/theme/1764.

8. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. №4.

9. Derrida J. Y-a-t-il des états-voyous? // Le Monde Diplomatique. 2003. Janvier.

10. Бизе Д. Мир жаждет смерти президента Кот-д-Ивуара. Распоряжение об уничтожении Лорана Гбагого дал генсек ООН. URL: http://er-portal.ru/about/text.shtml?19/6563.

А.С. Чесноков

Война с терроризмом: проблемы применения норм международного гуманитарного права

Террористическая деятельность, ведущаяся незаконными вооруженными формированиями или иными группами лиц и контртеррористические операции, проводимые национальными вооруженными силами отдельных государств или международными коалиционными силами, подпадают под регулирование норм международного гуманитарного права (МГП), когда террористическая/контртеррористическая активность достигает масштабов вооруженного конфликта. В противном случае, отдельные террористические акты и ответные «акты возмездия» определяются как спорадические акты насилия, и к ним применяются нормы национального уголовного законодательства, а не международное гуманитарное право.

Вместе с тем уставы и иные основополагающие документы многих международных организаций, в том числе Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Шанхайской Организации Сотрудничества и Организации Североатлантического Договора предусматривают различные варианты тесного сотрудничества государств, в них входящих, по вопросам борьбы с терроризмом.

Организацией Объединенных Наций принято две Конвенции по борьбе с терроризмом: Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята в 1997 г.), и Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (принята в 2005 г.). По смыслу обеих конвенций преступлением в форме террористического акта является «незаконное и преднамеренное приведение (или угроза приведения) в действие смертоносного устройства в пределах мест общественного пользования, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или объекта инфраструктуры с целью причинения людям смерти или серьезных увечий либо с намерением нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде». Целью террористического акта является оказание давления на какое-либо «физическое или юридическое лицо, междуна-

родную организацию или государство с тем, чтобы принудить ее/его совершить какое-либо действие или воздержаться от него». Необходимо отметить, что обе упомянутые конвенции формально не входят в международное гуманитарное право, поскольку распространяют свое действие только отдельные акты террора в мирное время.

МГП исходит из того, что в условиях вооруженного конфликта многое из того, что обычно вкладывается в понятие «террористический акт», совпадает или пересекается с военными преступлениями или преступлениями против человечности. Именно поэтому упоминания о терроризме в различных документах, составляющих основу МГП, эпизодичны. Конкретные упоминания о терроре содержатся в Женевской конвенции IV и обоих дополнительных протоколах. Так, например, запрещаются умышленные или прямые нападения на гражданских лиц и на гражданские объекты; использование гражданского населения в качестве «живого щита»; взятие заложников; коллективные наказания; акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью запугивание гражданское население и не создающие реального военного преимущества.

Несмотря на то, что понятие «война с терроризмом» является расхожим риторическим оборотом, не имеет никакого юридического содержания и формально не подпадает под существующие в международном гуманитарном праве определения вооруженных конфликтов, все же есть основания утверждать, что нормы МГП могут и должны распространяться и на террористическую деятельность и борьбу с ней. Во-первых, системные террористические акты не только совершаются незаконными вооруженными формированиями, действующими на регулярной основе, имеющими внутреннюю систему иерархии, подчиняющимися строгой дисциплине, но и имеют политическую подоплеку. Во-вторых, ведущаяся государством «борьба с терроризмом» на своей территории нередко принимает форму контртеррористической операции, ведущейся в региональных масштабах с привлечением не только сил охраны правопорядка, но и спецслужб и армейских подразделений. В-третьих, иногда контртеррористические операции государства проводят силами собственных спецслужб и армейских подразделений за пределами своей страны на территории другого государства, иногда без согласия официальных властей последнего.

Таким образом, в случае войны с терроризмом нормы МГП применяются, хотя не происходит официального объявления войны и наличие вооруженного конфликта международного или немеждународного характера не признается Советом Безопасности ООН. Однако, существует и своя специфика – эти нормы распространяются, в частности, на способы ведения контртеррористических операций, посколь-

ку при их проведении очень трудно проводить различие и, в результате, страдает мирное гражданское население, разрушаются объекты гражданской инфраструктуры. Кроме того, нормы МГП распространяются на случаи захвата «воюющим» государством на территории другого государства лиц, подозреваемых в террористической деятельности. Проблема заключается в том, что эти лица содержатся под стражей, как правило, без предъявления каких-либо обвинений в совершении уголовных или военных преступлений и без присвоения статуса военнопленных. В статусе военнопленных им, как правило, отказывается по причине того, что они были захвачены как «незаконные комбатанты» или «вооруженные гражданские лица» но, в то же время, эти люди содержатся в военных тюрьмах, а их дела рассматриваются военными комиссиями. Неопределенность статуса «временно задержанного лица» фактически лишает этих людей защиты как со стороны национального права, так и со стороны международного права.

Дополнительным Протоколом I установлено, что любые формы террора или угрозы его применения запрещены, а лица, участвующие в такого рода актах, подлежат уголовному преследованию. Однако существует разница между террористическими группами, действующими от своего собственного имени, и вооруженными отрядами, действующими от имени государства или какой-либо территории, претендующей на обретение независимости, которые используют террористические методы борьбы. В первом случае речь идет об обычных уголовных преступниках, подлежащих наказанию согласно национальному законодательству. Во втором случае речь идет о военных преступниках, грубо нарушающих нормы МГП, что, впрочем, не лишает их права на защиту, в том числе в виде предоставления статуса военнопленного, гуманного обращения, судебных гарантий и т.д.

Принято считать, что международное гуманитарное право применяется только к тем вооруженным конфликтам, которые могут быть четко локализованы во времени и пространстве и в которых принимают участие четко определяемые стороны. Таким образом, войны с терроризмом в Афганистане и Ираке можно классифицировать как международные вооруженные конфликты, войну с терроризмом в Колумбии, на юго-востоке Турции – как немеждународные вооруженные конфликты, а контртеррористическая деятельность армии и спецслужб в Пакистане и Таиланде не доходит по длительности, масштабам и интенсивности до уровня вооруженного конфликта.

Следует иметь в виду, что международное гуманитарное право начинает действовать только в момент начала вооруженного конфликта и прекращает свое действие с окончанием конфликта. В случаях возникновения массовых беспорядков, отдельных вспышек насилия, фор-

мально происходящих в мирное время, действует внутреннее право и применяются нормы национального законодательства. Международное гуманитарное право может начать действовать в мирное время только в исключительном случае – если местные органы власти не в состоянии поддерживать законность и порядок, обеспечивать безопасность населения и самостоятельно противостоять силам, разжигающим конфликт.

В современном мире борьба с терроризмом давно перешла юридические рамки и стала вопросом политическим и идеологическим. Поэтому международное гуманитарное право сложно применять к тем или иным случаям терроризма или борьбы с терроризмом не оттого, что нормы этого права в принципе неприменимы к такого рода действиям, а потому, что террористические группировки и государства, реагирующие на террористическую угрозу, предельно широко трактуют понятие «вооруженного конфликта», игнорируя право и ставя во главу угла достижение цели любыми средствами, в том числе путем «внесудебных уничтожений» отдельных лиц, взятий в заложники, необоснованного содержания под стражей, точечных разрушений гражданских объектов путем артиллерийского обстрела или авиационного налета, организации «зачисток». Если руководствоваться такой логикой, то следует считать, что современный мир находится в перманентном и глобальном состоянии войны, а значит фундаментальные нормы МГП, касающиеся проведения различия, ограничения средств и методов ведения войны и др., теряют смысл.

Д.Н. Чуваткин
О новых моделях геостратегического поведения современных государств

На протяжении практически всей истории человечества вооруженные конфликты представляли собой центральные звенья, своего рода контрапункты международных отношений. В ходе войн разрешались накопившиеся между государствами противоречия, устанавливалась новая структура международных отношений, соответствующая сложившемуся в тот или иной момент соотношению политических, экономических и военных сил, корректировались коалиции и блоки. Соответственно, военная сила рассматривалась как важнейший компонент и фактор мощи государства и сохранения у власти правящей элиты. В результате применения военной силы государства либо приобретали нечто, с их точки зрения, важное, либо лишали другие страны возможности ущемить собственные интересы, как правило, связывав-

шиеся с установлением контроля над теми или иными территориями или транспортными путями. Теория стратегии как составной части военной науки сформировалась в результате обобщения накопленного военно-исторического опыта, систематизации и развития знаний о войне. Сейчас она приобретает решающее значение не только в плане правильного понимания все более сложных военных явлений, но и реализации постоянно расширяющихся возможностей военного искусства, в свете предъявляемых к нему чрезвычайно высоких требований. Содержание и характер военной стратегии, равно как ее место и роль в военном искусстве, не являются постоянными. Они возникали, видоизменялись и развивались в каждой стране в зависимости от социально-политического строя, политики, состояния экономики, географических условий, национальных традиций народа и других факторов.

В настоящее время в военной политике современных государств появляются новые модели геостратегического поведения. Попробуем проанализировать некоторые из них. Во времена «холодной войны» в качестве противника чаще рассматривался коммунизм или коммунизм в конкретных странах, нежели собственно коммунистические государства. Специфика подобных представлений в том, что они допускают возможность «внутреннего врага», т.е. того, что какая-то часть данного сообщества может оказаться разложенной враждебными принципами и работать в пользу враждебных сил гораздо более скрытно, чем это делали бы обычные шпионы.

На протяжении 1990-х гг. в центре внимания были локальные конфликты – каждый со своими правыми и виноватыми, – отодвигавшие вопросы более философского характера на задний план, но в начале XXI в. наблюдается, видимо, возрождение манихейского мышления. Предложенная Сэмуэлем П. Хантингтоном идея «столкновения цивилизаций» первой высказала то, что стало впоследствии свойственным ряду новых моделей [1]. Если коммунизм исповедовали люди, внешне похожие на западного человека и обладавшие сравнимой материальной культурой, то новые «другие» определяются на основании более фундаментальных различий – этнических, конфессиональных и общего жизненного уклада. «Врагом» оказываются не конкретные страна или союз, но ислам, иммиграция, международный терроризм или, если смотреть с другой стороны, – «неверная» материалистическая тирания Запада. Приход на смену биполярных времен «холодной войны» нового дуализма, когда «другой» определяется на базе этнических, конфессиональных или культурных различий, создает для политиков гораздо больше проблем, нежели решает. В период «холодной войны» можно было сочувствовать людям, живущим в условиях навя-

занной им коммунистической системы. При новом подходе проблемой оказываются сами люди, даже если они живут во внешне дружественном государстве (таком, как монархии арабского мира), а особенно, когда они находятся в западных обществах. Подобная «угроза» неустранима никакими из известных военных средств, а применение других возможных форм принуждения – культурного подчинения, подавления, нео-империалистической оккупации и самоизоляции – в значительной мере сдерживается экономической взаимозависимостью Запада и мусульманского мира.

Те, кто решил противостоять новым, определяемым по функциональным критериям, противникам, на практике обратились к методам, созданным когда-то для борьбы с противниками прежними, геостратегическими – иного и быть не могло. Объявление США в 2001 г., после жестоких атак «Аль-Каиды», глобальной войны терроризму – классический пример такого рода. Согласно «Стратегии национальной безопасности США 2002 г, угроза со стороны таких режимов миру во всем мире и собственным интересам США может оправдать превентивное использование против них силы, даже без получения на это легитимного мандата от международного сообщества.

Проблемы, вытекающие из действий США против новых «образов врагов», хорошо задокументированы и подробно рассмотрены. Однако стоит только сопоставить представление о террористах и распространителях ОМУ как противниках в новом глобальном контексте с реальными событиями последних лет, как становится ясно, что ни США, ни какое-либо иное государство не смогли последовательно руководствоваться этими критериями. Такие фактически обладающие ОМУ страны, как Индия, Израиль и Пакистан (из которых, по крайней мере, одна замешана в террористических актах против своих противников), продолжали оставаться партнерами США и даже получали от них новые милости. Нынешняя администрация США согласилась на тесное сотрудничество с Индией в мирном использовании атомной энергии, склоняется на сторону Израиля в деле мирного урегулирования с палестинцами и укрепляет антитеррористическое сотрудничество с Пакистаном.

Свои самые масштабные военные усилия США предприняли против режима – иракского, – с которого ретроспективно сняты обвинения в пособничестве терроризму и (позднее) в создании ОМУ. Военная помощь США действительно во все больших масштабах направлялась правительствам, ведущим борьбу с терроризмом, однако в ней было отказано некоторым наиболее стойким союзникам по антитеррористической коалиции, поскольку они отказались сотрудничать с США по не связанному с этой борьбой вопросу о Международном уголовном

суде [2, p. 197–198]. Использование силовых методов также было непоследовательным, при этом одна серьезная антитеррористическая операция (в Афганистане) и одна, предположительно связанная с ОМУ (в Ираке), составили резкий контраст с двумя случаями распространения, которые пока пытаются решать невоенными средствами (Иран и Северная Корея) и одним случаем, когда проблема была решена мирной сделкой (Ливия) [3, p. 629–648].

Установленный Соединенными Штатами перечень «новых угроз» – отражающий, возможно, наиболее последовательную со времен «холодной войны» попытку определить с функциональной точки зрения нового глобального противника – по прошествии всего нескольких лет представляется уже неадекватным как интеллектуально, так и практически. Государства необходимо оценивать на основании всех аспектов их поведения в вопросах безопасности и с учетом таких факторов, как их идентичность, представления и зримые цели.

В инаугурационной речи по случаю второго вступления в должность в январе 2005 г. президент США Джордж У. Буш сделал шаг в этом направлении, назвав большее число принципов, на основании которых США будут впредь оценивать другие страны [4].

Наиболее поразительным стал сделанный им упор (с тех пор повторяемый другими американскими представителями) на демократию как благо, в том числе для дела безопасности, и на то, что ее отсутствие – достаточное основание для принятия мер по исправлению такого положения.

Но, как отмечают те, кто анализируют новую американскую политику, превращение демократии в оселок политики в сфере собственно безопасности чревато появлением трудностей двоякого рода [5–7]. Во-первых, демократия недостаточно тесно коррелирует с отсутствием или разрешением других важных стратегических проблем. Демократии способны заражаться терроризмом и становиться мишенью для него; они как поспособствовали распространению ОМУ, так и сами занимались его распространением; они редко начинают войны против своих соседей с использованием обычных вооружений, но могут вовлекаться в различные внешние и внутренние конфликты, включая гражданские войны. Известно, что демократия не может быть успешно установлена без утверждения в стране права собственности; но если местным силам предоставляется свобода действий, результаты этого могут оказаться Западу не по вкусу. Иными словами, хотя распространение демократии в долгосрочной перспективе отвечает надеждам на возможность установления более упорядоченных и мирных международных отношений, в краткосрочном плане требования демократии, с одной сторо-

ны, и порядка, стабильности и избежания конфликтов – с другой, вовсе не обязательно согласуются друг с другом. Второй уровень проблем связан с тем, что если демократия принимается всерьез, то такие ее принципы, как плюрализм, требования справедливости и равенства всех перед законом должны превалировать в межгосударственных отношениях (а также в транснациональных контактах между частными лицами) в не меньшей мере, чем внутри национально-страновых систем. Данное соображение не является препятствием для использования в международных отношениях силы как таковой, поскольку понятие «справедливая война» можно с философской точки зрения связать с правом и необходимостью наказывать правонарушения в обществах. Не означает оно и подчинения демократии как цели интересам поддержания порядка и избежания рисков: поворот к большей демократии несет в себе неизбежные риски, как и любые другие перемены, но от этого не становится менее легитимным. Однако отсюда следует, что если какая-то одна страна присваивает себе право определять, что такое демократия, и соответственно вознаграждать и наказывать другие страны, то возникает некоторое противоречие понятий. Если мощное государство, содействуя распространению демократии, заявляет о своем праве действовать, не считаясь с правилами и нормами, демократически выработанными международным сообществом, то могут оказаться дискредитированы как дело демократии в целом, так и его обоснование, которое начинает восприниматься лишь как новое словесное прикрытие прежней порочной стратегическо-силовой игры.

Рассмотренные выше подходы, будь то основанные на геостратегических критериях или же на функциональном сочетании политического поведения и идентичности, оказываются несостоятельны при первых же попытках оценить всю сложность современной глобальной безопасности. Никому еще не удалось убедительно описать все варианты эволюции региональной безопасности (будь то конкурентной или основанной на сотрудничестве), влияющие на важные тенденции в сферах военных расходов, предотвращения и разрешения конфликтов, появления причин для множества новых конфликтов, а тем более «прописать» рецепты политики для всех подобных случаев. Ни одна из этих моделей не является совсем уж бесполезной, но успешное моделирование реальности требует сочетания их всех – и гораздо большего. Независимо от того, называть ли мир после завершения «холодной войны» многополярным или как-то иначе, он бесспорно многомерен.

Литература

1. Huntington, S.P., The Clash of Civilisations and the Remaking of the World Order. N.Y., 1996.

2. Wiharta S. Post-Conflict Justice: Developments in International Courts // SIPRI Yearbook 2004: Armarments, Disarmament and International Security. Oxford, 2004.

3. Hart J., Kile S.N. Libya's Renunciation of Nuclear, Biological and Chemical Weapons and Ballistic Missiles // SIPRI Yearbook 2005.

4. The White House, 'President Sworn-in to Second Term. Press release. Washington, DC, 20 Jan. 2005. URL: http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/01/.

5. Hobson C. A Forward Strategy of Freedom in the Middle East: US Democracy Promotion and the «War on Terror» // Australian Journal of International Affairs. 2005. Vol. 59, №1. P. 39–53.

6. Monten J. The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism and Democracy Promotion in U. S. Strategy // International Security. 2005. Vol. 29, №4. P. 112–156.

7. Eizenstat S., Porter J.E., Weinstein J. Rebuilding Weak States // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84, №1. P. 134–146.

А.И. Шаповалова

Структурная роль конфликтов в европейской системе международных отношений

Структуру системы международных отношений образуют не только соотношения силовых потенциалов ведущих центров силы, а в первую очередь устойчивые реляционные (relational) комплексы взаимодействий между акторами, в рамках которых формируются и определяются их позиции, статусы, роли и идентичности. Такими реляционными комплексами могут выступать военно-политические союзы, международные институты, интеграционные объединения и, разумеется, конфликты.

Как элемент системной конфигурации конфликт обладает свойствами, обуславливающими его сравнительную устойчивость и вследствие этого существенное структурное значение.

Во-первых, конфликт предполагает наличие фиксированных несовместимых позиций, неизменность которых означает автоматическую его консервацию. Исходя из этого, можно сказать, что конфликт «авторепродуктивен» – он существует сам по себе, его поддержание не требует дополнительных действий со стороны участников в отличие от комплексов сотрудничества, воспроизводство которых возможно толь-

ко в результате целенаправленных действий акторов. Благодаря этому конфликт довольно быстро фиксируется в международной системе как объективная данность, которая при прочих равных условиях остается инвариантной даже во флуктуативном контексте.

Во-вторых, конфликт наделен значительной степенью автономности от внешнего контекста и, более того, может генерировать собственные импульсы, формирующие внешний контекст. Его автономность объясняется опять-таки ограниченным набором предпосылок, необходимых для его возникновения и поддержания, а также его первичной нематериальной природой. Конфликт как реляционное взаимоотношение взаимоисключающего характера складывается на субъективном идейном уровне прежде, чем конкретизируется в заданном пространственно-временном материальном контексте (если вообще конкретизируется). При этом нельзя сказать, что конфликт совершенно не зависит от контекста, но эта зависимость касается скорее динамики его протекания и конкретных его проявлений, нежели существования конфликта как такового.

В-третьих, при неизменных позициях участников, главной переменной, определяющей динамику протекания конфликта, являются их силовые возможности, которые тоже, в свою очередь не часто претерпевают радикальные изменения.

И, в-четвертых, конфликт представляет собой взаимодействие с высоким уровнем заинтересованности, «ставками» в котором зачастую выступают статусные характеристики участников, элементы их идентичности или рычаги влияния в международной системе. В подобных обстоятельствах стороны не склонны инициировать процессы или прибегать к действиям, последствия которых заранее не известны, предпочитая скорее удерживать сложившийся статус-кво в том случае, если достичь положительных для себя результатов не удается. Поддержание статус-кво, таким образом, становится своеобразным императивом для акторов, а сам сложившийся баланс приобретает признаки устойчивости, а иногда и структурную значимость на том или ином уровне международной системы.

Именно поэтому конфликтность долгое время считалась (и считается до сих пор) имманентным качеством международной системы. Когерентность конфликтных комплексов и порождаемых ими взаимосвязей приводила к почти автоматическому их закреплению в качестве структурных основ систем международных отношений, а низкая подверженность ситуативным флуктуациям позволяла им сохранять это качество длительное время вплоть до переломных сдвигов, в корне изменяющих либо взаимоотношения между акторами, либо статус акторов, либо целостность акторов как таковых. С этой точки зрения,

конфликты в случае «укоренения» и консервации выступают элементами структуры, обеспечивающими ее динамическую стабильность.

Преодоление имманентной конфликтности или ограничение ее структурного эффекта возможно только в случае формирования более устойчивых и структурно значимых моделей взаимодействия, основанных на кооперативных связях, – комплексов сотрудничества, международных институтов или интеграционных объединений. Еще одним способом сдерживания конфликтности выступает нормативное регулирование как установление унифицированных и легитимных правил поведения акторов в системе, препятствующих эскалации конфликтов до неприемлемых масштабов. Но, в отличие от кооперативных форм, нормативное регулирование не приводит к устранению конфликтности как таковой, а лишь переводит ее в другие плоскости и ограничивает ее проявления.

Система международных отношений на европейском континенте за последние четыре столетия развивалась по пути возрастания масштаба и структурного уровня конфликтов при одновременном сокращении их количества. Проще говоря, с течением времени конфликтов становилось меньше, но их размах и значение неуклонно возрастали. При этом вплоть до конца Второй мировой войны в Европе всегда наблюдалась «поликонфликтность» – множественность существующих конфликтных линий, ни одна из которых, тем не менее, не имела всеохватывающего системного характера. Безусловно, конфликты во многом влияли на структуру европейской системы, даже становились ее элементами, но ни один из них не достиг такого масштаба, чтобы автоматически задавать и определять ее структуру.

И в этом смысле биполярная конфронтация времен «холодной войны» представляла собой во многом исключительный, уникальный тип системной организации, построенной вокруг одного доминантного системного конфликта, нежели логическое продолжение предшествующих тенденций и принципов функционирования европейской системы. Почему и под действием каких факторов эта трансформация стала возможной – отдельный вопрос, выходящий за пределы данной статьи. Сторонники реализма связывают ее с переходом от многополярной к биполярной структуре распределения силового потенциала, однако, вряд ли это можно считать исчерпывающим объяснением. Даже если допустить, что материальное превосходство двух центров силы одномоментно стало настолько подавляющим, что нивелировало любые другие претензии на лидерство в системе, это еще не означало автоматической ликвидации всех остальных конфликтных линий и готовности прочих игроков подчинить свои партикулярные интересы и свою политику примату идеологического противостояния. Биполяр-

ность сама по себе не могла породить «моноконфликтность», скорее более справедливым выглядит обратное утверждение о том, что возведение идеологического противостояния в ранг структурной основы европейской системы привело к утверждению сверхдержав в качестве полюсов системной структуры.

Как бы там ни было, период «холодной войны» для системы отношений в Европе стал поворотным в двух аспектах – во-первых, уже упомянутом оформлении «моноконфликтной» организации, а во-вторых,
в становлении в западной части континента первых устойчивых реляционных комплексов взаимодействия на кооперативной основе. Предпосылками для этого выступали как довлеющая интенсивность системного конфликта, требующая усиления консолидации в рамках противостоящих друг другу блоков, так и значительное расширение пределов нормативного регулирования, причем как в общесистемном масштабе, так и в масштабе западного блока, что дало серьезный толчок сначала к утверждению институциональных форм сотрудничества, а потом и к разворачиванию интеграционных процессов.

Это привело к двум структурным сдвигам в конфигурации взаимосвязей в рамках западного блока. Первый заключался в конструировании новых «внутренних» источников консолидации западных государств в дополнение к «внешнему» ее источнику в виде общей внешней угрозы. Второй и самый главный сдвиг связан с качественным изменением принципов структурной организации отношений в этой части континента: кооперативность и консолидация возымели большее структурное значение, нежели конкуренция и конфликтность. Нельзя сказать, что эти традиционные принципы межгосударственных отношений были окончательно отброшены, но по своему структурному эффекту они стали существенно уступать устойчивым институциональным и интеграционным формам взаимодействия. Последние, в свою очередь, не только приобрели качества политической основы отношений западноевропейских государств в условиях биполярной конфронтации, но и взяли на себя роль главных генераторов структурирующих импульсов в Европе после того, как эта конфронтация себя исчерпала.

В постбиполярный период политическая целостность европейской системы так и не была восстановлена, из-за чего она до сих представляет собой весьма аморфный симбиоз кооперативных, конкурентных и конфликтных тенденций. Устранение системного конфликта как организационного фундамента системы отношений на континенте не привело к становлению равноценной кооперативной или конфликтной

структуры, охватывающей весь спектр взаимодействий в пределах системы. Структурирующие импульсы, исходящие от западных институтов, оказались недостаточными для формирования новой целостной основы континентальной системы, и, по большому счету, они и не были на это направлены. Тогда как процессы, происходящие на руинах восточного блока, развивались под действием мощных тенденций к дезинтеграции и фрагментации и не могли способствовать политической консолидации Европы.

В отсутствие подобной основы структурные параметры восточной части континента, особенно постсоветского пространства, вполне закономерно кристаллизировались вокруг множественных конфликтных линий разного уровня, которые довольно быстро оформились в отношениях между новыми независимыми государствами, а также внутри этих молодых политических образований. И хотя эти конфликты являются существенными источниками угроз и вызовов безопасности для всех их участников, они продолжают оставаться наиболее устойчивыми реляционными комплексами восточной части континента по классическим причинам, описанным в начале статьи, но главным образом потому, что они выступают чуть ли не единственными рычагами влияния в распоряжении их участников, которые обеспечивают их статусные характеристики.

Конфликтность восточноевропейского пространства стала не только препятствием для его консолидации, но и повлекла за собой тенденции к возобновлению проявлений конфронтации по линии Россия-Запад. Эта конфронтация не может перерасти в новый системный конфликт, прежде всего потому, что она не обладает для этого достаточной устойчивостью и не носит всеобъемлющего характера. Но, не будучи компенсирована более устойчивой кооперативной платформой и подпитываясь перманентной напряженностью конфликтов в восточной части континента, она может постепенно приобрести хроническую динамику и стать одним из структурных элементов европейской системы.

Таким образом, на сегодняшний день конфликты не играют ведущей роли в кристаллизации новой структуры европейской системы международных отношений, но создают значительную напряженность, препятствующую закреплению кооперативных форм взаимодействия в качестве ее организационной основы.

М.А. Широкова
Этика политического конфликта: проблема соотношения морали и политики

На протяжении достаточно длительного периода (с начала Нового времени) господствующей нормой европейского политического мышления (и тем более – политической практики) была макиавеллистская идея о том, что политика и мораль несовместимы. Таким образом, к социально-политическим конфликтам неприменимы моральные критерии. Однако начиная с 60–70-х гг. XX в. стало ясно, что эта идея в значительной мере исчерпала свой потенциал и моральное «оправдание». Как утверждает А.В. Оболонский, автор книги «Мораль и право в политике и управлении», «после того, как политика стала публичной, народ постепенно осознал свое право и обязанность непосредственно участвовать в ней, и политика постепенно возвращается к своей изначальной сути – в ее платоновском и аристотелевском понимании» [1, с. 14]. Во всяком случае, в политической теории и в политическом образовании явно наметился такой поворот. О политической практике в этом отношении говорить сложнее.

Аристотель «видел в политике продолжение этики, своего рода развернутую этику, этику in concreto, и в то же время рассматривал саму этику как высшую политическую науку» [2, с. 106]. По мнению А.А. Гусейнова, современные трактовки политики, господствующие в общественном сознании и прописанные в учебниках политологии, которые вертятся вокруг понятий власти, борьбы интересов, насилия, хотя и имеют, разумеется, отношение к политике, но не охватывают ее сути в аристотелевском понимании. Они блокируют выход к ее нравственным основаниям, говоря точнее – с самого начала помещают ее в донравственное, безнравственное пространство. Эти этически урезанные концепции политики нельзя путать с тем, что понимает под политикой Аристотель, выявляющий ее изначальный смысл и предназначение. Политика как наука есть «исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям» [2, с. 110].

На наш взгляд, стоит согласиться с мыслью А.В. Оболонского, что именно наличие или отсутствие в политике нравственной компоненты маркирует границу между политикой в подлинном смысле и политиканством, политическим интриганством. Если же принять тезис, что политика и мораль несовместимы, то возникает вопрос: а чем она тогда, собственно, отличается от преступного беспредела? [1, с. 51].

Необходимо отметить, что во все исторические эпохи, предшествовавшие Новому времени, в политической теории господствовал как раз

не макиавеллистский, а философско-этический подход к политике и к ее соотношению с моралью, берущий начало от Платона и Аристотеля. Так, Аврелий Августин писал в своем знаменитом труде «О граде Божием»: «При отсутствии справедливости что такое государства, как не большие разбойничьи шайки, так как сами разбойничьи шайки что такое, как не государства в миниатюре» [3, с. 185]. А с XV в., с начала эпохи гуманизма, «моральная философия» (латинский перевод греческого слова «этика») стала не только фактором общественной рефлексии, но и элементом системы образования в рамках гуманитарных наук.

Очевидно, что, когда в 60–70-е гг. XX в. обозначился кризис доверия к государственным институтам в странах Запада, и в связи с этим – ренессанс этики, то политический класс был вынужден отреагировать на это изменение. Стали активно разрабатываться и приниматься этические кодексы для государственных служащих, а этические начала государственной жизни становятся объектом достаточно жесткого контроля и регламентации, в том числе и на законодательном уровне. Правда, будучи закрепленными формально, этические нормы во многом теряют свою специфику, но повышенное внимание к ним свидетельствует о признании политическим классом той истины, что жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение – соответствует нормам общественной морали.

«Этизация политики», впрочем, вовсе не способна автоматически сделать политику и политиков «хорошими». Однако пренебрежение моральными факторами гораздо опаснее, так как ведет к оправданию любой аморальности в политике. Это касается и политических конфликтов. Согласно одному из наиболее авторитетных немецких теоретиков политической этики Б. Сутору, этика не делает политику бесконфликтной, но, по крайней мере, привносит в нее культуру [4].

Литература

1. Оболонский А.В. Мораль и право в политике и управлении. М., 2006.

2. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости. Вып. 24 : Политическая этика: социокультурный контекст. Тюмень, 2004.

3. Графский В.Г. История политических и правовых учений. М., 2005.

4. Сутор Б. Политическая этика // Полис. 1993. №1.

Секция 2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

В.С. Бойко

Третья англо-афганская война 1919 г. и отношения Великобритании и Афганистана в последующий период

Англо-афганская война 1919 г. – один из самых значимых и в то же время противоречивых межгосударственных конфликтов новейшего времени на Востоке. Хотя афганская официальная пропаганда и историография, а вслед за ней и многие зарубежные авторы изображают ее как акт агрессии крупнейшей колониальной державы против Афганистана, вознамерившегося восстановить государственно-политическую независимость, реальный ход событий свидетельствует о другом – именно афганская сторона выступила зачинщиком войны и, несмотря на серьезные неудачи своей армии, в конечном счете одержала блестящую политико-дипломатическую победу.

Англо-афганский конфликт, третий в истории отношений двух стран, после двух масштабных столкновений XIX в., получил детальное освещение прежде всего в британской историографии, где он именуется «полууспешной войной» [1, с. 118–120]. Афганская же историческая традиция, не отягощенная аргументами, изображает его как прорыв к независимости и триумф молодого эмира Аманулла-хана. Примерно такая же схема существует и в российской научной литературе по данной проблематике.

Выступление афганской армии и ряда пуштунских племен против англо-индийских сил весной 1919 г. было в определенной степени спровоцировано событиями в Панджабе. Расстрел участников праздничных собраний в столице Панджаба Амритсаре вызвал подъем национально-освободительного движения в Британской Индии. Афганское руководство располагало достоверными сведениями о ситуации по другую сторону границы и хотело воспользоваться панджабским кризисом: поднять восстание в Панджабе и одновременно начать наступление на британские позиции в районе приграничных Хайбарского перевала, Вазиристана и т.д. Губернатор Панджаба О'Двайер рассчитывал решить вопрос на основе российского опыта умиротворения Кавказа в XIX в. – за счет строительства военных дорог и укрепленных гарнизонов на границе с Афганистаном [2, с. 133–134].

Российский фактор проявился в событиях третьей англо-афганской войны и прямым образом. Как следует из воспоминаний К.И. Сливицкого и К.К. Сливицкого (первый – бывший комендант Кушкинской крепости, специальный представитель Советской России в Афганистане), сохранившихся лишь в эпистолярной форме, Аманулла получал информацию о всех событиях, благодаря радиоперехватам. Именно получение этой информации при помощи российского военного специалиста привело его к смелому решению о провозглашении независимости. Англичане не знали о перехватах и давали всю информацию в эфир открытым текстом, что помогло противнику найти слабые места в их обороне [3, Ф. Р-2558. Оп. 1. Д. 26. Л. 5об].

Сам факт объявления войны англичанам в форме джихада, а также стремление объединить пуштунские земли по обе стороны линии Дюранда (условной границы между Британской Индией и Афганистаном) на первых порах обеспечил Аманулла-хану широкую поддержку соотечественников, в том числе духовенства. Третья англо-афганская война имела и другие, долговременные последствия, которые ощущались до последних дней британского правления в Индии – она сопровождалась дорогостоящей оккупацией приграничного Вазиристана и усиливала протестный потенциал в Британской Индии.

Подписание 8 августа 1919 г. прелиминарного, а в ноябре 1921 г. и полноформатного мирного договора юридически закрепило новый международный статус Афганистана как независимого государства. Но путь афганской дипломатии к этому крупному успеху был непростым – сначала в мае 1920 г. в Майсури (Британская Индия) состоялись англо-афганские переговоры по выработке условий мирного соглашения. Афганское руководство было даже готово аннулировать заключенный и уже ратифицированный сторонами российско-афганский договор 1921 г. в обмен на новый, «эксклюзивный» – с Великобританией, который предусматривал бы получение массированных субсидий и иной помощи различного, в том числе военного назначения [4, CAB/24/128, Afghanistan, 29-30th September 1921]. Коварство Аманулла-хана, только что получившего от России половину обещанной денежной субсидии в 500 тыс. руб., смутило даже англичан – стремясь максимально ослабить российское влияние, они все же рассчитывали лишь на заключение джентльменского соглашения с Афганистаном и другие компромиссные варианты решения афганского вопроса в региональном масштабе.

Одним из последствия англо-афганского конфликта 1919 г. стало усиление антибританских настроений и в целом фобии к иностранцам в афганском обществе. Но представители элиты демонстрировали гиб-

кость – так, в разгар кризиса конца 1920-х гг. Аманулла и его окружение начали настоящее дипломатическое наступление на британском направлении. Его целью было получение финансовой и военной помощи и заключение нового англо-афганского договора. Но если Кабул в стесненных социально-политических условиях рассчитывал на заключение принципиально нового пакта *о дружбе*, то англичане, разочарованные реформаторскими экспериментами Амануллы и зигзагами его внешней политики, были настроены лишь на соглашение *добрососедского* характера [4, CAB/24/199, Afghanistan, October 31, 1928].

В целом же влияние британского фактора и степень его конфликтности в отношениях Великобритании и Афганистана были противоречивыми – хотя общим местом многих работ по этой проблематике стало утверждение о происках и даже ответственности Великобритании за провал реформ и последующие внутриафганские конфликты, включая гражданскую войну 1929 г., документы свидетельствуют о сбалансированности британской политики на афганском направлении на протяжении многих десятилетий. Афганистан и Великобритания не отказывались от сотрудничества на оперативном и долговременном уровне – на протяжении многих лет в числе традиционно обсуждаемых тем была тема договора о дружбе, военной и экономической помощи. Однако линией раздела оставался вопрос о границе и статусе пуштунских племен в индо-афганском приграничье – англичане держали здесь значительные силы, много экспериментировали с политико-административным устройством зоны племен и вели интенсивную разведку в самом Афганистане.

В историографии англо-афганских отношений немало утверждений и о вмешательстве Великобритании в афганские дела последующего периода. Так, победитель в гражданской войне 1929 – начала 1930-х гг. Надир-хан и его клан, удерживавший власть до 1973 г., изображаются как политические протеже англичан. Действительно, они получила британскую поддержку, вступая в борьбу за восстановление афганской государственности зимой 1929 г., но, будучи пуштунскими националистами, не могли придерживаться однобокой и откровенной ориентации на Великобританию Политики и дипломаты по другую сторону афгано-индийской (в то время и британской) границы, вопреки еще одному расхожему мнению, не торопились воспользоваться ослаблением центральной власти в Афганистане и присоединить его юг и восток, с почти неизбежным в этом случае поглощением севера Советским Союзом. Для Великобритании было предпочтительно сохранение Афганистана как буфера с новой Россией, так как сближение границ этих традиционных соперников потребовало бы удвоения армии в Британской Индии [5, p. 7].

События конца 1930-х гг. и, в частности, подписание советско-германского пакта, заставили британскую дипломатию вернуться к идее нового англо-афганского договора, с изменением «буферного» статуса Афганистана. Рассматривалась возможность направления военной миссии и технических советников в Кабул, подготовки офицеров, а также финансовой помощи. Новый договор мыслился как открытое соглашение, тогда как афганская сторона высказывалась в пользу секретного или хотя бы джентльменского документа.

Советско-германский пакт 1939 г. напугал афганских лидеров до такой степени, что они подумывали о размещении в Кабуле и Герате британских военных гарнизонов [6, p. 69]. Англичане с энтузиазмом подхватили эти настроения – под предлогом советской угрозы они направили в Афганистан в декабре 1939 г. специальную военную миссию Молесворта-Ланкастера. Плачевное положение афганской армии не смутило британских экспертов и политиков, включая главу военного кабинета Черчилля – эксплуатируя миф о советской угрозе, они предлагали афганскому правительству военную и техническую помощь.

По мере ослабления германской военной мощи активизировались англо-афганские связи, но в условиях продолжающейся войны первостепенное значение имело военно-политическое сотрудничество. Его выразителем стал А.С. Ланкастер, военный атташе британского посольства в Кабуле – он задался целью усилить афганскую военную мощь и включить Афганистан в проекты обороны Южной Азии. В конце 1944 г. Ланкастер организовал поездку афганской военной миссии в Индию, результатом которой стало подписание соглашения о поставках военного снаряжения и подготовке кадров для афганской армии – «плана Ланкастера». По этому плану Афганистан получал снаряжения и услуг на сумму в 30 и 15 млн рупий соответственно, на условиях льготного кредита. В афганскую армию направлялись британские инструкторы, а представители Афганистана должны были пройти годичную подготовку в англо-индийских вооруженных силах [6, p. 74–75]. Соглашение представляло собой масштабную программу привязки Афганистана к британской военной машине, – впервые за всю историю англо-афганских отношений возникли перспективы сотрудничества двух стран не только в военной, но и других областях, однако Британской империи оставалось недолго жить, и это партнерство оказалось недолговечным – начиналась эпоха новых региональных конфликтов и геополитических схваток завершающих десятилетий XX в.

Литература

1. Sheppard E.W. Military History for the Staff College Entrance Examination. Aldershot, GalePolden, L. and Portsmouth, 1932.

2. O'Dwyer M. India as I Knew It 1885–1925. Third edition. L., 1926.
3. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз).
4. The National Archives of the United Kingdom (NA).
5. The Present Position in Afghanistan as Affecting the Interests of the British Empire. Address by Lt.-Col. Sir Francis Humphrys. L., 1929.
6. Roberts J. The Origins of Conflict in Afghanistan. Westport, 2003.

А.В. Бредихин

«Замороженный» этнополитический конфликт в Закарпатском регионе Украины: некоторые аспекты

С распадом СССР и ОВД в странах Центральной и Восточной Европы стала наблюдаться тенденция трансформации прежних государственных образований. Все это повлекло к стремлению ряда «нетитульных» наций обрести свою политическую идентичность и сформировать свои политические объединения, закрепив их в рамках международного права, опираясь на «право нации на самоопределение». Данное стремление ведет к образованию этнополитических конфликтов, предпосылками к которым становятся желания этнических элит обрести свое государство или получить автономию региона. К числу подобных элит относится и элита русинского политического движения.

Русины, являясь автохтонным населением Закарпатского региона Украины, начали выражать свое желание образовать автономию в сентябре 1990 г., когда «Общество подкарпатских русинов» приняло «Декларацию о возврате прав самобытного народа русинам и восстановления русинской автономии». Дальнейший кризис советского правительства способствовал проведению референдумов в союзных республиках по вопросу выхода из состава СССР. На нем русины не только поддержали независимость Украинской республики (референдум 1 декабря 1991 г., до этого все массово голосовали за сохранение СССР), но и получение Закарпатьем статуса «самоуправляемой территории». Правительство Кучмы постаралось не принять во внимание именно этот второй пункт референдума, а дальнейшие решения Закарпатского облсовета никак не рассматривались в Киеве.

При президентстве Кравчука, Кучмы и Ющенко была принята политика замалчивания «русинского вопроса». Тогда же был принят «План мероприятий по решению проблемы украинцев-русинов», разработанный на основании поручений Кабинета Министров Украины №1626/31 от 05.09.96 г. и 176/34 от 25.09.96 г. На основании данного плана украинское правительство ставило задачи: «1. Четко очертить

и задекларировать, основываясь на положениях Конституции Украины, в частности ее статьи 2, позицию Украинского государства в отношении бесперспективности идей отделения или автономизации Закарпатья на любой основе – культурной, этнической, административно-территориальной и т.д. Возложить на посольства Украины в Словакии, Чехии, Венгрии, Польши организацию серий публикаций в СМИ стран пребывания в отношении позиции Украины в вопросе русинства. Обеспечить посольства Украины в указанных странах необходимыми для организации публикаций материалами. 2. Выработать систему мероприятий, основанных на укреплении позиции украинскости Закарпатья (язык, культура, кадровая политика)… Создать учебники и произведенная, интерпретирующие историю украинцев-русинов Закарпатья – как неотъемлемой части истории украинского этноса ... Расширить подачу в СМИ материалов по Закарпатью, акцентирующих внимание на том, что этот регион является исконно украинской территорией, а местные украинцы – неотъемлемая часть украинской нации… 3. Предотвратить проведение локальных референдумов с целью выявления «самоидентификации» украинцев Закарпатья (русины или украинцы)» [1, с. 196].

Таким образом, официальный Киев выстраивал свою внутреннюю политику в плане укрепления формирующейся украинской нации и недопущения возможности становления своей национальной идентичности у субэтносов, близких украинскому. Проводилась и профилактика возможных ситуаций возникновения сепаратистских движений, в связи с чем вводился пункт о том, что следует «провести предупредительно-разъяснительную работу с лидерами и активистами движения «политического русинства», направленную на недопущение усиления влияния политических структур сепаратисткой направленности. Довести до членов незарегистрированного областного «Общества подкарпатских русинов» и созданного им «временного правительства» о нормах ответственности административного и уголовного законодательства Республики Украина (ст. 187-8 УК)».

Непризнание официальным Киевом русинов в качестве народа способствовало и введению понятия русинов как этногруппы украинского народа. Согласно данным современной украинистики, русины определяются следующим образом: это «самоназвание украинцев западных регионов Украины – Галиции, Буковины, Закарпатья, представителей коренных этнических групп на территории Словакии, Румынии, Венгрии, а также переселенцев из Западной Украины в государства бывшей Югославии, в западной украинской диаспоре. Бытует также самоназвание „русини-українці“. При всей исторической, культурной,

языковой общности с украинским населением других регионов Украины они имеют региональные этнокультурные, диалектно-языковые особенности» [2, с. 208].

Естественными лоббистами русинского движения в Киеве можно считать многих представителей Закарпатья. В ноябре 1998 г. в Верховной Раде Украины выступал народный депутат от Закарпатья Иван Мигович, член фракции коммунистов. Он выступил с обращением ко всем народам Украины – русским, румынам, венграм, полякам, крымским татарам и др. – на защиту «співвітчизників-русинів» И решительно выступил против того, чтобы политических русинов называли сепаратистами. Политическую оценку этого «слова за русинів» дал народный депутат, ныне покойный Вячеслав Черновил. Вот его слова: «Перед опасностью этнокультурной ассимиляции, территориально-экономической экспансии и агрессивного менталитета галичан, русины начали заявлять про свои гражданские права» [3].

Позиция Сергея Ратушняка и Виктора Балоги хоть на настоящий момент и носит некий антирусинский оттенок, но лидеры русинского движения подчеркивают их принадлежность к русинству в целом. Настоятель Крестовоздвиженского собора города Ужгорода (УПЦ МП) протоиерей Дмитрий Сидор, говоря об антирусинском характере выступлений Ратушняка и Балоги, отмечает: «Мы, русины, своих уважаем, даже если они что-то и недопонимают в правовых вопросах русинской политической нации или сами не ладят между собой. Это легко восстановить» [4].

Сам же Виктор Балога, договариваясь с Виктором Януковичем о сотрудничестве и подчеркивая готовность ЕЦ поддержать Президента и Кабинет министров в проведении реформ, не забывает о своих интересах [5]. Одним из пунктов дальнейших соглашений может стать обеспечение интересов Балоги в Закарпатском регионе и его возможность влияния на русинское движение.

Несмотря на частичную кооптацию закарпатской элиты в государственную систему Украины Официальный Киев так и не занялся более детальным рассмотрением статуса русинов. Самими русинами был проведен ряд мероприятий по установлению и закреплению их в качестве народа, а также выпущены заявления об объявлении независимости Подкарпатской Руси.

Начало нового «парада суверенитетов» способствовало и тому, что русины напомнили Киеву о своем желании обрести независимость. 22 февраля 2008 г. о. Дмитрий Сидор выступил на пресс-конференции в Москве в ИА REGNUM с заявлением: «Конституция Украины не соблюдается в отношении русинов, и это вынуждает нас добиваться самоопределения за пределами украинского государства. 15 декабря

2007 г. мы приняли уже третью декларацию о самоопределении. Мы просим признать нас самоуправляемой территорией под контролем России и ЕС, являющихся правопреемниками СССР и Чехословакии. Косовский прецедент не является для нас прецедентом, так как Косово незаконно отделилось от Сербии – в нарушение международного права и при поддержке США. Мы же живем на своей исторической земле и, в отличие от Косово, имеем право на самоопределение» [6].

Позиция лидеров русинского движения не ведет к расколу страны, а лишь способствует поддержанию прав ее народов на свои гражданские права. 28 октября 2008 г. в интервью корреспонденту ИА REGNUM глава Сойма (парламента) Подкарпатской Руси протоиерей Дмитрий Сидор заявил: «Мы не сепаратисты, мы согласны оставаться в составе Украины в статусе республики, который мы имели до вхождения в состав СССР и который подтвердили на референдуме 1991 года» [7]. Из этого выходит, что политическое русинство ставит задачу восстановления своих исторических прав, которыми они обладали еще до вхождения в состав СССР на основании Сен-Жерменских соглашений, а конкретнее – права на автономную республику. Автономный же статус Подкарпатская Русь имела как в составе Венгрии, так и в составе межвоенной Чехословакии.

25 апреля 2009 г. в г. Пардубице (Чехия) состоялся первый Мировой конгресс подкарпатских русинов, который принял Декларацию, содержащую в себе основные конституционные положения русинского государства. В ней есть обращение ко всем русинам мира и главам государств с просьбой поддержать восстановленную 1 декабря 2008 г. государственность Республики Подкарпатская Русь – материнского государства всех русинов мира.[8]

Декларация определяла государственное устройство республики (парламентскую республику), государственные (русский и русинский) и региональные (венгерский, румынский, украинский) языки. Так же Республика Подкарпатская Русь признавала государственность Украины, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья.

Как подчеркивает политолог Владимир Букарский, «русины за все годы своего существования выстрадали право на самоопределение… Одними из первых независимость РПР могут признать участники “Сообщества за демократию и права народов” – Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье. Прямые отношения с Подкарпатской Русью может установить и Гагаузская автономия» [9].

Решение русинского вопроса может быть возможным лишь в проекции возможной федерализации страны. Предоставление прав автономии Подкарпатской Руси будет способствовать стабилизации положения в регионе, а русины получат права, на которые претендуют по-

следние 20 лет. Потому Виктором Федоровичем Януковичем и Кабмином должны быть приняты все меры по решению данного вопроса. Об этом к нему уже обращались в «Открытом письме представителей российской общественности Президенту Украины В.Ф. Януковичу» представители русинской диаспоры в России, священнослужители РПЦ, представители Ассоциации православных экспертов, эксперты-русинисты РАН и ЮФУ.

Литература

1. План мероприятий по решению проблем украинцев-русин // Русин. 2006. №3.

2. Етнічний довідник. Етнічні меншини в Україні. Київ, 1996.

3. Мишанич О. Політичне русинство: історія і сучасність Ідейні джерела закарпатського регіонального сепаратизму. URL: http://www.-ukrcenter.com.

4. Отец Димитрий Сидор: государственность русинов никто не отменял. (Часть II) // Одна Родина – Фонд стратегической культуры. URL: http://odnarodyna.ru/topics/2/339.html.

5. Балога готов сотрудничать с Януковичем// Одна Родина – Фонд стратегической культуры. URL: http://odnarodyna.ru/news.php?n_id=-4855.

6. Досталь М. Борьба закарпатских русинов за автономию. Постсоветский период) // Одна Родина – Фонд стратегической культуры. URL: http://odnarodyna.ru/ /articles/17/448.html.

7. Попов Э. Восстановление автономии русинов Закарпатья – шаг к федерализации Украины // Одна Родина – Фонд стратегической культуры. URL: http://odnarodyna.ru//topics/1/97.html.

8. Первый Мировой конгресс подкарпатских русинов признал Украину, Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье // ИА REGNUM. URL: www.regnum.ru/news/1157068.html.

9. Кто признает Подкарпатскую Русь? // Одна Родина – Фонд стратегической культуры. URL: http://odnarodyna.ru/news.php?n_id=1551.

В.А. Гайкин

Японо-китайская конфронтация в долине р. Туманган (1907–1909 гг.)

Плодородные земли долины реки Туманган на китайской стороне гораздо раньше китайцев начали заселять и осваивать корейцы (с середины XIX в.). В результате к началу XX в. китайская территория, прилегающая к пограничной с Кореей реке, оказалась заселенной корей-

скими крестьянами-иммигрантами. Этот регион получил название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживало 72076 корейцев и только 21983 китайцев [1, с. 326] (сегодня это корейский автономный округ Яньбянь, который должен стать территорией реализации «Проекта Туманган»).

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония установила протекторат над Кореей. В феврале 1906 г. правительство Японии учредило в Корее должность генерального резидента с широкими полномочиями. В том же году был разработан план экспансии в Цзяньдао. В декабре 1906 г. «по просьбе корейского правительства», видимо, инспирированной японскими властями, генеральный резидент «решил для защиты корейского населения учредить в Цзяньдао отделение корейского генерального резидентства и послать туда отряд японских жандармов» [1, с. 286].

Контроль над долиной р. Туманган был необходим Японии по трем соображениям. Во первых, Цзяньдао был стратегически важным районом. Идеологи японской экспансии называли его «черным ходом на материк» (в отличие от Ляодуна, именовавшегося парадным входом). Вторым движущим моментом экспансии были плодородные земли области и ее полезные ископаемые. И, в третьих, японцы, опасаясь превращения Цзяньдао в базу борьбы за освобождение Кореи, намеревались пресечь антияпонскую агитацию и организаторскую работу патриотов среди корейского населения этого региона.

19 августа 1907 г. экспедиция, состоявшая из чиновников Отделения и 50 жандармов, переправилась через пограничную р. Туманган на территорию Китая и прибыла в деревню Лунцзинцунь, намеченную в качестве резиденции отделения корейского генерального резидентства (далее – Отделение). Сомнительной официальной предпосылкой присутствия в Цзяньдао Отделения стал постулированный японцами тезис: «Цзяньдао – ничейная территория» [1, с. 303]. Поводом было наличие в области корейских подданных, страдавших от набегов хунхузов и произвола властей. Китайским властям было передано письмо, в котором указывалось, что Отделение будет осуществлять защиту корейцев, пока Китай и Япония не решат вопрос о территориальной принадлежности Цзяньдао. В ответной ноте китайские власти указали, что в этом районе существует китайская администрация, которая осуществляет управление Цзяньдао, а также защиту корейцев, и потребовали вывода Отделения из Цзяньдао [1, с. 304].

Ослабленная в войне с Россией Япония не могла себе позволить в то время широкую интервенцию в Цзяньдао, сопряженную с риском возникновения войны с Китаем. Китай не решался силой выдворить

немногочисленную японскую военную экспедицию, опасаясь в случае столкновения с Японией совсем потерять Цзяньдао. Создавшееся в долине р. Туманган положение можно характеризовать как двоевластие – далеко не мирное сосуществование двух администраций, конфронтация которых в течение последующих двух лет выражалась в перманентной «холодной войне» в трех сферах: политической, экономической, идеологической.

В политическом аспекте борьба выражалась в попытках Японии установить административно-правовой контроль над территорией Цзяньдао и в активном противодействии со стороны китайских властей. Составным элементом японского плана, наряду с организацией в ключевых пунктах жандармских участков, было создание системы местных органов власти, параллельных уже существовавшим китайским. Цзяньдао был разбит на округа и районы, во главе которых ставились старосты, в каждой деревне избирался деревенский староста.

10 сентября 1908 г. была опубликована «Памятка корейца Цзяньдао», включавшая следующие пункты: 1. Корейцы, живущие в Цзяньдао, находятся под защитой отделения. 4. В случае появления в деревне неизвестного лица или мятежника необходимо сообщать об этом в жандармский участок. 5. В случае притеснения китайских властей или несообразно больших налогов корейцы просят защиты у отделения. 6. Корейцы без разрешения отделения не должны устраивать собрания, создавать организации. 8. Корейцы Цзяньдао ни при каких обстоятельствах не могут потерять корейское гражданство [1, с. 310]. В этой миниконституции, составленной японскими колонизаторами для корейцев Цзяньдао, была сделана попытка закрепить за японцами право на защиту корейцев. Особое внимание было уделено вовлечению корейцев в борьбу с участниками национально-освободительного движения и предотвращению появления антияпонских организаций.

В декабре 1908 г. на прошедшем в Лунцзинцуне совещании начальников жандармских участков Цзяньдао начальник отделения подполковник Сайто наметил основные принципы работы: 1. Цзяньдао является корейской территорией; 2. Корейцы неподсудны китайским судам; 3. Отделение не признает права китайских властей на сбор налогов с корейцев [1, с. 436]. Предложенный Сайто курс означал начало качественно нового этапа японской экспансии. Впервые Цзяньдао был прямо назван корейской территорией.

Китайские власти активно сопротивлялись утверждению в Цзяньдао японцев. В 14 важных населенных пунктах были созданы китайские административные органы. Количество китайских войск в регионе увеличилось с 1400 до 4300 (численность японских жандармов

с 1907 по 1909 г. возросла с 50 до 200 плюс 63 корейских полицейских). Между японскими жандармами и китайскими солдатами нередко происходили столкновения с немногочисленными жертвами [1, с. 312, 344].

Правовой контроль над корейцами был еще одним камнем преткновения в японо-китайских отношениях. Почти во всех японских документах по Цзяньдао фигурировал запрет под угрозой смертной казни перехода из корейского подданства в китайское, так как натурализация корейцев означала бы отсутствие основания для японской экспансии.

В сфере экономики борьба шла по трем направлениям: сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, лесоразработки. Китайские власти запрещали вывоз из Цзяньдао зерновых и руды в Корею. Указ о запрете на вывоз зерна был издан 2 июля 1908 г., японцы этот запрет игнорировали.

В основу японской идеологической экспансии была положена кампания защиты корейцев от притеснений китайских властей и хунхузов. Стремясь выбить этот козырь из рук японцев, китайские губернаторы Цзяньдао при вступлении в должность неоднократно заявляли, что власти будут бороться с бандитизмом, наносящим ущерб местному населению, наказывать преступников независимо от того, корейцы они или китайцы [1, с. 342, 349].

Дипломатические переговоры о Цзяньдао сдвинулись с мертвой точки в начале 1909 г., когда проблема была «пристегнута» к нескольким вопросам, решение которых было необходимо Японии для утверждения в Маньчжурии. Это – перестройка Аньдун-Мукденской железной дороги на широкую колею, право эксплуатации Аньшанской и Фушуньской шахт и др. В обмен на эти уступки Япония якобы отказывалась от притязаний на Цзяньдао. На китайское правительство было оказано давление. 3 августа начальник Отделения подполковник Сайто официально уведомил китайского губернатора, что с этого времени отделение рассматривает Цзяньдао в качестве корейской территории. Это заявление «случайно» совпало по времени с японской нотой от того же дня о строительстве Аньдун-Мукденской железной дороги [1, с. 376].

Договор о Цзяньдао был подписан в Пекине 4 сентября 1909 г. Однако формальное признание региона китайской территорией не означало реального утверждения китайского суверенитета над Цзяньдао. Первый пункт договора, провозглашающий р. Туманган китайско-корейской границей, практически зачеркивался следующими: пунктом, разрешающим свободное проживание в Цзяньдао корейских граждан,

пунктом о размещении в области японских консульств, о праве японских чиновников контролировать китайские суды над корейцами, о разрешении торговать с Кореей и вывозить туда зерно, пунктом о строительстве железной дороги Цзилинь-Северная Корея (Хверён), проходящей по территории Цзяньдао [2, p. 135].

Совокупность этих положений делала законным и реальным присутствие Японии в долине р. Туманган, укрепляло связь территории с Северной Кореей. После заключения Договора о Цзяньдао позиции Японии в регионе продолжали укрепляться. Если в 1909 г. на Северную Корею и Японию приходилось лишь 20% торговли Цзяньдао, то в конце 20-х гг. 50% сельскохозяйственной продукции этого региона вывозилось в Японию [3, с. 27].

Характеризуя двухлетнюю деятельность Отделения, директор японского Института по изучению Кореи в 1970 г. отметил, что «защита жизни и имущества корейцев было поводом. Настоящей же целью было «поощрение переселения японцев в Цзяньдао, развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли» (цитируется пункт программы деятельности Отделения) – создание базы японской колониальной экспансии» [1, с. 5–6].

Литература

1. Тесэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей). Т. I. Токио, 1970.

2. Manchuria Treaties and Agreements. Washington, 1921.

3. Ёкса квахак. Пхеньян. 1967. №1. С. 15–29.

Т.С. Денисова

Переговоры как один из способов разрешения вооруженных конфликтов в Африке и причины их неэффективности

Переговоры необходимы как для установления порядка на континенте в целом или в конкретном регионе, так и для урегулирования двусторонних отношений и стабилизации обстановки в отдельно взятой стране. Как правило, прямые – без посредничества – переговоры между враждующими группировками остаются неэффективными. Напротив, участие в них третьей стороны или нескольких посредников нередко, хотя и не всегда, приводит к успешным результатам.

Можно выделить четыре основные причины неэффективности прямых переговоров. Во-первых, конфликт зачастую приобретает личный характер и «дискуссии» между сторонами носят столь «эмоциональ-

ный» характер, что не оставляют места для рационального принятия решений. Так, в конце 1990-х и начале 2000-х гг. личная неприязнь между главами африканских государств Робертом Мугабе (Зимбабве) и Нельсоном Манделой (ЮАР), Лораном Кабилой (Демократическая Республика Конго – ДРК) и Йовери Мусевени (Уганда), Л. Кабилой и Н. Манделой, а также между Джозефом Кабилой (ДРК) и Полем Кагаме (Руанда) заметно препятствовала политической стабилизации в регионе.

Во-вторых, в обстановке политического кризиса, назревшего в той или иной африканской стране, нередко создается политическое пространство для соперничества между западными странами в борьбе за природные ресурсы государства и соответственно за местных союзников, т.е. изначально двусторонний конфликт привлекает внешних участников. Это обстоятельство препятствует разрешению кризиса путем прямых переговоров, усиливая роль посредничества.

В-третьих, нередко стороны в конфликте не заинтересованы в его разрешении либо в связи с получаемыми ими экономическими выгодами от его продолжения, либо из-за его локального характера. Обычно правительство сквозь пальцы смотрит на вооруженные столкновения на окраинах, если они не угрожают центральной власти. В этом случае переговорный процесс может начаться лишь под давлением мирового сообщества, озабоченного ростом числа человеческих жертв и нарушением прав человека.

В-четвертых, наблюдая за безрезультатными попытками «мирного» разрешения конфликтов в соседних странах, противники «убеждаются» в неэффективности самого процесса, и только вмешательство третьей стороны может подтолкнуть их к началу переговоров.

В качестве примеров неэффективности прямых переговоров можно указать на многочисленные двусторонние саммиты, проведенные в разные годы в целях урегулирования конфликтов между Анголой и Заиром (ДРК), Сомали и Эфиопией, Суданом и Эфиопией, Мали и Буркина Фасо, Нигерией и Камеруном, Сенегалом и Мавританией, закончившиеся безрезультатно. Определенный прогресс в их разрешении был достигнут при участии посредников. Даже во внутренних войнах, когда роль медиаторов становилась особенно трудной, участие третьей стороны способствовало урегулированию конфликта: в Анголе – в 1990 и 1994 гг., в Либерии – между 1991 и 1996, Эфиопии – в 1991, Мозамбике – 1992, Руанде – 1993, Сьерра Леоне – 1996, Бурунди – 1998, Лесото – в 1994 и 1998 гг. и т.д.

Надо сказать, что Африка не имеет недостатка в своих собственных посредниках. В известной мере, это проявление культурных традиций: ведь разрешение споров, земельных или семейных, в большин-

стве стран континента остается одной из основных функций племенных вождей. Так или иначе, но африканские лидеры всегда готовы оказать соседям помощь в деле политической стабилизации, даже если не способны поддерживать порядок в своем доме. Зачастую подобное рвение объясняется наличием у них собственных интересов в урегулировании конкретного конфликта, особенно если он возникает на примыкающей территории, в целях предотвращения его эскалации через границу. Такое посредничество может быть полезным, если речь идет о конфликте между центральным правительством одного государства (А) и оппозиционным ему повстанческим движением, для размещения сил которого соседнее государство (Б) добровольно (то есть, по каким-то своим мотивам) или вынужденно предоставляет часть своей территории. В этом случае лидер «Б» может, учитывая при этом и свои интересы, выступить в качестве миротворца, причем еще до начала официальных переговоров. Нередко посредничество осуществляется одним политическим лидером в споре между двумя другими главами государств, и личные отношения в этом случае играют едва ли не главную роль.

Из трех функций, обычно выполняемых посредником, – обеспечение контактов между сторонами, составление условий соглашения и манипулирование участниками переговоров, – африканские лидеры обычно успешно справляются с двумя первыми, помогая соперникам преодолеть недоверие и сформулировать требования. Главное оружие африканских посредников – убеждение сторон, которое происходит тем эффективней, чем большим авторитетом и уважением пользуется глава государства, взявший на себя эту роль.

Между тем, если не выполнены основные требования, предъявляемые к посредникам, и не выполнены условия, позволяющие начать мирный процесс урегулирования, переговоры окажутся с самого начала обреченными на неудачу. Главным условием для эффективного посредничества становится появление тупика в конфликте, т.е. возникновение ситуации, когда ресурсы сторон истощены настолько, что они уже не могут продолжать военные действия, но все еще боятся «потерять лицо» и потому не могут сделать первый шаг к примирению. Именно тупик делает посредничество возможным, в противном случае стороны не заинтересованы в том, чтобы быть «вытащенными» из конфликта аутсайдером. Так, предпринятые в 1989 г. заирским президентом Мобуту попытки выступить в качестве третейского судьи в ангольском конфликте провалились из-за того, что он еще не достиг к тому времени тупика в своем развитии.

В 1978–1989 гг. СССР, ГДР, Итальянская компартия, бывший президент США Джимми Картер и др. много раз пытались выступить в качестве посредников в конфликте между эритрейскими повстанцами и эфиопским правительством, пока в 1991 г. конфликт не созрел и «марксистское» правительство Эфиопии не было свергнуто совместными силами эритрейских и эфиопских мятежников [1, p. 220]. Могут быть приведены десятки подобных примеров.

Невыполнением «главного условия» в значительной степени можно объяснить и фактический провал переговоров, нацеленных на урегулирование конфликта в Дарфуре, проведенных в несколько раундов (2004–2006 гг.) в Абудже (Нигерия) и закончившихся подписанием Дарфурского мирного соглашения (ДМС), большинство пунктов которого, даже прекращение огня, так и не было выполнено. Позитивные результаты не были достигнуты, прежде всего, потому, что к моменту начала переговоров конфликт между дарфурскими повстанцами и центральным правительством Судана длился менее 6 месяцев и обе стороны еще верили, что смогут защитить свои интересы на поле боя. В результате противники оказались за столом переговоров, не созрев для них. До самого окончания дискуссий в мае 2006 г. оппоненты рассматривали их скорее как передышку между боями, нежели как миротворческий процесс. Безусловно, это снижало саму значимость переговорного процесса как такового и ценность его результатов по сравнению с военными победами.

Можно указать на целый ряд причин неэффективности переговоров в Абудже. (Более того, на ошибках, сделанных там посредниками, могут и должны учиться следующие поколения медиаторов.) Так, уже в начале переговорных сессий стало очевидным, что стороны, располагавшие в зонах конфликта относительно большими и хорошо вооруженными контингентами, поддержкой различных групп гражданского населения, а также помощью зарубежных спонсоров, не столько не могли, сколько не желали добиваться реального согласия, бойкотируя любой прогресс, достигнутый посредниками. В свою очередь, Африканский Союз и другие международные медиаторы и наблюдатели, стремившиеся к быстрым результатам, прибегали к контрпродуктивной стратегии навязывания сроков подписания соглашения, что вызывало лишь противодействие сторон. Постоянно озвучиваемым посредниками мотивом стало указание на то, что «терпение международной общественности истекает». «Третейские судьи» угрожали сторонам санкциями и прекращением финансирования миротворческого процесса из-за отсутствия результатов [2].

Между тем «желание мирового сообщества» закончить переговоры в срок суданцами было проигнорировано, так как оно не было подкре-

плено действиями. Давление на стороны и не могло способствовать урегулированию конфликта, так как на кону были человеческие жизни, права на землю и воду, власть и влияние, и на этом фоне «пожелания международной общественности» не имели почти никакого значения.

Еще одной причиной неэффективности переговоров стало предоставление сторонам 5-дневного срока для одобрения подготовленного текста Соглашения о перемирии, что было бы неприемлемым в любом месте и в любое время. В контексте же урегулирования дарфурского конфликта, который относится к разряду самых тяжелых гуманитарных катастроф современности, эта спешка была едва ли не абсурдной, так как до этого стороны в течение многих месяцев спорили, но не пришли к согласию ни по одному из наиболее важных вопросов. В конечном итоге ДМС было подписано буквально путем «выкручивания рук». Более того, переговорщики и до, и после формального заключения соглашения обвиняли друг друга в различных грехах и не только не сомневались, но и были уверены, что их оппоненты не будут выполнять пункты, отраженные в документе. Делегаты не имели возможности консультироваться с рядовыми повстанцами и представителями мирного населения, а многие с трудом понимали текст Соглашения просто в силу недостаточной образованности. К тому же версия соглашения на арабском языке – языке большинства переговорщиков – была подготовлена в самый последний момент и содержала существенные неточности [3]. Особенности переговоров в Абудже явились доказательством того, что посредники стремились урегулировать конфликт путем подписания соглашения без реального достижения мира.

Из переговорного процесса в Абудже можно извлечь несколько уроков, касающихся посредничества в миротворческом процессе. Прежде всего, реальное перемирие не может быть достигнуто быстро, потому что возникновение вооруженных конфликтов имеет множество причин, уходящих корнями в прошлое и зачастую с трудом отслеживаемых. На состояние внутренней политической нестабильности в государстве накладываются внешние факторы, способствующие возникновению, продолжению и эскалации конфликта. Так, кризис в Дарфуре напрямую связан и в значительной степени обусловлен нестабильной ситуацией, сложившейся в соседних странах, прежде всего в Чаде. То есть, каждый конфликт требует его рассмотрения в международном контексте, чего, кстати, не было сделано в Абудже.

Трудности в разрешении конфликтов усугубляются взаимной ненавистью и подозрительностью сторон. Но еще хуже, если посредники не отличаются терпением. Достижение мирного соглашения не может проходить под давлением. Стороны должны дозреть до него, потому

что в любом случае оно не будет осуществляться без их согласия и готовности к сотрудничеству, а его прочность потребует их приверженности положениям документа на долгосрочной основе. Посредники же зачастую стараются урегулировать конфликт, используя силу, власть и влияние, в лучшем случае – дипломатическую хитрость, не создав атмосферы доверия, как это и произошло в Абудже.

Африканские и международные посредники становятся все более опытными в ведении переговоров, однако они более способны добиваться подписания соглашения, чем его выполнения. Неудивительно поэтому, что конфликт через некоторое время после его видимого разрешения вспыхивает с новой силой.

Литература

1. Africa in World Politics: Reforming Political Order. Ed. John W. Harbeson and Donald Rothchild. Boulder (CO), 2009.

2. Straw J. Darfur at the Crossroads: Foreign Secretary's Speech to the Peace Talks on Darfur, Abuja, 14 February 2006.

3. Prendergast J. A Dying Deal in Darfur. Boston Globe. July 13. 2006.

Н.Ю. Кавешников
Эволюция практики гибкой интеграции в ЕС

Одной из стратегических целей Европейского союза было обеспечение однородности его правового пространства. Однако с увеличением числа государств-членов обеспечить это становилось все труднее. В конце 1980-х гг. появляется целый ряд теоретических концепций, авторы которых стремились решить одну принципиальную задачу – структурировать различия внутри все более многочисленного и гетерогенного Союза так, чтобы не нанести ущерба динамике интеграции. Особенно актуальной эта задача стала в середине 1990-х гг., – как при ожидаемом увеличении числа государств-членов до 25/28 предотвратить паралич институтов ЕС? Ответ на этот вопрос Евросоюз пытается найти на путях гибкой интеграции.

Термин гибкая интеграция (гибкость, flexibility) используется для описания феномена, который в научной литературе имеет множество названий: Европа разных скоростей, Европа меняющейся геометрии, различающиеся ритмы интеграции, гибкая интеграция, Европа концентрических кругов, Европа à la carte и т.д. Все эти концепции, различаясь в деталях, одинаковы по существу. Все они предусматривают механизмы, позволяющие государствам ЕС, желающим и имеющим возможность, более тесно сотрудничать между собой в рамках суще-

ствующих институтов ЕС и без помех со стороны их партнеров по Союзу. Иными словами, посредством гибкой интеграции ЕС пытается решить одно из базовых противоречий интеграции – между национальным суверенитетом и полномочиями региональной организации [1, с. 21].

Массив зарубежной научной литературы по проблемам гибкой интеграции достаточно велик. Среди наиболее интересных работ упомянем труды С. Андерсона и Н. Ситтера [2], Ж.-Э. Де Нев [3], Дж. Греви [4], А. Колликера [5] и А. Стубба [6]. Из отечественных исследований представляет интерес проведенный Л. Бабыниной [7] анализ различных теоретических концепций гибкой интеграции. В данной статье исследуются тенденции развития и трансформации различных форм гибкой интеграции.

1. От case-by-case гибкости к постоянным механизмам

Прежде всего следует отметить, что изначальная практика разработки особых, индивидуальных форм гибкости для каждого конкретного случая постепенно сменяется, а скорее – дополняется, разработкой общих механизмов (продвинутое сотрудничество, постоянное структурированное сотрудничество), которые могут быть применены странами авангарда для реализации проектов в различных сферах.

В числе наиболее известных примеров case-by-case гибкости – Шенген, евро, Пространство свободы, безопасности и правосудия (ПСПБ) и существовавший в 1992–1997 гг. специальный режим неучастия Великобритании в социальной политике ЕС. Для всех них характерны очень широкая сфера применения гибкости (практически, это отдельная политика), высокая политическая значимость вопроса и глубокие различия интересов стран-членов. Неудивительно, что в каждом конкретном случае гибкость была ограничена определенными условиями и реализовывалась посредством специальных механизмов.

Но позднее Амстердамский договор учредил механизм продвинутого сотрудничества (ПС), тем самым легитимизировав существование авангарда и превратив гибкость из исключения в правило. С помощью механизма ПС страны ЕС рассчитывали достичь ряда стратегических целей: избежать в будущем блокирования важных решений одной/немногими странами-аутсайдерами; подготовиться к расширению ЕС; предусмотреть механизмы для будущего углубления интеграции в рамках ЭВС; предотвратить возникновение структур более тесного сотрудничества между несколькими государствами вне структур ЕС.

Внешняя политика ЕС также включает значительное число элементов case-by-case гибкости. Это, прежде всего, введенное Амстердамским договором конструктивное воздержание и формализованная Лиссабон-

ским договором практика поручения при реализации совместных действий ЕС. Но и в этой сфере, хотя и чуть позже, чем в остальных, были созданы общие механизмы. Ниццкий договор предусмотрел возможность использования в ОВПБ (но не в ЕПБО) продвинутого сотрудничества. Лиссабонский договор специально для ЕПБО учредил механизм постоянного структурированного сотрудничества (ПСС).

Однако следует отметить, что создание механизма ПС не привело к отказу от case-by-case гибкости. Достаточно вспомнить специальные режимы, предусмотренные Лиссабонским договором для Великобритании, Польши, Чехии и Ирландии при применении Хартии фундаментальных прав.

2. Усиление взаимодействия между авангардом и арьергардом

Вторая тенденция развития гибкости в ЕС выражается в размывании границы между странами авангарда и арьергарда. К примеру, Шенгенские соглашения изначально были подписаны вне рамок ЕС, но затем, после вступления в силу Амстердамского договора, Shengen acquis было интегрировано в acquis communautaire. Позднее Ребекка Адлер-Ниссен [8] убедительно показала, что страны арьергарда активно участвуют в разработке законодательства в сфере ПСБП даже в том случае, когда принимаемые документы не будут иметь для них обязательной силы.

В этой связи очень характерно различие между двумя формами гибкости в ОВПБ: конструктивным воздержанием и сформировавшейся позднее практикой поручения. При конструктивном воздержании аутсайдер не принимает на себя никаких, даже политических, обязательств и лишь не должен препятствовать действиям ЕС. Сама эта конструкция была создана исключительно для того, чтобы облегчить принятие решений в ОВПБ при сохранении принципа единогласия. При использовании механизма поручения все страны ЕС несут политическую ответственность, однако конкретное участие в реализации решения принимает лишь «группа желающих», причем формы участия отдельных стран могут быть самыми разными. Легитимность решения основывается на единогласном принятии решения всеми странами ЕС, эффективность его реализации – на возможностях отдельных стран.

Следует упомянуть и эволюцию механизма ПС. В том, что касается интересов аутсайдеров, Амстердамский договор по сути ограничился лишь декларациями, что ПС может быть использовано только в качестве «последнего средства». Но уже Ниццкий договор создал механизмы, позволяющие гарантировать интересы аутсайдеров: усилена роль Комиссии при учреждении ПС, Комиссия подключена к действиям в рамках учрежденного ПС, на Совет и Комиссию возложена обя-

занность обеспечивать соответствие действий ПС политике Союза [9]. Таким образом, Комиссия и в меньшей степени Европарламент, участвуя в принятии решений по осуществлению ПС в рамках стандартных процедур и при этом ipso facto защищая общеевропейские интересы, в опосредованной форме интересы представляют аутсайдеров. Кроме того, представители стран-аутсайдеров в рамках Совета и его вспомогательных органов принимают участие в обсуждении всех вопросов, связанных с функционированием ПС (но, естественно не участвуют в голосовании). Наконец, был создан четкий механизм присоединения стран к уже существующему ПС.

3. Перенос принятия решений на более низкие уровни

Традиционно необходимость использовать различные формы гибкости возникала в ходе реформы Договоров и, соответственно, страны ЕС как «хозяева Договоров» решали эти вопросы в ходе межправительственных конференций. Но после того как в Договорах были зафиксированы различные формы гибкости, значительная часть решений была перенесена на уровень институтов ЕС, прежде всего, в Совет министров (ПС, ПСС, конструктивное воздержание, участие Великобритании, Ирландии и Дании в отдельных аспектах Shengen acquis и ПСПБ). Что особенно интересно, в ряде случаев для реализации новых проектов гибкой интеграции не требуется согласия всех стран ЕС, т.е. авангард вправе идти вперед даже при наличии возражений со стороны некоторых стран арьергарда. Более того, текущие решения стали предметом судебного контроля.

Хорошим примером этой тенденции является эволюция процедуры учреждения ПС. Согласно Амстердамскому договору, такое разрешение дает Совет, действуя квалифицированным большинством. Но при этом любое государство «по важным и обоснованным причинам» вправе возразить против проведения голосования, и тогда вопрос передается в Европейский совет, который, в свою очередь действует на основе консенсуса. Именно из-за этой процедуры, по сути являющейся завуалированным правом вето, провалились две попытки учредить ПС, обсуждавшиеся в конце 1990 – начале 2000-х гг.

Но уже в Ниццком договоре процедура была изменена. По-прежнему по требованию заинтересованного государства можно передать вопрос учреждения ПС на рассмотрение Европейского совета, но после обсуждения на высшем уровне дело вернется в Совет министров, который будет принимать решение квалифицированным большинством.

4. Экстернализация acquis communautaire

Необходимо отметить еще одну особенность гибкой интеграции: отдельные блоки acquis communautaire все активнее используются за пределами Союза, участниками гибкого сотрудничества становятся страны, не являющиеся членами ЕС. Это прежде всего Норвегия, Исландия, Лихтенштейн и Швейцария; однако проводимая Евросоюзом стратегия «экспорта» acquis communautaire в соседние страны все более размывает границы ЕС.

Экстернализация acquis communautaire осуществляется через различные международные соглашения. В «ближний круг» друзей ЕС входят Норвегия, Исландия, Лихтенштейн и Швейцария. Первые три страны, не являясь членами ЕС, с 1994 г. подключены к Единому внутреннему рынку через Договор о Европейском экономическом пространстве (ЕЭП), что потребовало инкорпорации в законодательство этих стран соответствующей части acquis communautaire. С тех пор большинство принимаемых в ЕС законодательных актов по вопросам первой опоры автоматически распространяли свое действие на три вышеназванные страны. Кроме того, Норвегия и Исландия в начале 2001 г. были допущены в Шенгенское пространство. Особо отметим, что, хотя вновь принимаемое законодательство ЕС по Schengen acquis и «четырем свободам» действует в Норвегии, Исландии и Лихтенштейне, права этих стран при принятии решений ограничены лишь возможностью участвовать в обсуждении.

В весьма специфическом положении находится Швейцария. После ее отказа от участия в ЕЭП стороны пошли по пути подписания пакетов секторальных соглашений. Существующий режим взаимоотношений между ЕС и Швейцарией, в отличие от ЕЭП, не предполагает автоматического принятия Швейцарией новых нормативных актов ЕС. Однако на практике все документы ЕС тщательно изучаются швейцарскими властями, и их значительная часть принимается в виде национальных законов, поскольку в противном случае со стороны ЕС могут последовать защитные меры.

Разумеется, адаптация acquis communautaire является основой подготовки стран-кандидатов к членству в ЕС, но это можно рассматривать как переходный период. Что гораздо более интересно, аналогичная стратегия легла в основу Европейской политики соседства (ЕПС). Ее суть очень четко сформулировал Председатель Комиссии Романо Проди: Эта концепция предполагает, что страны-соседи «разделят с Союзом все, кроме институтов. Ее цель в том, чтобы распространить на регион соседства набор принципов, ценностей и стандартов, которые определяют самую суть Европейского союза» [10]. При этом следует помнить, что ЕПС не подразумевает будущего членства, по край-

ней мере в обозримой перспективе, и была инициирована Евросоюзом именно как альтернатива членству. Пока что ЕПС не может похвастаться высокой эффективностью, но в долгосрочной перспективе она может привести к существенной экстернализации acquis communautaire.

Заключение

В ближайшем будущем весьма вероятно создание структур ПС в сфере сотрудничества в вопросах правосудия и экономической политики; также практически неизбежно создание ПСС в сфере внешней политики. Часто механизм ПС называют «бумажным тигром», поскольку за более чем десять лет его существования он ни разу не был использован. Действительно, два предложения, обсуждавшихся в конце 1990 – начале 2000-х гг., были заблокированы, поскольку тогда существовало право вето при учреждении ПС. Однако в 2010 г., после очередного провала попытки принять регламент о подсудности дел о разводах между гражданами разной национальности, этот документ был принят в формате продвинутого сотрудничества [11], подробнее об этих событиях см. статью С. Пиерса [12]. Это лишь «первая ласточка», – усложнение поиска консенсуса в ЕС-27 рано или поздно приведет к активному использованию механизма продвинутого сотрудничества.

Развитие в ЕС механизмов гибкости – процесс неоднозначный, он влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия. Гибкая интеграция – единственное средство сохранить динамизм развития ЕС. Она дает средство управлять Евросоюзом в условиях растущей среди государств-членов гетерогенности политических интересов, способности и желания развивать новые политики. В ее рамках будут опробованы новые формы взаимодействия и институциональные практики, которые, при положительном результате, будут распространяться на все государства-члены.

Однако бесплатных пирожных не бывает; гибкость чревата серьезными проблемами. Прежде всего, аутсайдеры столкнутся с крайне сложной задачей погони за быстро продвигающимся вперед авангардом. Учитывая, что именно авангард будет опробовать новые формы углубления интеграции, а затем предлагать их в качестве основных направлений эволюции ЕС-27, очевидно, что значительная часть новых членов будет de facto устранена от принятия принципиальных решений. Такая ситуация грозит ростом недовольства среди аутсайдеров, прежде всего среди новых членов.

Развитие гибкой интеграции усложнит процесс принятия решений, ослабив стимул к поиску компромиссов. Ранее все государства-члены ясно понимали, что интеграция – это не только выгоды и приобрете-

ния, но и необходимость идти на жертвы. В возникающей «Европе изменяемой геометрии» готовность идти на жертвы, а также чувство взаимной солидарности могут существенно ослабеть, «при злоупотреблении продвинутым сотрудничеством существует риск подвергнуть опасности понятия единой судьбы и солидарности сообщества, которые составляют неотъемлемую часть коммунитарной философии» [13, p. 514].

И, наконец, очевидно, что никакие органы не в состоянии эффективно управлять системой, правовое пространство которой в значительной мере фрагментировано как пространственно, так и по вертикальным уровням управления, а основу составляют динамичные, взаимно пересекающиеся группы стран, объединенные по признаку единообразного регулирования отдельных сфер компетенции. Да и существующее «не очень твердое» европейское ядро (зона евро) после расширения ЕС если и не оказалось в меньшинстве, то утратило абсолютное доминирование, – если раньше в еврозону входили целых 12 стран ЕС, то теперь в нее входят лишь 16 государств-членов.

Однако альтернативой развитию гибкости стала бы стагнация интеграционного процесса. Гибкая интеграция будет тем более приемлемой для населения отдельных стран ЕС, чем дольше политики будут «не в состоянии создать в Европейском союзе реальную демократию» [14, p. 407]. Вино откупорено, пришло время его пить, – Европейскому союзу нужно учиться жить в условиях гибкой интеграции.

Литература

1. Европейская интеграция / под. ред. О.В. Буториной. М., 2011.

2. Andersen S.S., Sitter N. Differentiated Integration: What is It and How Much Can the EU Accommodate? // Journal of European Integration. 2006. Vol. 28, No. 4. P. 313–330.

3. De Neve J.-E. The European Onion? How Differentiated Integration is Reshaping the EU // Journal of European Integration. 2007. Vol. 29, No. 4. P. 503–521.

4. Grevi G. Flexible Means to Further Integration // EPS Working Paper 2004. №9, April.

5. Kölliker A. Bringing Together or Driving Apart the Union? Towards a Theory of Differentiated Integration // West European Politics. 2001. Vol. 24, No. 4. P. 125–151.

6. Stubb A. Negotiating Flexibility in the European Union. Basingtoke, Palgrave, 2002.

7. Бабынина Л. Гибкая интеграция в ЕС: классификация и проблема институционализации // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №6. С. 31–67.

8. Adler-Nissen R. Behind the Scenes of Differentiated Integration: Circumventing National Opt-Outs in Justice and Home Affairs // Journal of European Public Policy. 2009. Vol. 16, No 1. P. 62–80.

9. Rodrigues S. Le Traite de Nice et les cooperations renforcees au sein de l'Union europeenne // Revue du Marche commun et de l'Union europeenne. 2001. №444. P. 11–16.

10. Prodi Romano A Wider Europe – A Proximity Policy as the Key to Stability. Speech at the Sixth ECSA-World Conference. Brussels, 5–6 December 2002. SPEECH/02/619.

11. Council Decision 2010/405/EU of 12 July 2010 authorising enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation.

12. Peers S. Divorce, European Style: The First Authorization of Enhanced Cooperation // European Constitutional Law Review. 2010. №6. P. 339–358.

13. Cloos J. Les coopération renforcées // Revue du Marché commun et de l'Union européenne. 2000. №441. P. 513–517.

14. Andriessen F. Reflections on a New European Architecture // EU Enlargement. The Constitutional Impact at EU and National Level / Ed. by Kellermann A. E., Zwaan J. W. de, Czuczai J. Hague, 2001. P. 392–408.

Р.Р. Каирбекова

Агадирский кризис 1911 г. и политика Великобритании

Международный конфликт может проходить через пять фаз, из которых четвертая – международный кризис – является важнейшей, поскольку именно от ее развития зависит переход конфликта в вооруженную стадию.

Агадирский кризис с участием великих держав в условиях противостояния двух военно-политических блоков поставил мир на грань войны. Его изучение позволяет проанализировать международный опыт урегулирования конфликтов, рассмотреть стратегию и тактику великих держав в период международного кризиса в условиях межгосударственного и межблокового противостояния.

Летом 1911 г. в знак протеста против действий Франции, направленных на установление своего протектората над Марокко, Германия направила канонерскую лодку в марокканский порт Агадир, положив тем самым начало острейшему международному кризису.

Истинные намерения Германии были правильно поняты в Англии. 4 июля постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Никольсон писал главе Форин оффис Э. Грею, что, предпринимая данную акцию, «немцы … пытаются поссорить нас с Францией» [1, p. 333].

В начале кризиса английское правительство заняло выжидательную позицию, чтобы выяснить истинные намерения своего главного противника – Германии. Ведущий чиновник Форин оффис Кроу в памятной записке указывал на необходимость для Англии действовать наиболее осторожно и, если бы германский посол сделал запрос английскому правительству, следовало бы ответить, что оно еще не имеет определенного мнения о происшедшем, Чем дольше Англия будет занимать подобную позицию по отношению к Германии, подчеркивал Кроу, тем больше будет у нее возможностей выбрать оптимальную линию поведения в этих событиях. С ним были полностью согласны Грей и Никольсон [1, p. 325–326].

Выжидательная позиция Англии была расценена в Германии как ее отказ от вмешательства во франко-германский конфликт из-за Марокко и провоцировала Германию на более решительные действия. 3 июля канцлер Германии Бетман-Гольвег заявил, что не предвидит трудностей со стороны Англии, которая не была прямо заинтересована в вопросе о Марокко.

В Англии понимали всю опасность создавшегося положения. Имелись основания полагать, что марокканский вопрос мог быть решен за спиной Англии между Францией и Германией, на чем последняя, заинтересованная в развале Антанты, особенно настаивала. Действительно, Франция попыталась, не обращаясь за помощью к Англии, договориться с Германией о компенсации [2, p. 557].

В такой ситуации у английского руководства возникли опасения, что Франция в стремлении обеспечить германское признание французского протектората над Марокко пойдет на уступки, затрагивающие британские интересы в этом регионе. Утверждение Германии в непосредственной близости к Гибралтару и возможное создание здесь германской военной базы не устраивало английские правящие круги.

В этих условиях английская дипломатия предприняла определенные шаги. 3 июля Грей заявил германскому послу в Англии Меттерниху, что германское правительство должно знать, Англия не останется пассивным наблюдателем нового решения по Марокко, принятого Германией. Францией и Испанией, и должна принять участие в этом обсуждении. Грей подчеркнул, что в данный момент он больше озабочен чисто британскими интересами, чем обязательствами перед Францией [1, p. 328].

Одновременно Грей сделал предупреждение Франции, заявив ее послу в Лондоне П. Камбону, что французское правительство в своих действиях должно консультироваться с английским, поскольку Великобритания заинтересована в решении марокканского вопроса [1, p. 331]. Однако в английских правящих кругах имелись сторонники более решительных действий. Так, Никольсон настаивал на посылке английского военного корабля в Агадир.

4 июля состоялось заседание британского кабинета министров, который отклонил предложение направить английский корабль в Агадир, найдя эту меру слишком рискованной, и рекомендовал Грею добиться привлечения Англии к любым переговорам по определению будущего Марокко [3, p. 40].

Сразу после заседания кабинета Грей заявил Камбону, что в переговорах по вопросу о Марокко, неизбежных в сложившейся ситуации, должны участвовать Франция, Германия, Испания и Англия. Причем английское правительство, подчеркнул Грей, будет придерживаться своих договорных обязательств перед Францией [1, p. 333]. Таким образом, Англия, заставляя Францию считаться со своими интересами, обещала ей дипломатическую поддержку. В тот же день Грей заявил Меттерниху, что Англия, верная своим обязательствам перед Францией и заинтересованная а Марокко, не признает нового решения марокканского вопроса, выработанного без ее участия [1, p. 334].

6 июля, выступая в палате общин британского парламента, премьер-министр Англии Асквит заявил, что Великобритания должна принять участие в решении марокканского вопроса, поскольку такое участие определяется как ее собственными интересами, так и ее договорными обязательствами перед Францией [4, с. 239].

Встретив сопротивление Англии, Германия была вынуждена отступить. В ходе начавшихся 9 июля франко-германских переговоров Германия заявила о готовности «отказаться от своих политических интересов в Марокко в обмен на компенсацию в другом месте».

Однако Англия продолжала отстаивать свою позицию. 12 июля британский посол в Берлине Гошен представил статс-секретарю по иностранным делам Германии Кидерлен-Вехтеру протест против любых переговоров между Германией, Францией и Испанией без участия Англии [5, p. 277-278].

Выжидательная позиция британской дипломатии вызывала беспокойство в кругах, опасавшихся франко-германского сближения за спиной Англии. Кроу писал: «Если Франция будет проводить свою политику во всеобщем согласии с Германией, она найдет в лице последней любезного соседа и верного друга в борьбе против других народов…

Это означало бы решительную заявку на франко-германскую коалицию против Англии» [1, p. 363–364].

15 июля Германия потребовала от Франции в качестве компенсации за уступку в Марокко передачу ей всего Французского Конго, что должно было усилить ее позиции в Центральной Африке, а этого Англия не могла допустить.

В создавшейся ситуации резко возрос нажим на британское правительство со стороны последователей жесткого курса в отношении Германии. Никольсон заявил: «Правительство должно решить, останется ли оно верным своим обязательствам перед Францией и поддержит существующую группировку держав… или оно предоставит Германии самой урегулировать дела с Францией… В последнем случае германская гегемония прочно установится со всеми вытекающими из этого последствиями [1, p. 373].

Аргументы сторонников проведения жесткого курса в отношении Германии возымели действие. С тактикой выжидания, которая становилась опасной, было покончено. Было решено оказать нажим на Германию и Францию, чтобы заставить их прийти к приемлемому для Англии решению и не допустить заключения франко-германской сделки за спиной Англии.

21 июля на банкете в Сити с речью выступил министр финансов Ллойд Джордж, известный своими прогерманскими настроениями. Именно это обстоятельство определило выбор данной кандидатуры. Ллойд Джордж заявил, что Англия не остановится перед войной, но не допустит игнорирования ее интересов со стороны Франции и Германии [6, с. 707]. Положение стало критическим. Грей заявил Ллойд Джорджу и министру внутренних дел Черчиллю: «Наш флот может быть атакован в любой момент» [7, p. 48].

Однако Германия, не готовая к войне с Англией, была вынуждена уступить. 27 июля Меттерних заявил Грею, что франко-германские переговоры не затрагивают британских интересов. Посол попросил главу Форин оффис сделать заявление в парламенте о заинтересованности Англии в успешном завершении переговоров. Это, подчеркнул он, окажет успокаивающее влияние на французское общественное мнение и будет способствовать мирному решению спорных вопросов [8, col. 52–53].

Британское правительство пошло навстречу германским предложениям и взяло курс на смягчение напряженности в отношениях с Германией. Выступая в палате общин 27 июля, Асквит заявил, что решение, к которому придут Франция и Германия, не должно задевать британские интересы, иначе Англия должна будет стать «активным уча-

стником обсуждения сложившейся ситуации». Это ее обязанность, подчеркнул он, по условиям соглашения с Францией 1904 г. и долг по защите британских интересов. Асквит заявил, что английское правительство не будет возражать, если Франция и Германия договорятся о компенсации вне Марокко, в «других частях Западной Африки» [9, s. 224].

4 ноября 1911 г. было заключено франко-германское соглашение, по которому Германия признала протекторат Франции над Марокко и в обмен получила часть Французского Конго. Соглашение положило конец Агадирскому кризису, в ходе которого Германия в очередной раз потерпела поражение в своей попытке расколоть Антанту, в то время как Англия укрепила свои международные позиции в качестве великой державы, способной отстаивать и защищать свои национальные и блоковые интересы в условиях международного конфликта.

Таким образом, во внешней политике великой державы, участвующей в международном конфликте, можно выделить два основных вектора. В основе одного лежат чисто национальные, государственные интересы державы. Содержание другого определяется участием великой державы в военно-политическом блоке, которое в условиях международного конфликта усиливает ее стремление к его сохранению и укреплению. Направление векторов может не совпадать. Примером тому является участие России в марокканском кризисе 1905–1906 гг. В Агадирском кризисе 1911 г. у Англии произошло наложение двух векторов, что привело, с одной стороны, к значительному усилению ее внешнеполитических позиций за счет поражения главного противника – Германии, а, с другой, к укреплению и росту международного авторитета Тройственной Антанты.

Литература

1. British Documents on the Origins of the War 1898–1914. L., 1932. Vol. VII.

2. The Cambridge History of the British Empire. Cambridge. 1959. Vol. III.

3. Lowe C., Dockrill M. The Mirage of Power. L. Boston, 1972. Vol. I.

4. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. М., 1938. II серия. Т. XVIII. Ч. I.

5. Barlow I. The Agadir Crisis. Chapel Hill, 1940.

6. История дипломатии. М., 1963. Т. II.

7. Churchill W. The World Crisis. L., 1930. Vol. I.

8. Parliamentary Debates. 5th Ser. House of Commons. Vol. XXXII.

9. Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette. 1871–1914. B., 1927. Bd. XXIX.

Д.М. Кошлаков
Европейское политическое пространство перед вызовом внутренних конфликтов

Формирующееся единое европейское политическое пространство внутри себя содержит огромный конфликтный потенциал. Так, во многих странах Евросоюза (ЕС) сильны позиции этнорелигиозного (Франция и др.), этноконфессионального (Британия и др.) и этнонационального (Франция, Германия, Румыния, прибалтийские страны и др.) радикализма, а также сепаратизма (Британия, Италия, Испания, Бельгия и др.). Реализация же идей интеграции в ЕС Турции, сравнительно молодых государств постсоветского и постъюгославского пространства только увеличит внутренний конфликтный потенциал ЕС. В этой связи европейские элиты, заинтересованные в формировании Евросоюза как мощного геополитического актора, должны учитывать в своих концептуальных и стратегических построениях данную проблему и искать эффективные пути ее преодоления.

Актуальность данного вопроса продиктована также тем, что в современном мире с его высоким уровнем развития информационных, политических и социально-гуманитарных технологий разнообразные внутренние конфликты и проявления сепаратизма становятся фактором и инструментом быстротекущей геополитической игры, так называемых сетевых войн и т.п. В особенности это касается тех конфликтов, «градус накаленности» которых позволяет с помощью внешних или внутренних воздействий перевести их в горячую фазу, вывести из состояния ремиссии. В этой связи можно вспомнить, что, к примеру, Балканы нередко называют «пороховым погребом» Европы, конфликтогенность балканского политического пространства оказала огромное влияние на ход обоих мировых войн и на геополитический транзит конца XX – начала XXI в. Однако остроконфликтные процессы, обладающие в случае своей активизации угрозами эскалации и перехода в состояние вооруженного противостояния, присущи и достаточно благополучным странам Западной Европы (к примеру, Британии). При этом ни многовековая политическая традиция и культура, ни высокий уровень жизни населения, ни рыночная экономика и либерально-демократическая политическая система не являются панацеей от этнополитических и прочих конфликтов [1].

Крайне показательным благодаря своей схематичности здесь является пример квебекского сепаратизма. Несмотря на то, что Канада не входит в состав ЕС, определенные детерминанты ее политической истории могут быть актуальны для Европы, что представляет собой почву для проведения некоторого компаративного анализа. Канада – стра-

на с высокими социально-экономическими показателями, однако отсутствие единой национальной культуры и как следствие политической идеологии, не выстраданных в ходе исторических процессов того или иного типа (гражданская война Севера и Юга, формирование культурно-исторической идентичности и т.п.), способствует росту сепаратистских настроений [2]. Социально-экономические факторы – к примеру, неравномерность экономического развития регионов, «разность их логистических потенциалов», а также влияние крупных транснациональных корпораций и США в подобных условиях также играют определенную роль в децентрализации Канады и могут оказаться критическими.

Данная ситуация близка к той, которая постепенно формируется в Европе в связи с тем, что ЕС на сегодняшний день представляет собой огромное геополитическое и геоэкономическое образование, не скрепленное узами национальной идентичности и обладающее регионами с различным уровнем политической культуры, социально-экономического благополучия, доступа к всевозможным ресурсам и т.п. Очевидно, что в такой постановке вопрос о ЕС как о едином геополитическом субъекте является нетривиальным.

Нельзя даже исключать, что включение в Евросоюз «новых демократий» Центральной и Восточной Европы, поддержанное США, преследовало своей целью не усиление ЕС, а его ослабление посредством усиления позиций евроскептиков и навязывания ЕС концепции рыхлого, геополитически неповоротливого формирования, имеющего массу межрегиональных противоречий, а значит, обладающего большим конфликтным потенциалом.

Вместе с тем, обсуждая вопрос о Евросоюзе как о субъекте и его субъектных основаниях того или иного типа (национальная идентичность и т.д.), необходимо отметить, что его позитивное или негативное разрешение предрешено далеко не во всем. И тут стоит указать хотя бы на некоторые узловые моменты, позволяющие осмыслить направления поиска ответов на вызовы, стоящие перед ЕС.

Следует понимать, что глубокая евроинтеграция – это переход от одной политико-культурной модели организации европейского культурно-исторического пространства к другой. В частности, Евросоюз в его современном виде является детищем постмодерна и находится в контексте эпохи постмодерна. Если эпохе модерна соответствовала национальная государственность, то существует серьезный вопрос, что будет соответствовать эпохе постмодерна. Мнения экспертов на этот счет сильно разнятся.

По сути дела, в современном мире идет борьба за то, чтобы оседлать те или иные тенденции культуры постмодерна. Соответственно этому борются и различные концепции новой государственности. С одной стороны, европейская элита делает ставку на интеграцию огромного геополитического пространства, однако с другой – поддерживает независимость Косово, что, по ряду оценок, может стать началом конца нынешней Европы [3]. При этом идет достаточно серьезная борьба за ту или иную трактовку признания независимости Косово (в качестве прецедента или уникального случая).

В любом случае будущее ЕС зависит от того, какую политико-культурную модель смогут выработать европейские политические и интеллектуальные элиты, от этого будет зависеть тип и структура государственности. Строить модели и варианты этой государственности можно с опорой на различные философские и политологические подходы.

Кое-что может вскрыть историософский подход, согласно которому в мире действуют три больших проекта: модерн, контрмодерн и постмодерн. К примеру, есть мнение, что Евросоюз, элиты которого будут опираться на постмодернистскую философию, в будущем будет представлять собой государство нового – сетевого типа. Чем идейно будет скреплена такая государственность, не вполне понятно, однако некоторые аналитики не исключают, что XXI век – век союзов не по идейному и идеологическому признаку, а по прагматическим интересам. С этой точки зрения, государственность может быть объединена какими-то утилитарными интересами. Однако это не решает угрозу проблематизации подобной модели по аналогии с канадским сценарием (квебекский сепаратизмом).

Опора на контрмодернистский смысловой поток, пожалуй, может эту проблему разрешить, однако поставить принципиально новые и взбудоражить старые проблемы. К примеру, в определенных условиях существует вероятность возобладания в Европе неофашистской или неонацистской идеологии с соответствующими им властными технологиями и т.д. Как бы это ни казалось сегодня для многих фантастичным, но увеличение в Европе доли мусульманского населения в качестве одной из реакций имеет серьезное возрастание популярности крайне правых идеологий и политиков, что создает определенные угрозы контрмодернистского характера, к примеру, угрозу выхода применяемых властных технологий далеко за рамки гуманизма.

Опираться на проект модерн в современном мире становится все сложнее (особенно в модернизированной Европе), на что косвенно указывает ослабление национальных государств, проявляющееся и в провозглашении независимости Косово, и в наднациональной евро-

интеграции, и в усилении транснационального сектора политики и экономики, и во множестве других фактов и тенденций.

В принципе, Европа могла бы опереться на имперскую модель государственности, тем более что империи синтезируют в себе разные социокультурные тенденции (премодернистские, модернистские и постмодернистские) и способны интегрировать большое и достаточно неоднородное историко-культурное пространство. В современном мире многие эксперты вновь начинают говорить об империях со знаком плюс (З. Бжезинский, П. Ханна и др.). К примеру, Параг Ханна, один из ключевых политических аналитиков США, уже назвал Евросоюз демократической империей. Однако нельзя не отметить, что для реализации имперского принципа государственного и надгосударственного строительства необходим мощный идеологический и культурный фактор, способный к интеграции разнородных сегментов общества. Вместе с тем в пользу империи может говорить также и то, что в них представители этнических меньшинств делают политические, научные, художественные, деловые, военные и пр. карьеры, которые просто немыслимы в условиях национальных государств. Не случайно один из крупнейших теоретиков современного либерализма (М. Уолцер), рассмотрев все исторические формы государственности, пришел к удивившему его самого выводу о том, что наиболее толерантными из них были империи [4, с. 43], сравнительно более мягкие формы государственного строительства, в отличие даже от широко распространенных национальных государств.

Значимым в контексте обсуждаемой нами проблемы является вопрос об отношениях ЕС с крупными геополитическими субъектами и, прежде всего, США. В отношениях США и ЕС существует несколько вариантов будущего. Укажем на некоторые из них:

1. ЕС и США геополитически скоординированы между собой, при этом лидерство закреплено за тем или иным звеном этой цепи или распределено между ними в определенной пропорции.

2. ЕС – самостоятельный, в существенной мере независимый от США субъект геополитики, в ряде вопросов находящийся с США в союзе.

3. ЕС как геополитический и возможно глобальный конкурент США. Пока эта конкуренция достаточно мягкая и для многих невидимая, однако в случае укрепления ЕС она будет ужесточаться. Способствует этому и финансово-экономический кризис, сильно сказавшийся на США.

На наличие некоторой конкуренции между США и ЕС указывает сам факт евроинтеграции. На это же косвенно указывает то, что США

были крупными интересантами приема в ЕС и НАТО Польши и стран Прибалтики. В постбиполярном мире на европейском пространстве США сделали ставку на Восточную Европу, способную существенно влиять на взаимоотношения ЕС и важнейшего экспортера энергоресурсов в Европу – России. При этом посредством приема в ЕС новых членов, поддержанных в США, процесс евроинтеграции существенно затормозился, возникла масса новых экономических, социальных и политических противоречий, стала нарастать популярность евроскептицизма и критика евробюрократии.

Как бы то ни было, но Европейский союз в процессе своего развития столкнется с необходимостью решить целый ряд конфликтов и противоречий. От успешности европейских элит в этом вопросе во многом будет зависеть будущее единой Европы.

Литература

1. Бялый, Ю. Ольстерские уроки // Завтра. 1996. №30 (138). 23 июля.

2. Сорокина В. Россия через призму квебекского опыта // Завтра. 1996. №25 (133). 18 июня.

3. Белоусов В. Европе дали последний шанс. Признание независимости Косово может стать началом конца Евросоюза. URL: http://www.rg.ru/2008/02/14/kosovo-lavrov.html.

4. Тульчинский Г.Л. Личность как автопроект и бренд: некоторые следствия // Философские науки. 2009. №9. С. 30–50.

О.Ю. Курныкин
«Арабские революции» 2011 года (внутригражданские и международные конфликты)

Исторический и личный профессиональный опыт свидетельствуют об уязвимости попыток суждений о незавершившихся, «взрывных» политических процессах, ибо эти суждения неизбежно подвергаются уточнениям, а подчас и существенному пересмотру по мере развертывания событий. В силу этого представленные ниже тезисы носят предварительный характер и являются результатом рефлексии на процессы, оказавшиеся в фокусе общественного внимания.

1. По своей значимости нынешние потрясения в арабском мире сопоставимы с исламской революцией в Иране конца 1970-х гг. Они существенно повлияют на содержание и вектор политических процессов в странах Арабского Востока, а также на геополитическую ситуацию в регионе, значительно скорректировав прежний баланс региональных и внерегиональных акторов. Очевидно, будет существенно

видоизменена конструкция региональной системы безопасности, просуществовавшая более трех десятилетий после Кэмп-Дэвида.

Мусульманский Восток занимает на политической карте мира место, несоразмерное его достаточно скромному удельному весу в мировой экономике, и является регионом, постоянно продуцирующим конфликтные ситуации. Основными причинами этого являются социальная перенапряженность (латентная или, как сейчас, принявшая открытые формы), связанная с различной комбинацией факторов в той или иной арабской стране, а также сосредоточением в регионе Ближнего и Среднего Востока крупнейших запасов энергоресурсов, что делает его своеобразным «нервным узлом» мировой экономики и политики.

В каждой арабской стране – своя специфика, свои причины для недовольства. Безработица и ощущение безысходности у образованной молодежи в Тунисе, нищета огромных масс населения и вопиющий разрыв в доходах между верхами и низами в Египте, суннитско-шиитское противостояние на Бахрейне, межплеменное и межклановое соперничество в Йемене и Ливии. Но есть обстоятельство, которое является сквозным для всех этих событий – это накопившаяся усталость общества от длительного правления одних и тех же фигур (президентов, королей, султанов, «лидеров революции» и отцов нации). Один из главных уроков этих бурных событий очевиден – периодическое обновление элиты является необходимым условием стабильности системы.

Думается, ключевыми для региональной системы безопасности станут перемены в Египте. После одобрения на референдуме поправок к конституции перед Египтом открывается перспектива преодоления модели пожизненного правления президентов, действовавшей в стране на протяжении последних шести десятилетий, и перехода к восьмилетним политическим циклам (согласно новой редакции конституции срок полномочий президента сокращается с шести до четырех лет и устанавливается ограничение в два срока пребывания у власти). Трудно просчитать «психологический эффект» тех потрясений, через которые прошло египетское общество, но, как представляется, египтяне болезненно воспримут попытки свернуть определенную либерализацию политической и избирательной систем и вернуться к жестким авторитарным формам правления. Многое будет зависеть от того, какое место отведут себе военные, ныне контролирующие ситуацию в стране, в обновленной политической структуре Египта, и как будут складываться их взаимоотношения с исламистами.

2. Обращают на себя внимание формы, в которых произошел выплеск мощного протестного потенциала в Тунисе и Египте. Очевидно, к этим событиям оказались не готовы не только власти, но и лидеры оппозиции. В этих условиях выдающуюся роль в качестве организатора антиправительственных выступлений сыграли социальные сети Интернета. И это, несомненно, является знамением современной эпохи технологических прорывов в коммуникационной сфере. Первые симптомы проявились раньше, но, пожалуй, именно события в Тунисе и Египте особенно зримо продемонстрировали наступление качественно нового этапа в истории массовых движений – когда революции разворачиваются в виде флешмоба с поправкой, что эти «флешмобы» затягиваются на дни и недели. Соответственно преимуществами и мощными рычагами воздействия на ход событий обладают те, кто контролирует социальные сети. Египетские власти это быстро осознали и отключили Интернет в стране. Но оказалось, что это обоюдоострое оружие, ибо был нанесен удар не только по оппозиционерам, но возникли серьезные проблемы с функционированием финансовой системы, государственного администрирования, туристического бизнеса. Выявилось, что если речь не идет о Северной Корее или отсталых африканских странах, общество без коммуникационной сети Интернет нормально функционировать уже не может. Несомненно, организационный опыт арабских «революций» (мы закавычиваем это слово, поскольку лишь история вынесет вердикт в отношении характера этих политических потрясений) будет активно осваиваться протестными движениями в других странах. В связи с этим следует ожидать попыток усиления государственного контроля над интернет-пространством.

3. События на Арабском Востоке дают основания говорить о недостаточном понимании, подчас поверхностном восприятии политических процессов в мусульманском мире за его пределами. Сложившиеся стереотипы в восприятии ислама, растущий и неконтролируемый наплыв мигрантов из стран Северной Африки, террористическая деятельность джихадистов приводят к усилению исламофобии в западных (и не только) странах. Развернувшиеся в начале 2011 г. события на Арабском Востоке как раз любопытны тем, что религиозная мотивация не стала первостепенной или сколько-нибудь значимой для участников выступлений. Даже столкновения шиитов и суннитов на Бахрейне развертывались не под религиозными лозунгами, а под требованиями более справедливого распределения властных и финансово-экономических полномочий, а также являлись отражением геополитического соперничества Саудовской Аравии и Ирана за лидерство в регионе.

Представляется, что нынешние арабские революции свидетельствуют об «осовременивании» мусульманского мира, о том, что по основным устремлениям, требованиям, организационным формам эти революции являются частью общемировых глубинных политических процессов, разворачивающихся в направлении демократизации в различных ее вариантах, необязательно совпадающих с западными образцами. Попытки трактовать волну антиправительственных выступлений в арабских странах как реализацию чьих-то чужих сценариев являются одним из проявлений высокомерного отношения к арабским народам, ибо тем самым отрицается их способность к самостоятельным политическим инициативам и самоорганизации.

Вместе с тем стереотипы, формирующиеся в сфере межконфессиональных отношений, вторгаются в политическое пространство и затрудняют адекватное восприятие и соответственно реакцию на те или иные процессы или события. Несомненно, отношения христианского Запада и мусульманского Востока наполнены прежде всего политическим содержанием, хотя всегда существует возможность (и соблазн для религиозных ортодоксов) придать им характер межконфессионального конфликта. Показательно, что публичное сожжение Корана американским пастором из штата Флорида не вызвало массовых протестов в арабских странах, позиционирующих себя как оплот ислама, и центром антизападных по своей направленности выступлений в ответ на провокационный поступок упомянутого пастора стал Афганистан. Впрочем, обостренная реакция на выпады против ислама и пророка Мухаммеда является для многих афганцев лишь формой выражения недовольства присутствием иностранных войск на территории страны.

4. Победное шествие арабских революций споткнулось о Ливию. Амбициозный и непредсказуемый ливийский лидер Каддафи всегда являлся фигурой крайне неудобной и для Запада, и для соседних арабских стран (о чем известно гораздо меньше). Спонсор многих террористических структур и сам причастный к ряду громких терактов, полковник Каддафи, желая избежать участи казненного Саддама Хусейна, умерил вызывающий и раздражающий многих радикализм своего внешнеполитического курса и, казалось, сумел подправить свое реноме в глазах международного сообщества. Однако на деле Каддафи продолжал оставаться внесистемным игроком на международной арене, или, по меньшей мере, восприниматься в качестве такового. Это выявилось сразу после начала антиправительственных выступлений в Ливии, когда Запад, поддавшись очарованию «арабской весны» в ее

тунисском и египетском вариантах, с готовностью поставил крест на ливийском правителе (глава российского МИД также объявил последнего «политическим трупом»). Впрочем, конфликт в Ливии, стремительно и, возможно, несколько искусственно переросший из внутригражданского в международный, оказался более сложно структурированным, нежели противостояние Запада и непослушного государства-изгоя. К принятию санкций против Ливии призвала Лига арабских государств, влиятельный Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива занял еще более жесткую позицию, признав режим полковника Каддафи нелегитимным. Против ливийского режима складывается сложносоставная коалиция, в которой роль первой скрипки взяли на себя европейские НАТОвско-ЕСовские структуры, стремившиеся доказать самим себе и американскому «старшему брату» свою военно-политическую функциональность и эффективность в кризисных ситуациях. Впрочем, несмотря на победные реляции, раздающиеся из Брюсселя и некоторых европейских столиц, франко-британский альянс при несколько суетливом участии Италии сыграл свою партию неубедительно. Собственную игру в антиливийской кампании вели Турция, Саудовская Аравия, Катар, что можно расценить как начавшееся переформатирование ближневосточного пространства и складывание здесь новой конфигурации региональных центров силы.

5. Реакция на события в Ливии в очередной раз свидетельствуют о размывании грани между внутригражданскими и международными конфликтами, о все большей проницаемости мирового политического пространства, уже не столь жестко, как прежде, разграниченного рамками государственного суверенитета. Впрочем, эту трансграничную проницаемость ощущают на себе и страны Европейского Союза, подвергшиеся новому наплыву мигрантов из стран Северной Африки, значительной части которых присущи иждивенческие настроения.

Правовой основой для иностранного вмешательства во внутригражданское противостояние в Ливии стал принятый ООН в 2005 г. документ, в котором фиксировалась «обязанность предоставить защиту, когда какое-либо государство не способно или не желает защищать свое население от тяжелейших преступлений»; на его основе была принята резолюция Совбеза ООН №1973, устанавливающая бесполетную зону на территории Ливии. Следует отметить небезосновательность аргументации критиков ооновской резолюции относительно нечеткости определения механизмов реализации санкций против ливийского режима. Видимо, это было сделано сознательно, чтобы расчистить дорогу для военных действий НАТО в поддержку ливийских повстанцев.

Военной операции в Ливии первоначально придавался характер гуманитарной интервенции, однако подобная мотивация затем была приглушена, поскольку в действиях антиливийской коалиции все более явственно проявлялась политическая составляющая. Очевидно, действия авиации НАТО по разрушению военной инфраструктуры режима Каддафи рассматривались как достаточные для устранения последнего от власти. Однако «Братский Лидер» (официальный титул Муаммара Каддафи) проявил поразительную политическую живучесть; опираясь на кланово-племенные структуры и наемников из африканских стран, он перешел в контрнаступление на слабую в организационном отношении оппозицию, вынудив руководителей государств, вовлеченных в военные действия в Ливии, к расширительному толкованию мандата ООН, что вызвало недовольство со стороны России и Китая. Попытка Африканского союза сыграть самостоятельную партию в ливийской игре, добившись примирения повстанцев с Каддафи, не увенчалась успехом и, по сути, была обречена не только из-за неуступчивой позиции обеих конфликтующих сторон, сорвавших предварительные договоренности о прекращении огня, но и в силу неготовности Запада принять такой сценарий событий. Лидеры США, Франции, Великобритании, Италии (при сдержанной позиции Германии) твердо взяли курс на устранение режима Каддафи, тем самым резко сузив пространство для политического маневрирования и поставив под сомнение легитимность операции.

Окончательную оценку действиям внешних сил в ливийском внутригражданском конфликте можно будет дать лишь с учетом последующих результатов военной кампании по свержению режима Каддафи. Некоторые эксперты поспешили предречь Ливии печальную участь Сомали. Однако, несмотря на неизбежное ослабление государственных структур, разношерстность и скандальные разборки между лидерами повстанцев, думается, вряд ли события в Ливии будут развиваться по наихудшему сценарию, ведущему к развалу страны. Дело не только в существенных различиях между сомалийским и ливийским обществами, но и в высоких ставках исхода ливийских событий для внешних игроков. Ливия призвана стать для ЕС, НАТО и их партнеров в арабском мире примером успешности, эффективности и оправданности усилий по свержению режимов, признанных «несистемными». Таким образом, события в Ливии вновь ставят вопрос не только о правовой легитимизации действий внешних акторов во внутригражданских конфликтах, но и об эффективности соответствующих международно-политических практик.

О.Г. Лекаренко

Механизм урегулирования торговых конфликтов между США и Европейским союзом

Соединенные Штаты и Европейский союз (ЕС) являются крупнейшими экономиками мира и важнейшими торговыми партнерами друг для друга. В то же время высокий уровень экономического развития трансатлантических партнеров является не только их конкурентным преимуществом, но и источником многочисленных торговых конфликтов. Торговые конфликты между США и Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) начали развиваться почти сразу же после создание ЕЭС. Одним из первых торговых конфликтов стала так называемая «куриная война» 1962–1964 гг. Конфликт был вызван, с одной стороны, стремлением США разместить свои сельскохозяйственные излишки на рынках стран ЕЭС, с другой стороны – политикой Общего рынка, направленной на защиту интересов европейских фермеров. В начале 1960-х гг. страны Общего рынка вплотную приступили к разработке Общей сельскохозяйственной политики сообщества. Аграрная политика Общего рынка была рассчитана на стимулирование производства в странах ЕЭС важнейших сельскохозяйственных продуктов путем установления высоких цен, что влекло за собой сокращение соответствующего импорта извне. Защита интересов европейских фермеров осуществлялась через введение подвижных импортных сборов, которые являлись разницей между более высокой ценой Общего рынка и импортной ценой, и добавлялись к стоимости импортной продукции [1]. Значительная часть американского сельскохозяйственного экспорта в страны Западной Европы попадала под действие системы подвижных импортных пошлин.

В результате введения новых тарифов к ноябрю 1963 г. пошлины на куриные продукты выросли почти в 3 раза, что привело к резкому сокращению экспорта данной продукции в ФРГ (основной потребитель американского куриного мяса и яиц) [2]. Федерация американских фермеров и Национальный союз фермеров требовали от американского правительства принятия срочных мер с целью сохранения экспорта куриных продуктов в страны «шестерки» на прежнем уровне. Раздуванию конфликта способствовала как европейская, так и американская пресса. Американские газеты предсказывали новые торговые войны между США и ЕЭС вплоть до «трансатлантической продуктовой войны» и призывали к ответным возмездным мерам в отношении ЕЭС. В течение года высокопоставленные американские чиновники оказывали давление на европейцев, пытаясь добиться снижения пошлин и увеличения квот на экспорт куриного мяса в Европу. В июне 1963 г.

в Женеве начались переговоры между США и ЕЭС, в случае провала которых США были готовы применить ответные возмездные действия против импорта из стран Общего рынка. Американские эксперты оценили сумму ущерба, нанесенного США в результате сокращения экспорта куриных продуктов, в размере 46 млн долларов [3]. Американские требования о компенсации вызвали возмущение европейцев, которые оценивали нанесенный Соединенным Штатам ущерб в размере 19 млн долларов.

В октябре 1963 г. конфликтующие стороны обратились в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) с просьбой учредить экспертную комиссию по «куриной проблеме». Комиссию в составе пяти человек возглавил исполнительный директор ГАТТ Э.У. Уайт. В ноябре 1963 г. эксперты ГАТТ, оценив сумму причиненного ущерба в 26 млн долларов, рекомендовали ограничить экспорт товаров европейского происхождения в США на данную сумму [4], что удовлетворило обе стороны как наиболее простой способ разрешения торгового конфликта. Решение комиссии ГАТТ не имело обязывающего характера. В то же время джентльменское соглашение, которое обе стороны обязались выполнять, гарантировало, что Общий рынок не применит возмездные меры против повышения тарифов Соединенными Штатами. Таким образом, стороны могли остановить «спираль возмездия и контрвозмездия». Однако, как писала газета «Нью-Йорк Таймс», сами по себе возмездные меры не меняли протекционистского характера Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС, не вырабатывали удовлетворительную формулу решения других торговых конфликтов, не способствовали экспансии мировой торговли [5].

Смерть президента Кеннеди временно отложила применение возмездных мер против стран Общего рынка, но уже в декабре 1963 г. новая администрация Л. Джонсона объявила о вступлении в силу с 7 января 1964 г. новых пошлин. Дополнительные сборы были установлены на импортируемые из стран Общего рынка в США коньяк, грузовые автомобили, декстрин и крахмал. Товары были тщательно отобраны так, чтобы не навредить другим странам-экспортерам, не входящим в ЕЭС (Великобритания, Канада, Япония). Несмотря на «куриную войну», американский экспорт в Западную Европу в 1963 г. вырос на 2,6 млрд долларов. «Куриная» война стала началом серии аналогичных торговых конфликтов между США и ЕЭС, причиной которых являлись растущая конкуренция на мировых рынках и широко практиковавшаяся обеими сторонами политика протекционизма, направленная на защиту внутреннего рынка от нежелательной конкуренции извне.

Окончание «холодной войны» привело к уменьшению значения проблем безопасности в трансатлантических отношениях, на фоне чего торговые противоречия между США и ЕС стали более заметными. В зависимости от причины и характера конфликта выделяются традиционный торговый конфликт, торговый конфликт как непредвиденная защитная мера, торговый конфликт как ответ на внешнеполитическую акцию одной из сторон и торговый конфликт как ответ на политику страны в области регулирования. Наиболее крупными торговыми конфликтами между США и ЕС в 1990–2000-е гг. были «стальной конфликт», «банановые войны» и запрет на ввоз в страны ЕС генетически модифицированных продуктов. Торговые споры разворачивались вокруг позиций, доля которых в общем объеме торговли не превышала 1%. Оспариваемые суммы были весьма незначительными, однако раздуванию конфликтов способствовали различные средства массовой информации.

Особенность современных торговых конфликтов между США и ЕС состоит в том, что к так называемым традиционным конфликтам по поводу пошлин и квот добавились конфликты нового поколения, связанные с вопросами стандартизации и сертификации продукции. Данные конфликты, вытекающие из разных норм и ценностей, являются наиболее трудными для урегулирования. Одна из областей серьезных противоречий между США и ЕС связана с биотехнологией и продуктами питания, полученными в результате использования генетически модифицированных организмов. Согласно опросам общественного мнения, большинство жителей ЕС выступали против ввоза генетически модифицированных продуктов, даже при наличии положительных экспертных оценок, подтверждающих отсутствие вреда для здоровья. Под давлением неправительственных организаций и потребителей Европейский союз отказался сертифицировать многие генетически модифицированные продукты, которые США готовы были экспортировать в Европу. Это означало серьезные потери для Соединенных Штатов – крупнейшего производителя генетически модифицированной пшеницы, говядины и других продуктов питания [6].

Несмотря на изменение природы торговых конфликтов, попрежнему основной способ разрешения торговых противоречий между США и ЕС заключается в обращении в ГАТТ и пришедшую ей на смену в середине 1990-х гг. Всемирную торговую организацию (ВТО). Выигравшая сторона получает право на торговые уступки или возмездную компенсацию торговых потерь, часто в виде повышения пошлин. Тяжбы США и ЕС составляют 20% всех споров в ВТО. Многие эксперты называют историю урегулирования в рамках ВТО историей

развития торговых отношений между США и ЕС. Европейский союз чаще выступает в качестве обвинителя, а США как защищающаяся сторона. Так, например, в 2004 г. ЕС участвовал в 29 спорах в ВТО, из которых 14 случаев приходились на долю США, в 11 случаях ЕС выступал в качестве обвинителя, и в трех – как защищающаяся сторона [7]. Решение торговых споров в рамках ВТО, даже если споры решаются в пользу США, позволяет Европейскому союзу сдерживать тенденцию к односторонности в американской торговой политике. Доля конфликтов, завершившихся значительной либерализацией торговли со стороны ответчика, увеличивается. Хотя система разбирательств в рамках ВТО подвергается серьезной критике за ее неспособность обеспечить улучшение отношений между двумя ведущими экономическими партнерами, обе стороны пока не могут предложить лучшую альтернативу.

Разногласия в политической сфере между США и ЕС не оказывают негативного воздействия на их экономические отношения, в то же время торговые конфликты нередко политизируются. С точки зрения экономических рисков торговые конфликты не представляют серьезной угрозы для дальнейшего экономического развития трансатлантических партнеров. Несмотря на рост числа конфликтов, обе стороны не стремятся доводить их до крайности. Споры решаются путем длительных переговоров и обращений с жалобами в ВТО.

Литература

1. Европейская аграрная интеграция. М., 1967. С. 141–142.

2. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1961–1963. Vol. 13. Western Europe and Canada. Wash., 1994. P. 213.

3. Statement by Christian A. Herter, Special Representative for Trade Negotiations, on Measures to Restore a Balance of Concessions in Trade between the United States and the European Economic Community. August 6, 1963. National Archive, RG 59, Box 6, Folder F1b.

4. Report of the GATT Panel on Poultry, Issued November 21, 1963 // American Foreign Policy: Current Documents. 1963. Wash., 1967. P. 464.

5. New York Times. September 8, 1963.

6. Europe, America, Bush: Transatlantic Relations in the Twenty-First Century / Ed. by J. Peterson and M. A. Pollack. L. ; N.Y., 2003. P. 42–43.

7. Henning C. R, Meunier S. United against the United States? The EU's Role in Global Trade and Finance // The State of the European Union. Vol. 7. With US or Against US? European Trends in American Perspective / Ed. by N. Jabko and C. Parsons. Oxford, 2005. P. 79–80.

Е.Ю. Лицарева
Экономический и валютный союз в условиях кризиса 2008 г. Реформирование системы ЭВС

Кризис 2008 г. стал серьезным испытанием как для Европейского Союза, так и для Экономического и Валютного Союза (ЭВС). Наиболее сильно он затронул банковскую сферу. Именно банковский сектор в развитых странах Европы, в отличие от США, был основным источником кредитования реального сектора. Потрясение банковской сферы, вызвавшее недоверие и проблему ликвидности, оказало значительно большее воздействие на экономику Евросоюза, чем США. Приходилось учитывать и то, что в Евросоюзе до недавнего времени отсутствовала четкая стратегия развития экономики и были слабы инструменты макроэкономического регулирования, что привело к длительному периоду существования бюджетного дефицита и невозможности уменьшения его расходной части по ряду экономических и социальных причин [1, с. 2; 2; 3]. В условиях мирового экономического кризиса страны-участники ЕС стали предпринимать меры как по предотвращению кризиса, так и для выхода из него и, что важно, преодоления последствий. Большое внимание уделялось анализу причин кризиса, выработке совместных рекомендаций и новых стандартов. В общей сложности с начала кризиса на поддержку населения и реального сектора было выделено более 400 млрд евро. Расходы национальных властей при этом были больше, чем доля Евросоюза в целом. В июне 2009 г. Европейский инвестиционный банк увеличил годовые объемы кредитов на национальные проекты государств ЕС и стран – кандидатов с 45 млрд. евро до 60 млрд евро [2; 4]. На координацию действий были нацелены специальные меры в рамках программы реформирования финансового сектора, предусмотренные Комиссией в специальном документе, принятом в марте 2009 г. – «Стимулирование экономического восстановления». В нем сообщалось о проведении в мае 2009 г. саммита ЕС по проблемам занятости и о подготовке рекомендаций ЕС для апрельского саммита «Большой двадцатки» в Лондоне. В рамках специального плана помощи Греции, разработанного Н. Саркози и А. Меркель и принятого на саммите ЕС в Брюсселе 25 марта 2010 г., страна получала в виде кредита одну треть предоставляемой суммы от МВФ, а две трети – от 15 участников зоны евро [1, с. 3–4; 5, с. 214].

В связи с процессом расширения в восточном направлении неотъемлемой частью экономики ЕС стала переходная экономика вновь вступивших стран, где кризис проходил иначе, чем в развитой экономике, приводя к очередному ассиметричному шоку [2]. После кризиса 2008 г. углубился разрыв в уровнях экономического развития между

странами − членами ЕС и новыми государствами. Как показала практика, любая переходная экономика на внешнее воздействие, особенно негативное, реагирует более болезненно, чем зрелая. В связи с этим правительства и финансовые институты государств, присоединившихся к Евросоюзу в ходе восточного направления процесса расширения, должны были бороться с кризисом в более сложных условиях, чем западные страны. В то же самое время развитым странам ЕС приходилось считаться с тем фактом, что в связи с данным направлением расширения переходная экономика становится неотъемлемой составляющей частью всего экономического механизма Евросоюза. При этом падение ВВП и рост безработицы наблюдались как в государствах ЦВЕ, так и на Мальте и Кипре. В Венгрии и странах Балтии ВВП сократился на 6,3%, в Эстонии – на 10,3%, Литве – на 11,0%, в Латвии – на 13,1%. Кроме того, в условиях перехода от командной экономики к рыночной, наблюдалось нарушение макроэкономического равновесия и рост инфляции. В 2006 г. средний темп инфляции составил 23,5%, тогда как в 2005 г. он равнялся 19,7%. Правда, в 2008 г. инфляция в странах Центральной и Восточной Европы сократилась до 4,7% в год, но затем она стала расти в результате повышения мировых цен на нефть и продовольствие [6; 7]. В последнее время все чаще стало высказываться мнение о необходимости приостановить процесс вступления новых членов ЕС в еврозону, в связи с событиями происходящего весной 2010 г. финансового кризиса, вызванного неспособностью Греции выполнять свои долговые обязательства. Те же евроскептики вообще предлагают не только не расширять зону евро, но и исключить из нее такие слабые государства, как Грецию, Испанию, Португалию и Ирландию (страны PIGS). Некоторые добавляют сюда еще и Италию (PIIGS). Но расширение ЕС невозможно без расширения зоны евро, ибо это порождает существование внутри Союза двух отдельных пространств – государств, входящих в еврозону, и стран, не присоединившихся к валютному союзу. После вступления еврозоны в фазу серьезного кризиса весной 2010 г. становится ясным, что без существенных изменений самой структуры управления ЭВС невозможно как эффективное управление еврозоной, так и всеми европейскими финансами. Расширенная зона евро и нарастающая дифференциации участвующих стран должна значительно усложнить управление Экономическим и валютным союзом. Тем более, что и институциональная основа ЕС была создана более 50 лет назад шестью государствами. Как показала практика, она давала сбои и в системе ЕС-12, и в системе ЕС-15. Поэтому принятие еще десяти членов, а затем еще двух без должного

реформирования организации в целом может вполне привести к определенным трудностям или парализации всей дальнейшей работы.

Финансовый кризис уже заставил внести некоторые изменения. Для того, чтобы положить конец прогнозам относительно дальнейшего падения евро и распада еврозоны, а также не допустить той ситуации, которая возникла в Греции, был разработан Европейский стабилизационный механизм [5, с. 215; 8]. 10 мая 2010 г. Европейские министры финансов утвердили решение создать стабилизационный фонд для поддержки стран еврозоны, которые не могут сами преодолеть последствия роста государственного долга. Министр финансов Испании Елена Сальгадо заявила, что с целью стабилизации финансовых систем стран-участников Евросоюза ЕС было принято решение о создании общеевропейского антикризисного фонда размером 750 млрд евро. Для финансирования стабилизационного фонда были привлечены Международный валютный фонд, который должен внести 250 млрд евро и кредиты на сумму 60 млрд евро. Также ЕС собирался задействовать двусторонние займы на сумму 440 млрд евро. Странам – членам ЕС, нуждающимся в поддержке из этих средств, предполагалось выдавать кредиты под 5%. Таким образом, механизм финансовой помощи, положенный в основу стабфонда, опирался на систему государственных гарантий, которые правительства стран ЕС предоставляют Еврокомиссии. Под эти гарантии Еврокомиссия, имеющая высший кредитный рейтинг, привлекает кредиты под низкие проценты. Средства эти направляются государствам, попавшим в затруднительное положение. Ключевым условием для получения любым государством ЕС средств из стабфонда является принятие национальной программы жесткого сокращения бюджетных расходов и оздоровления финансовой системы. Помимо этого упор был сделан и на обуздание спекулятивной игры против евро. Ключевым моментом также стало распространение вердикта 16 стан еврозоны на все 27 государств сообщества [8; 9].

Таким образом, финансовый кризис показал слабость европейского валютного союза в его нынешнем виде. В связи с этим государства-участники все чаще стали задумываться – как должно выглядеть единое экономическое управление зоны евро. До сих пор Франция предлагала наделить функциями экономического правительства регулярные саммиты европейских лидеров. Позиции Германии сводилась к стремлению сохранить независимость национальных властей, обязав их при этом законодательно соблюдать бюджетную дисциплину и поручить контроль органам власти ЕС. Париж и Берлин считали, что Евросоюзу необходим постоянно действующий механизм регулирования госбюджетов стан ЕС. Он должен предполагать контроль над бюджет-

ной политикой государств и санкции за нарушение ими установленных для еврозоны норм – вплоть до лишения страны-нарушителя права голоса в руководящих органах ЕС. В Брюсселе хотели усилить надзор не только за бюджетами, но и за операциями на финансовых рынках, что дало бы возможность реализовать еще одну спорную идею о выпуске общих облигаций еврозоны. Противники этой идеи, включая Германию, ссылаясь на ситуацию с Грецией, считали это опасным. Они полагали, что для интеграции полезнее усилить функции уже созданного в ходе кризиса европейского стабфонда [9].

В сентябре 2010 г. министры финансов стран ЕС в ходе встречи в Брюсселе утвердили создание наднациональной системы финансового контроля в ЕС, а также согласились выделить второй транш помощи Греции. При этом провалились переговоры о системе взимания общеевропейского налога с банковских операций. Андерс Борг – министр финансов Швеции, озвучив аргументы противников проекта, заявил, что введение нового налога на банковские операции негативно скажется на подоходном налоге и может заставить компании перевести свою финансовую деятельность за пределы Европы. Сторонники идеи – Франция и Германия – делали ставку на то, что налог поможет европейским странам компенсировать потраченное на спасение своих банков. В поддержку налога на банковские транзакции активно выступали и представители различных неправительственных организаций, проведя манифестацию у штаб-квартиры Еврокомиссии [9]. Президент ЕС Херман ван Ромпей заявил, что конце марта 2011 г. Европейские лидеры согласовали в Брюсселе параметры фонда финансовой стабильности (EFSF). Общие активы составят 700 млрд евро, из них 500 млрд евро – непосредственный кредитный капитал с высшим инвестиционным статусом AAA [10].

Литература

1. Буторина О.В. Антикризисная стратегия Европейского Союза: ближние и дальние рубежи // Полития. 2009. №3. URL: http://www.-mgimo.ru./files/120984.pdf

2. Шевченко Н. Эффективность антикризисной политики ЕС // Мировое и национальное хозяйство. Издание МГИМО (У) МИД России. 2009. №3–4 (10–11). URL: http://www.mirec.ru/index.php?option=-com_content&task=view&id=138

3. Буторина О.В. Евросоюз на виражах кризиса // Россия в глобальной политике. Март-Апрель 2010. №2. URL: http://www.globalaff-airs.ru/numbers/43/13577.html.

4. European Commission Economic Crisis in Europe: Causes, Consequences and Responses // European Economy. 7. 2009. URL: http://www.ec.europa.eu/economy_finance/publications/publication15887_en.pdf.

5. Европейская интеграция / под ред. О. Буториной. М., 2011.

6. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, The European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Central Bank-Second Report on the Practical Preparations for the Future Enlargement of the Euro Area {SEC(2005)1397}. URL: http://www.eurolex.europa.eu/LexUriServ.do?-uri=COM:2005:0545:FIN:EN:HTML.

7. Convergence Report of the ECB 2010. URL: http://www.ecb.int/pub/pdf/conrep/cr201005en.pdf.

8. ЕС принял решение о создании антикризисного фонда. 10.05.2010 13:13 // Финансы. URL: http://www.eurosmi.ru/es_prinyal_reshenie_o_sozdanii_antikrizisnogo_fonda.html.

9. Euronews. URL: http://ru.euronews.net/2010/05/09, 2010/06/14, 2010/09/07, 2010/10/28.

10. НТВ. URL: http://www.ntv.ru/novosti/225651/video.

Г.Ю. Миронов

Основные черты русино-украинского этнополитического конфликта

Этнополитические конфликты стали одним из глобальных вызовов на планете. Их урегулирование занимает особое место в числе наиболее актуальных вопросов современности. Такие противоречия угрожают стабильности и территориальной целостности государств, их последствия оказывают крайне негативное влияние на развитие государства и на имидж страны конфликта.

Проблема профилактики и предупреждения этнополитических конфликтов остается одним из важнейших направлений в конфликтологии. События второй половины XX и начала XXI в. опровергли прогнозы политиков и ученых о неизбежности стирания локальных и этнических различий в процессе европейской интеграции. Напротив, началось мощное возрождение этнической идентификации и роста национализма. Многие европейские государства и страны бывшего социалистического лагеря столкнулись с проблемой этнических конфликтов. Сербия, Хорватия, Румыния, Украина, Бельгия, Кипр, Франция, Италия, Великобритания, Испания стали очевидцами возникновения национальных «этнических» движений, выступающих под лозун-

гами отделения или автономизма. В некоторых странах борьба за эти цели перерастала в вооруженное противостояние. В политической науке этнополитические конфликты оцениваются как столкновения субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы, связанные с перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса государственной политики, при которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации (см.: [1]). Под понятием «этнополитическая мобилизация» понимают процесс, посредством которого группа, принадлежащая к одной этнической категории, в борьбе за политическую власть с членами других этнических групп (или государством) манипулирует этническими символами в политических целях, используя их как главный ресурс во имя обретения общей идентичности и политической организации группы [2, с. 72–73].Этнополитические конфликты вспыхивают чаще всего между меньшинством и доминирующей этнической группой, которая контролирует власть и ресурсы в государстве [3, с. 222.]. Зачастую этнические меньшинства не обладают на территории стран проживания всей полнотой политических и гражданских прав, являются объектами дискриминации по историческим, культурным, политическим, конфессиональным, экономическим, лингвистическим и некоторым другим признакам. Таким меньшинством в Украине являются подкарпатские русины, по отношению к которым проводится политика дискриминации и планомерной ассимиляции.

Сложность и острота проблемы русинского национального меньшинства в Украине и потребность ее практического решения уже давно обусловили необходимость разработки теоретических вопросов данного конфликта. Прежде всего, адекватного рассмотрения основных задач русинского движения и причин русино-украинских этнополитических противоречий. Ведь такие конфликты не всегда очевидны. На начальных стадиях, они, как правило, скрыты. Чтобы предотвратить радикализацию масс, необходимо как можно раньше распознать начало возможного конфликта.

Важнейшей причиной нарастания конфликтного потенциала во взаимодействии Киева и русинов Закарпатья является непризнание второй стороны, а соответственно, и самого конфликта. Следует подчеркнуть, что русины признаны отдельной национальностью всеми государствами, где они проживают как национальное меньшинство, кроме Украины. Там русины до сих пор считаются «этнографической группой украинцев». Этническая русинская идентификация имеет своим основанием общность культуры. Характерными признаками русин-

ского этноса являются также общая территория проживания, наличие общего исторического прошлого, русинского языка, особенностей психологии и менталитета. Общность эта осознаваема самими русинами, что находит отражение в осознании своего единства с русинскими общинами других стран и в осознании отличий от других, в том числе славянских, этнических групп. Следует, однако, отметить, что русинское национальное возрождение в Закарпатской области Украины на современном этапе не коснулось абсолютного большинства населения края.

Русины – народ центральноевропейского региона. Что интересно, их «русскость» во многом не замечает современная российская власть. Эта политика была наследована с коммунистических времен. Советских «русских» не интересовало русофильство в крае и общерусское самосознание. Русофильство тогда было приравнено к Белому движению, его носители отправлялись в ГУЛАГ (см.: [4]).

В определенной степени исторический фактор сыграл большую роль в развитии конфликта. Причины кризисной ситуации в Закарпатской области были заложены еще при присоединении Подкарпатской Руси к Украинской ССР. В межвоенный период под таким названием она входила на правах автономии в состав Чехословакии. Одним росчерком пера все русины Подкарпатской Руси были записаны украинцами. Ускоренными темпами сфальсифицировали свидетельства о рождении, по которым все жители Закарпатья родились на Украине (а не в Австро-Венгрии или Чехословакии) и поэтому являются украинцами. Все школы были срочным образом переведены на украинский язык. Для усиления украинского влияния в крае государство всячески поддерживало переселение этнических украинцев из Центральной Украины и Галичины (см.: [5]).

Фактором, который увеличивает конфликтный потенциал, можно считать и наличие ряда социально-экономических проблем. Разрушены многие отрасли народного хозяйства, промышленность, средняя и высшая школа, медицина, социальное обеспечение, наука [6]. Но экономические причины русино-украинских противоречий явно вторичны и по значимости, и по восприятию русинским и украинским народами в сравнении с идеологическими и этнополитическими проблемами.

В исследованиях этнополитических конфликтов выделяют три стадии развития [7, с. 111–112.]. На первой стадии формируется база участников, формулируется идеология, отрабатываются приемы и методы будущей борьбы, выдвигаются требования сторон. Средствами сторон конфликта являются обращения в органы государственной власти, средства массовой информации, европейские институты, организовываются многочисленные съезды. Вторая стадия этнополитическо-

го конфликта характеризуется значительным обострением ситуации: требования перерастают в статусные притязания: выдвигаются территориальные претензии, ставится вопрос о национальном самоопределении, объявляется независимость. Влиятельные люди противоборствующих этнических групп открыто говорят о несправедливости существующего положения вещей. На третьей стадии конфликт нередко перерастает в вооруженные выступления, при этом локальные столкновения могут перерасти в массовые. Обостряющим фактором является уверенность одной из сторон в том, что она сможет силовыми мерами изменить расстановку сил в свою пользу.

Таким образом, на современном этапе русино-украинские отношения уже прошли первые две стадии развития этнополитического конфликта. Русинское движение неоднократно подчеркивало именно мирный характер борьбы за свои требования. Но заявления со стороны русинских лидеров («Димитрий Сидор заявил, что русины имеют право на вооруженную самооборону») [8] и украинских националистов («Депутат Львовского городского совета от партии “Свобода” заявил, что бандеровская армия выбросит из Украины “***ую банду” и закроет рот «азиатским собакам») [9] наталкивают на мнение, что современное состояние межнациональных отношений в Карпатском регионе можно охарактеризовать как достаточно напряженное, хотя открытых массовых выступлений на этнической почве не наблюдается. Этническое противостояние носит, в основном, скрытый характер и локализуется на бытовом уровне. Недопущение открытых этнополитических конфликтов, превентивные меры по их урегулированию – вот гораздо более эффективная стратегия, чем попытки сформировать конструктивное взаимодействие сторон в рамках уже открытой фазы этнополитического конфликта [2, с. 82].

Сформулируем некоторые выводы. Русины Украины остаются угнетенным в культурно-политическом и социально-экономическом плане народом. Причины русино-украинских противоречий имеют глубокие исторические корни и уходят во времена выработки украинства как идеологии и во времена присоединения Подкарпатской Руси к Украинской ССР. Исторические аспекты межэтнических отношений и несправедливость в прошлом во многом предопределили обоюдное негативное восприятие сторон. Русино-украинский этнополитический конфликт при неблагоприятном стечении обстоятельств может иметь высокую степень напряженности в связи с продолжением политики дискриминации и ассимиляции русинского этнического меньшинства.

Для урегулирования противоречий необходимо желание сторон решать данный вопрос. На данном этапе большое значение в решении

русино-украинских противоречий имеет признание русинов не объектом управления, а субъектом, осознавшим свой групповой интерес, и с которым необходимо вести диалог.

Литература

1. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. М., 2005.
2. Ланцов С. Политическая конфликтология. СПб., 2008.
3. Степанова Е.И. Конфликты в современной России (проблемы анализа и урегулирования). М., 2000.
4. Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006.
5. Годьмаш П., Годьмаш С. История республики Подкарпатская Русь. Ужгород, 2008.
6. Из интервью автора с премьер-министром непризнанной республики Подкарпатская Русь П. Гецком 12.05.2010 (Личный архив).
7. Тураев В. А. Этнополитология. М., 2004.
8. URL: http://rusinistika.com/news/d_sidor_spravedlivo_zajavil_-chto_rusiny_imejut_pravo_na_vooruzhennoe_soprotivlenie/2011-01-05-104.
9. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1364246.htm.

А.Ю. Полтораков
Кавказ преткновения: «мягкое подбрюшье» Евразии? (Уроки саммита ОБСЕ в Астане, декабрь 2010 г.)

Если можно вести переговоры после войны,
почему нельзя вести их до и вместо войны?
Абба Эбан, израильский политик

Только время улаживает конфликты,
но ему необходимо помочь.
Уильям Зартман, американский ученый

До последнего времени Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе пребывала в тени таких мощных международных структур как НАТО, ЕС, ОДКБ и иже с ними. Порождение «холодной войны» и блокового противостояния с трудом приспосабливалось к новым реалиям эпохи «постбиполярности», в которой проблема международных конфликтов приобрела принципиально новые измерения.

Достаточно осторожная позиция, занятая НАТО и ЕС по проблеме грузино-российского конфликта (август 2008 г.), не только поставила под сомнение эффективность функциональных механизмов «кризис менеджмента», но и существенно подорвала международно-политический авторитет этих структур. Аналогично, инертность ОДКБ в реакции на трагические события в государстве – члене Организации

Киргизии (июнь 2010 г.) также заставила усомниться в реальной дееспособности «Ташкентского пакта» в вопросах реагирования на гуманитарно-политические кризисы.

Все это опосредованно повлияло на общую проблему реконструирования системы европейской безопасности и, в частности, предоставило дополнительный шанс таким структурам как ОБСЕ усилить свои международно-политические позиции в сфере регулирования таких международных проблем, как конфликты на Кавказе.

Немалые надежды в «кавказском вопросе» возлагались на саммит, проводимый председательствующим в ОБСЕ Казахстаном в своей столице Астаны 1–2 декабря 2010 г. Он должен был стать чем-то вроде «финального удара в литавры», завершающего президентство в ОБСЕ Казахстана – первого постсоветского государства на этом высоком посту. Действительно, с 1999 г. – когда был проведен масштабный Стамбульский саммит – встреч такого уровня (да еще и на «не совсем европейской» территории!) в ОБСЕ не было.

Представители 56 стран-членов ОБСЕ планировали принять политическую Декларацию и План действий, дающие адекватные практические ответы на существующие вызовы и угрозы на пространстве от Ванкувера до Владивостока…

Кавказ преткновения: «мягкое подбрюшье» Евразии

В свое время У. Черчилль назвал Балканы «мягким подбрюшьем Европы». Экстраполируя геополитический афоризм великого британца на нынешнюю ситуацию, можно утверждать, что сейчас «Кавказ – мягкое подбрюшье Евразии».

Действительно, на саммите ОБСЕ именно «кавказская тема» вызвала наиболее острую полемику – при том, что практически никто из участников саммита не сомневался в том, что какого-либо прорыва «на кавказском направлении» ожидать по меньшей мере преждевременно. Тем не менее, как констатировала предварительная повестка дня, европейские стороны заблаговременно «договорились поговорить» о непростой ситуации в одном из наиболее проблемных (вместе с Балканами) субрегионе «большой Европы».

Так, после встречи сопредседателей Женевских дискуссий в Цхинвале (8 декабря 2010 г.) тогдашний Специальный представитель Действующего Председателя ОБСЕ по урегулированию затяжных конфликтов Б. Нургалиев оптимистически спрогнозировал, что заявление М. Саакашвили на саммите ОБСЕ в Астане об отказе от использования силы для решения проблемы территориальной целостности позволит начать работу над совместным документом о ненападении:

«Я думаю, международные организации, в которые было направлено обращение, соответствующим образом его зафиксируют, и на основе реальных документов мы продолжим работу над документом о неприменении силы». Спецпосланник ЕС Пьер Морель поддержал эту точку зрения: «Заявление Саакашвили – предмет и базис для будущей работы».

Однако Москва заблаговременно дала понять, что не собирается обсуждать проблему территориальной целостности Грузии. Соответственно, на саммите ОБСЕ не удалось договориться не только по Плану действий, но даже по части текста Декларации, посвященной проблеме Грузии.

Россия также «обошла вниманием» настоятельные призывы представителей государств ОБСЕ, в том числе госсекретаря США Х. Клинтон, допустить в Южную Осетию миссию наблюдателей Организации.

Лидеры ряда европейских стран в своих выступлениях неоднократно указывали России на необходимость выполнения августовского соглашения о прекращении огня и открыто заявляли, что признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии было серьезной ошибкой.

В этом контексте Россию фактически неофициально «назначили виновной» в неудачах «кавказского диалога» ОБСЕ, и президенту Д. Медведеву, а за ним и министру С. Лаврову пришлось досрочно покинуть мероприятие, поставив под угрозу его финальную часть – принятие и подписание Общей декларации Саммита.

«Мы готовы в итоговых документах саммита активно и в деталях поддержать работу Женевских дискуссий. Но мы не можем согласиться с тем, что эти дискуссии посвящены «конфликтам в Грузии», как это предлагают сделать некоторые наши западные коллеги», – пояснял глава МИД РФ.

Более успешными, на первый взгляд, могли показаться предпринятые на саммите шаги в направлении урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Во время саммита было распространено заявление от имени президентов Азербайджана и Армении, а также глав делегаций государств сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Однако во время Саммита так и не состоялось ожидаемой многими встречи двух президентов. Заявление без проведения встречи стало четким сигналом того, что стороны все еще далеки от консенсуса.

Дополнительную остроту ситуации придавала позиция Армении, в резкой форме выступавшей против упоминания принципа территориальной целостности и нерушимости границ в любой части проекта политической Декларации саммита (вне контекста урегулирования конфликта), необходимости возвращения беженцев и перемещенных

лиц, сохранения памятников культуры и религии в зонах конфликтов – в то время как все другие государства ОБСЕ не возражали против включения этих основополагающих постулатов в текст Декларации.

Угроза блокирования консенсусного принятия Декларации саммита (о Плане действий речь тем более не шла!) российской и армянской сторонами привела к тому, что в итоговый документ вошел лишь достаточно безликий пассаж о том, что «необходимо усилить работу по разрешению существующих конфликтов на пространстве ОБСЕ путем мирных переговоров в рамках общепринятых форматов, с соблюдением норм и принципов международного права, зафиксированного в уставе ООН и в Хельсинкском заключительном акте».

В своем заявлении Действующий председатель ОБСЕ – глава МИД Казахстана К. Саудабаев разделил выраженное большинством разочарование, что не было достигнуто большего в решении наиболее важных вопросов, включая неурегулированные конфликты. На фоне продолжающегося злоупотребления принципом равноправия и право народов распоряжаться своей судьбой в контексте урегулирования затяжных конфликтов, он далее отметил, что все десять принципов, изложенные в Хельсинском Заключительном Акте, имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других. (Статья VIII Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях Хельсинского Заключительного Акта от 1975 г. определяет, что государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами Устава ООН и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств.)

Несложно догадаться, что казахский дипломат прозрачно намекал на невозможность самовольно передвигать пограничные столбы в XXI в.

Таким образом, Саммит завершился не более чем переподтверждением принципов ОБСЕ. Ожидаемый План действий не был принят, а в процессе согласования самой Декларации саммита, продолжавшемся более 12 часов, практически все конкретные моменты были выхолощены заинтересованными в этом сторонами.

Делегации разъехались с Саммита ОБСЕ в Астане с теми же проблемами с которыми приехали, однако мероприятие все же стало очередным шагом на пути минимизации конфликтогенного потенциала на общеевропейском пространстве.

С января 2011 г. страной-председателем ОБСЕ становится Литва. Ее президент Даля Грибаускайте уже на саммите в Астане сформулировала задачи на время председательства. Она намерена добиться подвижек в решении затяжных конфликтов: «Я полагаю, мы можем оказать помощь в достижении прогресса по Молдавии, Грузии, Нагорному Карабаху», – сообщила она, пообещав установить тесный контакт с этими странами и выслушать точки зрения каждого из фигурантов этих затяжных замороженных конфликтов. Также новый лидер ОБСЕ видит приоритетными задачи развития демократических процессов на пространстве ОБСЕ и защиту от киберугроз.

Вместо выводов

Есть все основания полагать, что Украина, к которой – после Литвы (2011 г.) и Ирландии (2012 г.) – перейдет в 2013 г. пост председателя ОБСЕ, придет к этому событию не с пустыми руками.

В частности, Украина могла бы внести свой вклад в урегулирование «замороженных конфликтов» путем реализации инициатив, основанных на положениях Совместной Декларации глав государств ГУАМ по вопросу урегулирования конфликтов [1]. Так же Украина, реализуя политику внеблоковости в институциональной плоскости, могла бы способствовать предотвращению превращения ОБСЕ в инструмент «большой политики» геостратегических блоков, могущий существенно осложнить бы разрешение региональных конфликтов. Подобная «превентивность» видится существенным практическим вкладом в реализацию концепции «неделимости безопасности» ОБСЕ и минимизации общего уровня конфликтности в регионе.

Смеем надеяться, что Украина сможет добиться реальных успехов в процессе обеспечения максимально эффективной деятельности ОБСЕ, практически подтвердив тем самым свою международно-политическую репутацию перспективного субрегионального лидера, «донора» региональной безопасности и эффективного «кризис-менеджера».

Литература

1. Совместная Декларация глав государств Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ по вопросу урегулирования конфликтов. URL: http://guam-organization.org/en/node/572.

В.В. Серов

Типология политических конфликтов в ранней Византии

Современная конфликтология выделяет, кроме прочих, политические конфликты. Последние могут быть классифицированы поразному, однако наиболее интересны классификации по территориальному принципу (внутриполитические и внешнеполитические конфликт) и по характеру предмета конфликта (конфликты интересов, статусно-ролевые конфликты, конфликты ценностей и идентификации) [1, с. 302]. Предложив ту или иную типологию в качестве нового метода исследования конфликтов в любую историческую эпоху, мы получим интересные результаты, способные стимулировать процесс изучения политической истории. Возьмем в качестве иллюстрации ранневизантийскую эпоху (IV–VII вв.), насыщенную разнообразными конфликтными ситуациями.

В настоящее время типология конфликтов в историографии византийской истории не проведена; интерес специалистов сосредоточен на отдельных видах конфликтов вне полной их классификации [2–5]. Таким образом, очевидна необходимость в обобщающей работе по столь важной теме, которая была бы осуществлена на обновленной методологической основе.

Периоду ранней Византии были известны следующие внутриполитические конфликты:

1. Конфликты интересов.

Представляют собой столкновение претензий, выдвигавшихся крупными социально-политическими силами страны, в отношении политического курса императорского правительства. Основными претендентами на формирование и осуществление заданного курса внутренней политики империи в историографии признаются землевладельческая знать сенаторского типа префектуры Восток и торгово-ростовщическая верхушка крупных городов, прежде всего Константинополя. Конфликт их интересов в отношении власти пронизывает всю ранневизантийскую историю, находя зримое воплощение в борьбе цирковых партий (венетов и прасинов), а также в борьбе крупнейших течений христианской религии (монофизитстве и халкедонизме).

2. Конфликты статусов.

Более разнообразные и, вместе с тем, менее значительные по своим последствиям для судеб страны конфликты. К ним типологически можно отнести:

а) противоборство внутри военно-служилой придворной знати (борьба за влияние на правящего императора со стороны гражданских

сановников и военного истеблишмента, проходившая с переменным успехом и результировавшаяся в попеременном увеличении реальных управленческих полномочий у одной из групп);

б) противоборство патриархий (соперничество по поводу старшинства в иерархии крупнейших центров христианской церковной организации – Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима; с конца IV в. этот вид конфликта разделился надвое: среди претендентов на супрематию в христианском мире остались Рим и Константинополь, а прочие патриархии продолжили соперничество между собой за менее значимые статусы);

в) возмущения социальных низов (борьба нижних или средних слоев общества за сохранение утрачиваемого статуса; наиболее ярким примером создания конфликтных ситуаций такого рода можно признать деятельность правительства в отношении сословия куриалов, а также, вообще, – государственную политику по изменению статуса позднеантичного полиса).

3. Конфликты ценностей и идентификации. Это наиболее спорный пункт в классификации внутриполитических конфликтов, так как он отчасти совпадает с предыдущим пунктом и может быть с ним объединен. Тем не менее в византинистике специальное внимание уделяется теме идентичности различных этнических, социальных и религиозных групп жителей империи («варваров», находившихся на императорской службе, поселенцев, религиозных меньшинств – самаритян, к примеру, или иудеев). Особое место в историографии занимает проблема идентичности старой сенаторской аристократии, оттесненной на обочину истории процессом развития византийского общества. Этот вид конфликтов – наименее явный, хотя изредка и проявлявшийся весьма ярко, в виде попыток государственного переворота или участия конфликтного субъекта в восстаниях в качестве организатора, реального или мнимого лидера.

Внешнеполитические конфликты эпохи ранней Византии как объект исследования представляют не меньший интерес с точки зрения классификации, несмотря на кажущуюся изученность фактического материала и уже имеющийся опыт обобщения полученных исследовательских результатов, среди которых, к примеру, выделение во внешней политике Византии сферы дипломатии [6–8]. Необходимость развития данного направления диктуется, как и в случае с внутриполитическими конфликтами, незавершенностью классификации, узкой направленностью специальных исследований и отсутствием обобщающих работ по типологии международных конфликтов.

Можно обозначить следующие типы международных конфликтов с участием Ранневизантийского государства:

1. Войны (вооруженные конфликты с другими государствами, например, Ираном).

2. Противостояние с враждебными «варварскими» народами. Последние проявляли свою враждебность, главным образом, посредством грабительских вторжений на территорию Византии. От войн подобные действия отличались меньшей организованностью, меньшей продолжительностью и, как правило, отсутствием политических претензий. По мере создания конкретным «варварским» этносом собственной государственности конфликты этого типа переходили в стадию войн (наиболее яркий пример – эволюция взаимоотношений ранней Византии и аварского союза племен во второй половине VI в.).

Предпринятую попытку типологизации следует рассматривать в качестве первого шага в работе по обобщению накопленного наукой опыта исследования политических конфликтов поздней античности и раннего средневековья. Она демонстрирует актуальность такой работы и, вместе с тем, обнаруживает потребность в совершенствовании имеющейся в конфликтологии классификации политических конфликтов, которая, чтобы стать более объективной, должна учитывать не только современный, но и отдаленный исторический опыт.

Литература

1. Конфликтология: учебник для студентов вузов / под ред. В.П. Ратникова. М., 2009.

2. The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / ed. by A. Momigliano. Oxford, 1964.

3. Козлов А.С. Содержание конфликта Аспара и Льва I // Античная древность и средние века. Вып. 11. 1975. С. 110–123;

4. Козлов А.С. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395–399 гг. // Античная древность и средние века. Вып. 13. 1976. С. 68–82.

5. Кривушин И.В. История между порядком и хаосом: концепция политических конфликтов Феофилакта Симокатты. Иваново, 1996.

6. Miller D.A. Studies in Byzantine Diplomacy: Sixth to Tenth Centuries. A thesis submitted… for the degree of Doctor of philosophy. New Brunswick (New Jersey), 1963.

7. Byzantine Diplomacy: Papers from the Twenty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies (Cambridge, March 1990) / ed. by J. Shepard and S. Franklin. Aldershot, 1992.

8. Удальцова З.В. Внешняя политика Юстиниана. Попытки реставрации Империи на Западе. Войны с Ираном. Византийская дипломатия // История Византии : в 3 т. М., 1967. Т. I. С. 298–336.

А.В. Сковородников
Дейтонские соглашения и завершение гражданской войны в Югославии

После завершения Второй мировой войны и создания Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений Югославия стала крупнейшим государством Балканского полуострова. Государство представляло собой многонациональное и многоконфессиональное образование, что естественно порождало множество конфликтных ситуаций внутри страны. Югославия была точкой соприкосновения трех культур, которые можно условно определить как славянско-православную (сербы, черногорцы, с оговорками – македонцы), европейско-католическую (или среднеевропейскую – хорваты и словенцы) и исламскую (боснийцы-мусульмане и албанцы). Раздираемое противоречиями государство, долгие годы скрепляемое железной рукой И. Тито, постоянно подвергалось давлению извне. Находясь между СССР и США в контексте глобального противостояния двух противоположенных систем, официальный Белград вынужден был умело маневрировать. Именно это обстоятельство долгое время поддерживало жизнеспособность Югославии.

Начало распада Югославии предваряло в том числе крушение СССР, а также завершение «холодной войны». Длительные переговоры между главами югославских республик ни к чему не привели. За идею распада «своего любимого детища» были все силы Запада. После этого началась длительная кровопролитная гражданская война, ставшая трагедией для многих народов данного региона.

Упрощенная трактовка этих событий сводится к тому, что сербы воевали против всех остальных и чуть ли ни против всего мира. Данная точка зрения базируется на том, что крайними в условиях распада государства оставались именно сербы. Они проживали во всех республиках бывшей Югославии, и в новых национальных государствах оставались в меньшинстве. В 1991 г. все страны Запада признали независимость Словении, Хорватии, затем Боснии и Герцеговины. В этой ситуации сопротивление сербов не заставило себя ждать. На территории Хорватии возникла Республика Сербская Краина, на территории Боснии – Республика Сербская, во главе с Р. Караджичем. Лидер Югославии Милошевич активно морально и материально поддерживал все эти действия сербов. Более тщательный анализ имеющейся информации позволяет увидеть ряд серьезных разногласий и среди руководителей, представлявших интересы сербов в конфликте. Показательным

примером являются Дейтонские соглашения, которые можно считать одной из первых удачных попыток на дипломатическом уровне урегулировать противостояние.

На протяжении всех лет конфликта международным сообществом предпринимались усилия найти компромиссный выход из ситуации. Дипломатический процесс сводился к следующему: работала Контактная группа по Боснии и Герцеговине в составе России, США, Германии, Франции, Великобритании, но их деятельность не привела к какому-либо положительному результату. Поскольку ни ООН, ни ЕС не смогли добиться успеха, инициативу окончательно перехватили США. Под их эгидой и начинается новый этап переговоров.

Переговоры проходили на базе ВВС США в Дейтоне (штат Огайо) в ноябре 1995 г. Контакты стали проводиться по схеме: Сербия – Хорватия – Босния и Герцеговина, где боснийскую сторону представляли мусульманские лидеры республики. Руководство же боснийской Сербской республики из этого процесса было исключено. В результате были достигнуты договоренности по территориальному разделению, военным аспектам урегулирования (развод войск, прекращение военных действий, размещение войск НАТО), вопросам государственного строительства. Соглашение было парафировано 21 ноября 1995 г. лидером боснийских мусульман А. Изетбеговичем, президентом Сербии С. Милошевичем, президентом Хорватии Ф. Туджманом, странами-гарантами: США, Россией, Германией, Великобританией и Францией и представителем Евросоюза. Оно вступило в силу после его подписания 14 декабря 1995 г. в Париже.

Данные договоренности по-разному оцениваются в зависимости от национальной и политической принадлежности авторов, а также из-за неоднозначной трактовки последующих событий.

Соглашение состоит из общей части и одиннадцати приложений, в которых излагается суть достигнутых договоренностей: I.A. Соглашение о военных аспектах мирного урегулирования; I.B. Соглашение о региональной стабилизации; 2. Соглашение о линии разграничения между образованиями и связанных с этим вопросах; 3. Соглашение о выборах; 4. Конституция Боснии и Герцеговины; 5. Соглашение об арбитраже; 6. Соглашение о правах человека; 7. Соглашение о беженцах и перемещенных лицах; 8. Соглашение о Комиссии по охране национальных памятников; 9. Соглашение об учреждении публичных корпораций БиГ; 10. Соглашение о гражданских аспектах мирного урегулирования; 11. Соглашение о специальных международных полицейских силах. Документ включает также карты территориального размежевания.

Приложения к Соглашению можно условно разделить на две части: блок военных проблем и проблемы гражданского урегулирования.

Для поддержания военного перемирия на территорию Боснии и Герцеговины вводились многонациональные Силы по стабилизации под командованием НАТО – 60 тысяч солдат, почти половина из которых американцы. На Силы по стабилизации (IFOR, затем SFOR) возлагалась обязанность контроля за разведением конфликтующих сторон, соблюдения границ их разъединения. Международным силам предоставлялись все полномочия по контролю за выполнением соглашения. В реализации военного компонента мирного соглашения до июня 2003 г. участвовал и российский воинский контингент численностью более 1 тысячи человек.

В соответствии с Дейтонским соглашением, новым официальным названием страны стало «Босния и Герцеговина» (БиГ). Она стала правопреемницей Республики БиГ. Сербы получили 49% территории, мусульмане и хорваты – 51%. Столицей осталось Сараево.

Согласно Конституции, являющейся составной частью мирного соглашения, БиГ состоит из двух административно-территориальных образований (энтитетов): Федерации БиГ (мусульмано-хорватской) и Республики Сербской. Это союз двух территориальных образований, имеющих обособленное положение.

Дейтонская модель предполагает сложную систему власти, учитывающую интересы трех государствообразующих народов – боснийских мусульман (бошняков), сербов и хорватов.

Коллективным главой государства является Президиум БиГ, состоящий из трех членов – по одному представителю от каждого из трех государствообразующих народов [1].

Именно этот документ и по сей день является той основой, на которой строятся взаимоотношения в регионе. Большую роль в подписании договоров сыграл С. Милошевич, возглавлявший сербскую делегацию. Он занял прозападную позицию, согласился со всеми требованиями США, делал уступки по важнейшим вопросам. Трезво ли оценивал ситуацию Милошевич, брал ли во внимание мировой расклад сил, или он руководствовался высшим смыслом национальных интересов, а может, им просто двигали личные амбиции? Однозначно на этот вопрос ответить сложно. Запад, конечно, оказывал на него сильное давление, угрожая восстановлением санкций против СРЮ. Напоминаем, в 1993 г. Югославия оказалась под режимом международных санкций. Для страны, вся экономика которой строилась с ориентацией на экспорт, режим санкций имел катастрофические последствия. В 1993 г. страну охватила гиперинфляция, появились очереди за хлебом. Помя-

туя об этом и надеясь на получение ряда политических и дипломатических дивидендов, С. Милошевич даже не пытался что-либо возразить. В результате боснийские сербы получили гораздо меньше того, на что могли рассчитывать, и что им было обещано. Сам С. Милошевич тоже лишился поддержки США, которые просто использовали его в своих интересах. Так что он оказался между двух огней: американцы продолжали считать его своим врагом, а боснийские сербы расценили его действия как предательство. Пока Милошевич, пусть даже непоследовательно, отстаивал национальные интересы, народ был готов сносить тяжесть экономического кризиса. Если прежде долгое время Милошевич был символом героизма и защитником сербского народа, то постепенно его образ трансформировался в нечто противоположное.

Трагизм ситуации для всех югославянских народов в том, что соглашения в Дейтоне не поставили точку в многолетнем военном конфликте. Это была лишь небольшая передышка, ставшая вскоре основой для дальнейшего еще более жесткого противостояния. Дробление Югославии и превращение ее правопреемника на международной арене – Сербии, в государство-изгой стало логичным продолжением ущемления интересов одних в угоду другим. Больше всех в этой ситуации выиграли США и НАТО. Соглашения были подписаны под прямым нажимом с их стороны. В результате НАТО увеличило свои полномочия и расширило зону влияния. США теперь могли вмешиваться в любой конфликт, они показали европейским странам, что без их помощи они не справляются со своими проблемами. В данном случае это вовсе не идеологический штамп, это скорее констатация реального положения вещей.

Таким образом, Дейтонские соглашения подвели определенный промежуточный итог в конкретном локальном конфликте на Балканах и стали прологом для глобального изменения положения различных государств на международной арене. Далеко идущие последствия переговоров ноября – декабря 1995 г. ощутимы и на сегодняшний момент.

Литература

1. Соглашение о мире в Боснии и Герцеговине 1995 года. Справка. URL: http://www.rian.ru/spravka/20101121/296950694.html.

О.Ю. Смоленчук

Основные проблемы внешней политики Нидерландов в июне – декабре 1991 г. в решении Югославского кризиса

На время, когда Нидерланды заняли кресло Председателя Европейского Сообщества во второй половине 1991 г., пришлось значительное количество событий международной жизни, которые стали испытанием на прочность для многих действующих лиц европейской политики. Крушение Берлинской стены и объединение Германии, развал Советского Союза и окончание «холодной войны», возникновение новых государств на международной арене – все это влияло на решения, принимаемые Министерством иностранных дел Нидерландов. Особую значимость приобрел тогда Югославский вопрос и будущее республик, входивших в состав Союзной Федеративной республики Югославии (СФРЮ). Сама ситуация, складывающаяся на Балканах, стала «тестом на самостоятельность» для Европы в способности преодолеть этот кризис [1, с. 256].

В правительстве, возглавляемом христианским демократом Рудом Любберсом, пост министра иностранных дел занимал Ханс ван ден Брук. Это было хорошей иллюстрацией того, что Королевство Нидерландов продолжает вести внешнюю политику в рамках атлантизма, основы которой были заложены в момент создания Североатлантического Альянса и усиления его роли на Европейском континенте. Такой факт объясняется еще и тем, что сам Ван ден Брук являлся ярым поборником атлантистских идей и поддержания стратегических отношений с Соединенными Штатами.

Как отмечает голландский ученый Норберт Бот, в течение второй половины 1991 г. внешняя политика Нидерландов представляла собой движение от «беспристрастности» к «избирательности». Первоначальный подход «беспристрастности» имел отношение ко всем сторонам Югославской Федерации, но был неэффективным по отношению к самому агрессивному участнику конфликта, Сербии. В результате внешняя политика постепенно меняет свое направление и от «беспристрастности» переходит к «избирательному подходу», который направлен, прежде всего, против Республики Сербии и Югославской народной армии (ЮНА), которая несанкционированно вторглась на территорию Словении в июне 1991 г.

Хотя голландская внешняя политика находилась под контролем внешнего воздействия, но все же, по мнению Н. Бота, Нидерланды учитывали и свои интересы:

1) приверженность Европейскому Сообществу, дальнейшее следование интересам ЕС и подписание будущего акта о Европейском политическом союзе;

2) председательство в Европейском Сообществе должно было быть определено впоследствии в положительном ключе;

3) важный институциональный интерес заключался в продолжающемся лидерстве НАТО и США на европейском континенте [2, с. 102].

Касательно вопроса о будущем Европейского Сообщества нужно выделить следующее. Нидерланды пугало объединение Германии, так как появлялся еще один крупный игрок на международной арене, и ось Франция–Германия вполне могла подмять под себя другие страны и снизить влияние в Европе Великобритании, которую исторически поддерживала Голландия. В интересах голландской внешней политики было удобнее, чтобы, во-первых, объединение Германии носило не только военный характер (через членство в НАТО), но также осуществлялось через включение страны в экономические западные объединения. Во-вторых, путь к Европейскому политическому союзу должен идти через решение экономических вопросов и снятие барьеров к свободной торговле, тем самым, стимулируя голландский экономический рост [3, с. 198].

К осени 1991 г. Нидерланды подошли со следующими вопросами: 1) рассмотрение проекта Союзного договора о единой Европе (Договор о создании Европейского Союза), и 2) решение ситуации на Балканах. Хотя принятая в Бриони в июле 1991 г. Декларация устанавливала трехмесячный мораторий для Хорватии и Словении на выход из Югославии, необходимо было урегулировать в дальнейшем вопрос об установлении Миссии Европейских наблюдателей вместо французского предложения о военном вмешательстве под эгидой Западного Европейского Союза и о будущей работе Европейской Конференции по бывшей Югославии (в дальнейшем Международная Конференция по бывшей Югославии – МКБЮ). Как отмечают многие ученые, в том числе профессор Е.Ю. Гуськова, в это время свою деятельность активизировала Германия в лице министра иностранных дел Ганса-Дитриха Геншера, который вскоре после встречи в Бриони настаивал на «раннем признании» независимости отдельных республик, входящих в СФРЮ [4, с. 333].

В обсуждении договора о Европейском Союзе к началу сентября голландский вариант проекта предусматривал создание неразделенной, унитарной структуры с делегацией таких важных проблем, как единая внешняя политика и политика безопасности, вопросы миграции и беженцев на наднациональный уровень существующих органов Ев-

ропейских Сообществ. Позиция Европейской Комиссии была бы усилена, а деятельность Европейского Парламента расширена. С другой стороны, принятие решений в области внешней политики и политики безопасности, как и в области юстиции, должно было остаться на межгосударственном уровне, с одним лишь примечанием: политика безопасности будущего Союза должна быть связана с НАТО, а деятельность Европейского Совета в сфере общей внешней политики должна быть ограничена [5, с. 323]. Однако идеи Нидерландов не были поддержаны всеми двенадцатью странами–членами на конференции министров в Брюсселе 30 сентября 1991 г. Лишь только Бельгия и Европейская Комиссия высказались «за» предложения, выдвинутые Нидерландами. В истории голландской внешней политики этот день известен как «черный понедельник», ставший отправной точкой для ее переориентации [5, с. 324]: Нидерланды больше не пытались идеализировать способность европейских стран совместно подходить к решению проблем и адекватно отвечать на изменения, происходившие в Восточной Европе. Прежде всего, это касается франко-германских двухсторонних инициатив, а именно: давление Германии на другие страны в признании независимости Хорватии и Словении, а также идеи Франции о военном вмешательстве под началом Западного Европейского Союза [2, с. 137]. Тем не менее за время председательствования Нидерландов во главе Европейского Сообщества были предприняты попытки разработки и реализации общей внешней политики, пусть и не всегда успешные.

Особую значимость действия внешнеполитического ведомства Нидерландов приобретают в октябре-декабре 1991 г. в период так необходимого урегулирования Югославского кризиса. 8 октября объявила о своей независимости Словения и Хорватия, а 15 октября Скупщина Боснии и Герцеговины приняла Меморандум о суверенной Боснии и Герцеговине [5, с. 326]. В это время голландская внешняя политика в своих решениях окончательно переходит к принципу «избирательности», подчеркивая свое желание не учитывать интересы Сербии в качестве одной из сторон переговоров в принятии проекта по урегулированию Югославского кризиса. Прежде всего, это касалось плана лорда Питера Каррингтона, одного из первых сопредседателей от Европейского Сообщества в МКБЮ. Согласно этому плану, предлагалось признать суверенитет и независимость республик Югославии как новых балканских государств [4, с. 336]. Во-вторых, в декларации, принятой на встрече 28 октября министров иностранных дел Европейского Сообщества, говорилось, что если «Сербия не принимает план лорда Каррингтона, то в дальнейшем Конференция [по бывшей Югославии]

будет иметь дело только со странами-партнерами, а страны-непартнеры могут ожидать ограничительные меры со стороны ЕС и его членов» [2, с. 128]. Третьим документом явился меморандум директора Департамента по политическим делам Питера ван Валсума от 19 ноября 1991 г. Ван ден Бруку, где он делал предложение об «антисербской избирательности» в голландской политике [2, с. 129].

Дальнейшие переговоры в рамках ЕС, НАТО и МКБЮ, а также эскалация военных действий в Хорватии (падение Вуковара 18 ноября 1991 г. и последующие атаки ЮНА на Осиек) привели к тому, что 16 и 17 декабря 1991 г. в Брюсселе на встрече министров иностранных дел ЕС было принят документ об условиях признания новых государств на территории Восточной Европы и Советского Союза [6]. В частности, говорилось о том, что Европейское Сообщество вернется к этому вопросу на встрече 15 января 1992 г. [7], но уже 18 декабря 1991 г. Германия в одностороннем порядке объявила о признании независимости Словении и Хорватии.

Ясно, что решения, принятые 16 и 17 декабря 1991 г., являются самыми важными из политических решений по Югославскому кризису в рамках международной дипломатии за период Председательства Нидерландов в ЕС. Можно выделить несколько факторов, повлиявших на решения Голландии во второй половине 1991 г. Среди них Н. Бот называет отсутствие прямого воздействия США на переговорный процесс [2, с. 136]. Ван ден Брук и Ван Валсум проводили неофициальные встречи с Государственным департаментом США в начале июля 1991 г. в Вашингтоне, но они носили консультативный характер, а США ограничили себя в выражении однозначного мнения [2, с. 103]. Отчасти из-за дистанцирования США от этого вопроса, основные принципы для международного режима с общими нормами, правилами и процедурой принятия решений разрабатывало ЕС. Во-вторых, для такого малого государства, как Нидерланды, найти компромисс и оказывать влияние на международные процессы было намного легче в среде с одним лидером, чем в мультиполярной среде, где лидерство делят несколько акторов. В данном случае таким лидером стало Европейское Сообщество. Третьим является то, что к концу 1991 г. усиливающийся Югославский кризис представил возможность для Европы проводить единую внешнюю политику [2, с. 136].

Таким образом, роль, которую выполняло Королевство Нидерландов на месте Председателя ЕС во второй половине 1991 г., являлась значительной. Несмотря на огромное влияние внешних факторов на деятельность министерства иностранных дел Нидерландов, оно вело свою деятельность, прежде всего, в рамках своего интереса и привер-

женности европейским совместным инициативам, включая подходы к решению Югославского вопроса.

Литература

1. Srebrenica: «A Safe Area». Nederlands Instituute voor Oorlogsdocumentatie (Netherlands Institute of War Documentation). Amsterdam, 2002. URL: http://www.srebrenica.nl/Content/NIOD/English/-srebrenicareportniod_en_part01.pdf (дата обращения 13.02.2011).

2. Both N. From Indifference to Entrapment: the Netherlands and the Yugoslav Crisis, 1990–1995. Amsterdam. 2000.

3. Andeweg Rudy B., Irwin Galen A. Governance and Politics of the Netherlands (Comparative Government and Politics). Basingstoke [etc.]. 2002.

4. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1999–2000). М., 2001.

5. Hellema Duco A. Dutch Foreign Politics. The Role of the Netherlands in World Politics. Dordrecht, 2009.

6. Declaration on the Guidelines on the Recognition of the New States in Eastern Europe and in the Soviet Union. European Journal of International Law. 1993, Vol. 4, No. 1. URL: http://207.57.19.226/journal/Vol4/-No1/art6.html (дата обращения 7.04.2011).

7. Declaration on Yugoslavia (Extraordinary EPC Ministerial Meeting, Brussels, 16 December 1991). European Journal of International Law. 1993. Vol. 4. No. 1. URL: http://207.57.19.226/journal/Vol4/No1/art7.html (дата обращения 7.04.2011).

Секция 3. АКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ РОССИИ С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

А.М. Бетмакаев

Когда же закончилась «холодная война»? К вопросу о хронологических рамках конфликта Запада и Востока во второй половине XX в.

21 ноября 1990 г. 22 страны Европы, а также Соединенные Штаты и Канада подписали Парижскую хартию, в которой заявили, что «эра конфронтации и раскола в Европе закончилась» [1]. Общеевропейский форум в Париже в ноябре 1990 г. формально завершил «холодную войну». Официальное завершение конфликта между Востоком и Западом, однако, не было принято историками международных отношений в качестве единственного ответа на вопрос, когда же закончилась «холодная война». До сих пор в современной отечественной и зарубежной историографии отсутствует общепринятое мнение не только о начале, но и об окончании биполярной конфронтации. Целью данного исследования является анализ ответов на вопрос о дате окончания «холодной войны», которые были даны политическими деятелями и историками в последние 20 лет.

За два десятилетия прозвучавшие ответы можно сгруппировать в две группы. Первая группа объединяет ответы, которые в качестве конца «холодной войны» называют конкретную дату. Вторая группа состоит из ответов, которые рассматривают окончание «холодной войны» как многолетний процесс, состоявший из нескольких этапов.

Первый подход был и первым в историографии вопроса. И первыми поспешили дать свою оценку происходящим переменам в международных отношениях после прихода М.С. Горбачева к власти в СССР в 1985 г. политические деятели по обе стороны Атлантики.

Возможно, самое раннее заявление государственного деятеля о том, что «холодная война» была закончена, было сделано 1 июня 1988 г., когда вице-президент США Дж. Буш-старший, находясь на отдыхе в Кеннебанкпорте, узнав о прогулке президента Рейгана 31 мая по Красной площади в Москве, сказал в частной беседе журналисту из журнала «Тайм», что «холодной войны больше нет» [2, p. 329]. Любопытно, что сам Рейган, судя по записям в его дневнике, не почувствовал важности исторического момента [3, p. 614]. Когда американские журналисты спросили президента о том, что он чувствовал при посе-

щении «империи зла», Рейган ответил, что он использовал это выражение в другую эпоху [4, p. 38].

Первым публичным признанием новой ситуации в отношениях Востока и Запада стало интервью британского премьер-министра М. Тэтчер газете «Вашингтон пост» 18 ноября 1988 г. Она сказала, что «мы не находимся теперь в состоянии холодной войны», но подчеркнула, что Запад должен быть готов изменить эту оценку в случае падения Горбачева и возвращения СССР к конфронтации [5].

Некоторые историки считают символическим окончанием «холодной войны» речь М.С. Горбачева на сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке 8 декабря 1988 г. Генеральный секретарь заявил о приоритете общечеловеческих ценностей. Он разрывал с традицией противопоставления Востока и Запада как представителей противоположных классовых интересов [6, p. 131]. Речь получила название «антифултоновской», поскольку ее автор по сути призвал ликвидировать «железный занавес», о котором говорил У. Черчилль в марте 1946 г.

Советская оценка международных событий развивалась в похожем русле, но была более сдержанной. В январе 1989 г. министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе приветствовал в Вене начало переговоров о сокращении обычных вооруженных сил в Европе, говоря, что прогресс разоружения «поколебал железный занавес, ослабил ржавеющие устои, проник в новые сферы, ускорил коррозию» [7, p. 308].

Наступил 1989 год – год исторических перемен в советском блоке. Они включали начало «круглого стола» в Польше в январе – феврале, решения которого привели летом к победе на свободных выборах профсоюза «Солидарность», и альтернативные выборы Съезда Народных депутатов в марте 1989 г. в СССР. 25 октября во время визита в Хельсинки Горбачев публично заявил, что у Советского Союза нет ни морального, ни политического права вмешиваться в события в Восточной Европе. Геннадий Герасимов, пресс-секретарь Горбачева, сказал тогда, что «доктрина Брежнева» мертва. Вместо нее, пошутил он, будет «доктрина Фрэнка Синатры». Под этим имелась в виду последняя строка баллады «I did it my way» («Я сделал все по-своему». – *Прим. А.Б.*) [8, с. 89–90].

Схожей точки зрения придерживается американский историк Дж. Райт. По его мнению, «холодная война» закончилась тогда, когда Советский Союз решил, что Восточная Европа не является частью его зоны национальной безопасности и, следовательно, не требуется советского военного присутствия [9, p. 62].

В ночь с 8 на 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена. Это событие вполне можно было интерпретировать как наиболее демонстративное

окончание «холодной войны». Как писал Р. Гейтс, заместитель помощника по национальной безопасности президента Буша, «если и существовал символический момент, когда большинство людей в мире думало, что холодная война закончилась, то это было той ночью в Берлине» [10, p. 468]. Последовавшее за падением Стены объединение Германии в 1990 г. стало возможным вследствие изменения советской позиции в германском вопросе. Помощник по национальной безопасности президента Буша-старшего Б. Скоукрофт полагал, что «холодная война» закончилась, когда Советы согласились с идеей объединенной Германии в НАТО [11, p. 299].

На фоне обрушения Берлинской стены встреча лидеров двух сверхдержав на Мальте 2–3 декабря 1989 г. оказалась в тени. Возможно потому, что не было подписано никаких документов и даже не было выпущено коммюнике по итогам встречи. Однако встреча на Мальте стала оцениваться как конец «холодной войны». Президент Горбачев подчеркнул на совместной пресс-конференции, что новая эра советско-американских отношений требует нового подхода [12, p. 204]. Г. Герасимов сказал журналистам после Мальты: «Мы похоронили холодную войну на дне теплого Средиземного моря» [8, с. 114].

Директор американского Архива национальной безопасности Т. Блэнтон предложил еще одну дату окончания «холодной войны» – 24 декабря 1989 г., когда госсекретарь США Дж. Бейкер заявил телекомпании Эн-Би-Си, что Соединенные Штаты не будут возражать против того, чтобы Советский Союз и его союзники по Варшавскому договору использовали военную силу для оказания помощи румынским революционерам, которые свергли диктатора Чаушеску. По сути, США впервые признавали роль СССР в урегулировании восточноевропейских проблем. Но ведь одной из причин возникновения «холодной войны» являлось установление советского контроля над Восточной Европой! Представитель советского МИДа в доверительной беседе с послом США в Москве Дж. Мэтлоком твердо отклонил предложение Бейкера, иронично заметив, что «доктрина Брежнева» является советским подарком американцам [13, p. 184–187].

Т. Блэнтон, уже в качестве одного из редакторов, опубликовал в 2010 г. сборник архивных документов «Шедевры истории: Мирное завершение «холодной войны» в Европе, 1989 г.», аргументируя этой подборкой точку зрения, что «холодная война» окончилась не позднее 1989 г., когда мирные революции в странах Восточной Европы обрушили коммунистические режимы и советскую сферу влияния [14].

Исходя из этой концепции, к моменту подписания в Париже «Хартии для новой Европы» (ноябрь 1990 г.) странами-участницами СБСЕ

«холодная война» ушла в историю. Однако ряд историков полагают, что концом «холодной войны» следует считать 25 декабря 1991 г., когда Советский Союз прекратил свое существование [15, p. 143–162; 16, p. 104; 17, p. XIII]. Заметим, что сторонники данной точки зрения основное внимание уделяют идеологическому конфликту, сдвигая начало «холодной войны» на 1917 г., когда к власти в России пришли большевики.

Альтернативная концепция подчеркивает геополитический характер «холодной войны» и характеризует ее как борьбу двух сверхдержав за влияние в мире. Для сторонников геополитического подхода «холодная война» начинается в конце Второй мировой войны или вскоре после ее завершения и заканчивается между 1989 и 1991 гг. с утратой СССР своей сферы влияния в Восточной Европе. Взгляды этих историков составили в основном вторую группу ответов на вопрос об окончании «холодной войны». Рассматривая окончание глобального конфликта как постепенный процесс перехода от конфронтации к сотрудничеству в отношениях между Востоком и Западом, французский историк М. Ваисс вписывает конец «холодной войны» в контекст конца двухполюсного мира (1985–1992 гг.) [18, с. 234–279].

Этой логике следуют американские историки Р. Херрманн и Р. Лебоу, редакторы сборника статей «Окончание «холодной войны»: интерпретации, обусловленность и изучение международных отношений». Они отмечают, что окончание «холодной войны», как и ее начало, не происходило в точное время и не связано с конкретным событием. Ни начало, ни конец этого конфликта не могут быть указаны без достижения консенсуса между историками относительно понимания «холодной войны» как исторического явления [19, p. 2]. Поэтому в указанном сборнике окончание «холодной войны» рассматривается как процесс, включающий пять поворотных пунктов (turning points): приход М.С. Горбачева к власти, выход сверхдержав из региональных конфликтов, контроль над вооружениями, освобождение Восточной Европы и объединение Германии.

Термин «Поворотные пункты» вынесен в название американороссийского сборника статей, выпущенного Гуверовским Институтом войны, революции и мира [20]. При обсуждении сборника с участием его редактора К. Скиннер на международном круглом столе в РГГУ 3 декабря 2008 г. интересную идею высказал В.О. Печатнов, зав. кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У). Известный специалист по истории «холодной войны» предложил разделить два вопроса: об окончании войны как идеологической в 1987–1988 гг. и как геополитической в 1989–1991 гг. [21]

Известные историки А.Д. Богатуров и В.В. Аверков идут дальше, предлагая два значения понятия «холодная война». В широком – как

синоним слова «конфронтация» для характеристики всего периода международных отношений с окончания Второй мировой войны до распада СССР. В узком и точном смысле понятие «холодная война» подразумевает частный вид конфронтации, наиболее острую ее форму в виде противостояния на грани войны. Такая конфронтация была характерна для международных отношений в период с первого берлинского кризиса 1948 г. до Карибского кризиса 1962 г. Похожей точки зрения придерживается британский историк А. Робертс, который называет период 1945–1955 гг. «короткой холодной войной» (short Cold War) [23, p. 514].

В заключение отметим, что два выявленных нами подхода при установлении даты окончания «холодной войны» отражают, в определенной степени, два дискурса – общественно-политический и научный. Общественное и обыденное сознание требует указания точных дат. К конкретным событиям часто прибегают политические деятели, апеллирующие к массовым стереотипам, которые чаще сами и создают. Поэтому, например, в сознании большинства россиян У. Черчилль объявил «холодную войну» (классический миф советской пропаганды), а исчезновение СССР подвело под ней черту. Научный дискурс же включает понимание конца как окончания, т.е. процесса со сложной динамикой, в котором участвовали множество акторов и на который оказывали влияние различные объективные и субъективные факторы.

Литература

1. Парижская Хартия для новой Европы. URL: http://www.osce.org/ru/mc/39520.

2. Oberdorfer D. The Turn: From the Cold War to a New Era. N.Y., 1992.

3. Reagan R. The Reagan Diaries / Ed. by D. Brinkley. N.Y., 2007.

4. Schaller M. Reagan and the Cold War // Deconstructing Reagan: Conservative Mythology and America's Fortieth President. Armonk, 2007.

5. Oberdorfer D. Thatcher Says Cold War Has Come to an End: Briton Calls for Support of Gorbachev // Washington Post. 1988. November 18.

6. English R. Ideas and the End of the Cold War. Rethinking Intellectual and Political Change // Reinterpreting the End of the Cold War: Issues, Interpretations, Periodizations. L., 2005.

7. Nation R.C. Black Earth, Red Star: A History of Soviet Security Policy, 1917–1991. Ithaca, 1992.

8. Бешлосс М., Тэлботт С. Измена в Кремле / пер. с англ. М., 2010.

9. Wright J. The End of the Cold War: The Brezhnev Doctrine // Why the Cold War Ended: A Range of Interpretations. Westport, 1995.

10. Gates R.M. From The Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. N.Y., 1996.

11. Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. N.Y., 1998.

12. Remarks of the President and Soviet Chairman Gorbachev and a Question-and-Answer Session with Reporters in Malta, December 3, 1989 // Greene J.R. The George H.W. Bush Years. N.Y., 2006.

13. Blanton T. When did the Cold War End? // Cold War International History Project Bulletin. Issue 10. Wash., 1998.

14. Masterpieces of History: The Peaceful End of the Cold War in Europe, 1989 / Ed. by S. Savranskaya, T. Blanton and V. Zubok. With a foreword by A. Chernyaev and J.F. Matlock, Jr. Budapest, 2010.

15. Dockrill M.L., Hopkins M.F. The Cold War, 1945–1991. Houndmills, 2006.

16. Steel R. The End and the Beginning // The End of the Cold War: Its Meaning and Implications. Cambridge, 1992.

17. Morgan P.M. Introduction // Re-Viewing the Cold War: Domestic Factors and Foreign Policy in the East-West Confrontation. Westport, 2000.

18. Ваисс М. Международные отношения после 1945 года / пер. с фр. М., 2005.

19. Herrmann R.K., Lebow R.N. What Was the Cold War? When and Why Did it End? // Ending the Cold War: Interpretations, Causation, and the Study of International Relations. N.Y., 2004.

20. Turning Points in Ending the Cold War / Ed. by K. K. Skinner. With a foreword by P. Palazhchenko and G.P. Shultz. Stanford, 2008.

21. Международный круглый стол «Окончание «холодной войны»: научные и общественно-политические аспекты». URL: http://www.-rsuh.ru/news.html?id=73359.

22. Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. 1945—2008: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2010.

23. Roberts A. An ‘Incredibly Swift Transition’: Reflections on the End of the Cold War // The Cambridge History of the Cold War / Ed. by M.P. Leffler and O.A. Westad. Vol. III. Cambridge, 2010.

А.Ю. Вакалова

Грузино-осетинский конфликт в представлении французской прессы

Военные действия на Южном Кавказе в 2008 г. актуализировали многие негативные стереотипы в отношении России, традиционно существовавшие на Западе. Вновь приобрели актуальность представления о России-империи, России-гегемоне, России-захватчике.

Очень прочным стереотипным образом, традиционно используемым для рассуждений о России, выступает медведь – зверь сильный

и вероломный. Медведь появляется в контексте описаний возможных угроз со стороны России. Для обычного француза Россия – это страна коммунистического прошлого с сильной автократической традицией. В рамках данного стереотипного предубеждения о российском прошлом современный политический курс России (укрепление вертикали власти, «железная рука» власти) отождествляется с воссозданием авторитарного государства. Негатив, связанный с советским прошлым, до сих пор в памяти французского народа, что во многом объясняет настороженное отношение французов к темам, связанным с Россией.

Французские газеты неоднократно отмечают, что режим войны, позиция силы на руку России. Это, по мнению французских СМИ, помогает правителям захватывать власть, отвлекать внимание народа от внутренних проблем и от несостоятельности руководителей в решении поставленных перед ними задач [2].

Негативное отношение французов к участию России в конфликте можно объяснить и ощущением угрозы со стороны этого государства. С другой стороны, подобный текст говорит о признании в России довольно сильного соперника на мировой арене. Что касается российско-грузинского конфликта, то для некоторых журналистов этот конфликт есть подтверждение захватнического настроя внешней политики «возродившейся империи».

Грузино-осетинский конфликт заставил обратить на нашу страну более пристальное внимание: детальному изучению и анализу со стороны прессы подвергается не только внешняя, но и внутренняя политика, финансовое положение страны, перспективы роста и возможности краха экономической системы.

На примере анализа публикаций общенациональных газет Франции «Le Figaro» и «Le Monde» можно сделать вывод, что в период с 8 августа 2008 г. по 31 декабря 2009 г. информационная кампания во Франции включала следующие задачи:

1) показать значимость Европейского союза на международной арене;

2) повысить авторитет Николя Саркози как стабилизатора грузино-российских отношений;

3) проинформировать общество о происходящих событиях в грузино-осетинском конфликте.

Так, с началом пятидневной войны западные СМИ обвиняли в агрессии Россию, категорически ее осуждали, описывая разрушения Гори и бедственное положение грузинских беженцев. Журналисты писали о «российской военной агрессии против Грузии», пытаясь убедить мир в том, что Россия попирает международное право, нарушает резо-

люции Совбеза ООН. Таким образом, имидж России во Франции и других странах Запада, где уже существовал ряд негативных стереотипов, приобрел еще более негативную окраску во время грузино-осетинского конфликта.

Тем не менее по отношению к России проведенный нами анализ показывает наличие целого ряда позитивных стереотипов:

1. Россия – гарант стабильности на постсоветском пространстве.

2. Россия – противовес полному господству США.

3. Россия намного ближе (в том числе и по культуре) к Франции, чем другие великие мировые державы.

Необходимо отметить, что французская пресса неоднородна в своих оценках грузино-осетинского конфликта. Как правило, можно выделить две категории материала – это статьи, резко критикующие действия России, и статьи, где дается материал аналитический.

Большое количество статей, посвященных России, свидетельствует о том, что информация о нашей стране востребована французским обществом. Степень агрессивности по отношению к России во французских СМИ в целом ниже, чем в англо-американских СМИ, хотя во всей западной прессе живут и транслируются из статьи в статью одни и те же стереотипные представления о «русском мире».

Отношение прессы к роли Грузии в конфликте отличается некой снисходительностью и пониманием, основанным на официальной причине конфликта – борьбе с сепаратистскими регионами. Эта тема знакома Франции, которая время от времени сотрясается «исламскими бунтами» – именно эта идея находит широкий отклик в статьях французских авторов. Но следует начать с объяснения журналистами причин конфликта, которые, в свою очередь, привели к напряженным отношениям с Россией. Французские СМИ называют грузинскую операцию (со стороны Грузии) в Южной Осетии и Абхазии заведомо провальной, причины же этого «самоубийственного» наступления не называются, комментируются лишь последствия [1].

Как уже говорилось, особый упор журналисты делают не столько на сам конфликт, сколько на отношения между этническими группами. Вот здесь становится видна французская проблема «лиц магрибской национальности» – ведь пресса делает упор на наиболее интересные для французского читателя стороны развития конфликта [1]. По мнению французских газет, Россия не справилась с возложенными на нее обязательствами «урегулировщика» конфликта. Существует довольно распространенное и не лишенное юридической основы мнение, что Россия не имела право вступать на территорию Грузии, так как проблема сепаратистских регионов – это проблема сугубо внутриполити-

ческая. Поступив таким образом, Российская Федерация нарушила границы суверенного государства.

Положительное отношение к Грузии во многом объясняется военными действиями России на Кавказе в 90-х гг., зачинщиком которых считается последняя [4]. История страны, в данном случае, далеко не на пользу ее международному имиджу. Как результат – восприятие Грузии как жертвы агрессивной внешней политики России. Мнение о том, что Россия давно готовилась к войне, является доминирующим. Грузинский Президент на этом фоне выглядит жертвой российских амбиций (здесь важно и то, что французские СМИ, как и остальные западные СМИ, считают Саакашвили «своим», прозападным).

Многие авторы во французской прессе вспомнили высказывание одного из лидеров Грузии – «Грузия для грузин». Этнически и исторически между осетинами и грузинами различий больше, чем сходств. Никто не отрицает, что осетины являются этническим меньшинством. Юридически действия Грузии летом прошлого года также можно квалифицировать как попытку этноцида. Этнические чистки – достаточно серьезное нарушение международного публичного права.

Одним из доминирующих аспектов в дебатах становится выявление агрессора и жертвы конфликта. «Кто агрессор, а кто жертва?» [3]. Для грузин их «территориальная целостность», а, значит, право вернуть любым способом под свой контроль два сепаратистских региона – священны. Для осетин и, особенно, для абхазов это вопрос исторической несправедливости и заблуждения: идея, что они могут в один прекрасный день вернуться к Грузии, им кажется настолько же нелепой, как если бы эстонцам предложили вернуться в состав России.

Но все же главное, на чем делается акцент в большинстве анализируемых статей, это то, что жертвой конфликта является не то или иное государство, а мирное население, проживающее на территории, где ведутся военные действия. По-прежнему исполненную Россией роль в грузино-осетинском конфликте нельзя назвать положительной вехой в истории создания положительного имиджа России во Франции. Тем более, что данный конфликт послужил напоминанием об истории Чеченских войн, еще менее привлекательно освещенной во французской прессе, что, в свою очередь, позволило усилить влияние возвращенных из истории негативных стереотипов в отношении России со стороны многих французских журналистов.

Литература

1. Бади Бертран (Bertrand Badie) Грузинский конфликт: никуда не годная «грамматика» // «La Croix». URL: http://www.inosmi.ru/translation/244411.html.

2. Герлен Пьер (Pierre Guerlain) Однобокое мышление и возвращение России // «L'Humanite». URL: http://www.inosmi.ru/translation/244453.html.

3. Литтель Джонатан (Jonathan Littell) Путевые заметки из Грузии // «Le Monde. URL: http://www.inosmi.ru/translation/243954.html.

4. Смоляр Петр (Piotr Smolar) Запад – Россия: анатомия перелома // «Le Monde». URL: http://www.inosmi.ru/translation/244843.html.

С.В. Голунов
Теории заговора в контексте взаимоотношений России со странами Балтии

Теории заговора, в которых идет речь о зловещих планах России по отношению к соседним странам Балтии (Латвии, Литве и Эстонии) или наоборот, широко распространены в соответствующих государствах. Они вносят немалый вклад в подпитывание алармистских настроений по отношению друг к другу, в формирование устойчивого отрицательного имиджа другой стороны, в возникновение и обострение конфликтных ситуаций в межгосударственных отношениях.

Сутью теорий заговора считается противоречащее доминирующей версии объяснение событий тайными замыслами неких сил, преследующих некие враждебные и зловещие цели [1, с. 2]. Последовательные сторонники подобных взглядов изначально считают существование заговора реальным фактом (а не одной из гипотез, конкурирующих с другими на равных) и собирают все более разрастающийся со временем «снежный ком» доводов, уже само количество которых (неважно, насколько они убедительны или вместе укладываются в непротиворечивую картину) должно, по их мнению, снять все сомнения. Разумеется, аргументы в пользу других версий, столь же внушительную «коллекцию» которых при желании тоже собрать довольно легко, конспирологов интересуют гораздо меньше.

Однако попытки объявить теории заговора заведомо несостоятельными на основании их методологической порочности или обусловленности патологическим, а именно параноидальным стилем мышления их приверженцев, нельзя считать исчерпывающе убедительными. Первая проблема заключается в том, что «заговоры» (например, тайные и даже заведомо незаконные операции спецслужб)

периодически действительно происходят и порою достигают своей цели. Во-вторых, критика порочности конспирологических идей не очень-то убедительна, если исходить из тех исследований обществоведов, в которых авторы то и дело пытаются связывать друг с другом внешне несвязанные явления, объяснять эту связь действием невидимых для «не вооруженного» теоретическим багажом и методологией наблюдателя. Вполне обычна практика поиска сторонниками таких объяснений все новых и новых доводов в защиту своих концепций при пренебрежении к тем аргументам, которые могут свидетельствовать в пользу альтернативных объяснений [2].

Также следует учитывать, что далеко не во всех случаях теории заговора можно считать вредными и опасными. Во многих случаях они могут не причинять существенного вреда или даже играть определенную положительную роль, усиливая бдительность общества по отношению к власти и околовластным структурам в тех случаях, когда они ведут себя непрозрачно [3]. Не следует, разумеется, забывать, что конспирологические идеи часто могут приносить существенный вред: возбуждение ненависти по отношению к Другому (меньшинствам, иностранцам и т.д.), провоцирование войн и массовых убийств, создание питательной почвы для экстремистов и групп, исповедующих тоталитарную идеологию [4, p. 176–777], в рассматриваемом нами случае – возведение «ментальных барьеров» для сотрудничества между Россией и странами Балтии.

После обретения последними независимости их национальные идентичности во многом строились на противопоставлении России, а Латвия и Эстония еще и позиционировали себя как возродившиеся после 50-летнего небытия государства, большинство произошедших с которыми за этот период изменений (в частности, произошедшее в 1944 г. отторжение территорий в пользу Псковской и Ленинградской областей, массовая миграция русскоязычного населения и пребывание в данных странах войск бывшего СССР) являются нелегитимными и, насколько это возможно, подлежат отмене.

Такая интерпретация и решительное несогласие с ней российской стороны быстро превратили РФ в глазах местных политических элит и большинства СМИ из союзников в борьбе с советским режимом (как это было в 1991 г.) в оккупантов, всеми правдами или неправдами стремившихся восстановить свое влияние в регионе. Имидж России как «врага номер 1» оказался для националистических политиков удобным в целях не только строительства национальной идентичности, но также для отвлечения внимания населения при проведении радикальных экономических реформ в условиях острого кризиса. Спра-

ведливости ради, при отсутствии у официальной Москвы четкой и последовательной политики в отношении стран Балтии некоторые российские политики и военные, то и дело выступавшие с угрожающими заявлениями в отношении Латвии, Литвы и Эстонии, внесли немалый вклад в усиление алармистских настроений в данных государствах.

В этих условиях антироссийские теории заговора в 1990-х гг. появлялись в Прибалтике, как грибы после дождя. Россия виделась в таких «теориях» в качестве силы, желавшей или формально лишить страны Балтии вновь приобретенной независимости (изыскивая различные предлоги для отказа от вывода войск, используя русскоязычное население как «пятую колонну» и т.п.) или установить фактический контроль над ними достигнув закулисной договоренности с США и другими странами Запада [5] или даже не обращая внимание на их реакцию. Некоторым прибалтийским политикам «рука Москвы» и ее спецслужб виделась и во внутренних проблемах: демонстрациях протеста против экономической политики властей, росте преступности и влияния мафии [6], коррупционных скандалах [7] и т.п. В Эстонии своеобразную экономическую диверсию усмотрели даже в графике показа по российскому телевидению популярного на постсоветском пространстве мексиканского телесериала «Богатые тоже плачут»: сериал демонстрировался в стране в рабочее время (которое из-за разницы часовых поясов в России уже к тому времени заканчивалось), что отвлекало многих эстонских работников от выполнения своих обязанностей [8].

Интенсивность обвинений России в заговорах начала ощутимо спадать со второй половины 1990-х. Этому могли способствовать завершение вывода войск, неустойчивая, но ощутимая тенденция эволюции отношений стран Балтии с РФ в направлении большего прагматизма. Постепенное улучшение экономической ситуации в данных странах снижало потребность правящих элит в переключении внимания населения на внешнего врага. Тем не менее, время от времени в периоды обострения отношений Латвии, Литвы и Эстонии с Москвой конспирологические идеи практически каждый раз обретают новое дыхание, охотно тиражируясь политиками и СМИ, как это было, например, в период обострения в Эстонии конфликта относительно переноса «бронзового солдата» в 2007 г.

В российских же теориях заговора роль государств Балтии виделась двояко. В дискурсе «глобальной геополитической игры» они позиционировались как несамостоятельная сила, которая охотно и добровольно играет подчиненную роль, предоставляя себя в распоряжение странам Запада в рамках проводимой ими политики по ослаблению России [9]. В таком контексте три республики виделись базами

для антироссийской стратегии НАТО и направленных против РФ операций спецслужб западных стран. Напротив, в теориях заговора регионального масштаба балтийским государствам отводилась роль вполне самостоятельных акторов, которые тайными методами добиваются отторжения ряда приграничных территорий от РФ: Эстония – раздавая гражданство жителям Печорского района Псковской области, чтобы в будущем организовать референдум по его отделению, Литва – постепенно организуя экономическую блокаду Калининградской области. И в том, и в другом случае основными создателями и популяризаторами антиприбалтийских заговоров являлись политики консервативного толка, представители силовых структур (весьма распространенная в этой среде приверженность алгоритму «худшего сценария» объективно создает предрасположенность к конспирологическим идеям) и те средства массовой информации, которые делали ставку на повышение своей популярности частым тиражированием сенсационных сюжетов, пусть даже сомнительной достоверности.

В целом, широкая распространенность теорий заговора является как следствием напряженных отношений между Россией и странами Балтии, так и тем фактором, который вносит свой вклад в сохранение такой напряженности. Хотя эти отношения становятся более прагматичными, в конфликтных ситуациях конспирологические идеи быстро восстанавливают свою популярность и охотно тиражируются политиками и СМИ. Гипотетически какие-то из рассмотренных «теорий» могут иметь под собой реальную почву, однако систематическое приписывание другой стороне зловещих намерений без добросовестного анализа возможных альтернативных мотивов ее действий является непродуктивным способом мышления и отношений с окружающим миром как на индивидуальном, так и на общественном уровне. С учетом этих соображений, стороны (и их официальные представители) должны воздерживаться от апелляции к конспирологическим идеям даже в периоды осложнения отношений и предпринимать меры по повышению взаимного доверия, которые позволили бы уменьшить уровень подозрительности по отношению к действиям друг друга.

Литература

1. Coady D. An Introduction to the Philosophical Debate about Conspiracy Theories // in D. Coady (ed.) Conspiracy Theories: the Philosophical Debate (ed. by D. Coady). Aldeshot, 2006.

2. Parker M. Human Science as Conspiracy Theory // in (eds) The Age of Anxiety: Conspiracy Theory and the Human Sciences (ed. by J. Parish and M. Parker). Oxford, 2001.

3. Clarke S. Conspiracy Theories and Conspiracy Theorizing // Philosophy of the Social Sciences, 2002. Vol. 32, №2. P. 131–150.

4. Pipes, D. Conspiracy: How the Paranoid Style Flourishes and Where It Comes from? N.Y., 1997.

5. Эстонцы боятся сговора // Молодежь Эстонии. 1997. 18 марта.

6. Каушпеда С. Преступность и ... призрак КГБ // Эхо Литвы. 1996. 14 сент.

7. Генерал Эйнселн: все это шантаж, за которым стоит Россия // Молодежь Эстонии. 1995. 16 нояб.

8. Бикуличус В. Марианна – агент Москвы // Молодежь Эстонии. 1992. 5 окт.

9. Широнин В. КГБ–ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997.

Е.А. Горбелева
Политический аспект противоречий в российско-белорусских отношениях

Во внешней политике России 2000-х гг. межгосударственные конфликты не являются редкостью. Эскалация конфликта с Грузией в 2008 г., приведшая к разрыву дипломатических отношений, обострение отношений с Украиной по вопросу Черноморского флота в 2009 г., взаимные обвинения руководства России и Белоруссии в июле-октябре 2010 г. и, как следствие, кризис российско-белорусских отношений, – все это свидетельство напряженной обстановки на постсоветском пространстве. Однако, если разногласия между Россией и Грузией, Россией и Украиной имеют более длительную историю и могут быть объяснены исходя из фактора национализма, то напряженность в российско-белорусских отношениях носит совершенно иной характер, в основе которого лежат, в первую очередь, политические противоречия.

Одной из главных причин с политологической точки зрения, является стремление белорусской стороны к самосохранению как на уровне государственного суверенитета, так и на уровне политического режима А.Г. Лукашенко. В Белоруссии прекрасно понимают, что дальнейшие шаги в направлении интеграции могут существенно затронуть суверенитет Белоруссии. Так, например, план интеграционного строительства, предложенный В.В. Путиным в августе 2002 г., предполагал при формировании руководящих органов союзного государства учитывать экономический вес и численность населения участников, что de facto означало бы вхождение Белоруссии в состав России [1]. В тоже время введение единой экономической валюты (им должен был

стать российский рубль) с эмиссионным центром в Москве позволило бы Кремлю взять в свои руки управление финансами Союзного государства. Такой сценарий развития интеграционных процессов на деле означал бы для Белоруссии утрату собственной независимости, что категорически не устраивает ни белорусское общество, ни белорусское руководство. Что же касается самого А.Г. Лукашенко, то, как пишет газета «Delfi», «Россия больше не играет в кошки-мышки, она просто ловит и ест мышек. А Лукашенко, как мышке, хоть и самой последней в очереди на съедение, это совсем не нравится. Ведь он привык играть в союзника и получать за это вполне осязаемые дивиденды. Но он не привык быть при этом холопом, которым его попытались сделать. Он не хочет закончить свой срок ни на даче под Москвой, ни в тюрьме, ни, не дай бог, в могиле. И, поняв всю опасность ситуации, Лукашенко решил застраховать себя, воспользоваться ситуацией и уйти на Запад…» [2]. Непредсказуемость и неопределенность политического курса А.Г. Лукашенко перестала устраивать Москву. Кроме того, А.Г. Лукашенко не принял тех политических решений, которых от него ожидала российская сторона. «Кредит доверия» к белорусскому президенту у российского руководства исчерпан, фигура «последнего диктатора Европы» на президентском посту в Белоруссии уже давно не является желательной, о чем свидетельствуют провокации со стороны России («молочная война», фильм «Крестный батька») и позиция самого российского руководства, обозначенная в выступлении Д.А. Медведева от 3 октября 2010 г. [3]. Поведение белорусского президента Д.А. Медведев назвал не только недипломатичным, но и выходящим за рамки «элементарных человеческих приличий» [3]. Кроме того, Медведев подчеркнул, что «Президенту Белоруссии следовало бы заниматься внутренними проблемами. В том числе, наконец, расследовать многочисленные дела об исчезновении людей» [3].

Попытки сформировать образ врага в лице как России, так и Белоруссии по отношению друг к другу, предпринимаются и А.Г. Лукашенко, и Д.А. Медведевым. Можно констатировать, что данный прием является ничем иным, как попыткой скрыть внутренние проблемы, имеющие место в странах, выдвинув на первый план внешнеполитическую угрозу. В свою очередь, у российского руководства есть и другая причина для взаимных обвинений: Д.А. Медведев пытается закрепить свои позиции в российском обществе, позиционируя себя как сильного и бескомпромиссного политика.

Политические элиты, стоящие за режимами, также оказывают влияние на состояние российско-белорусских отношений. Сформировавшаяся за долгие годы нахождения белорусского президента у вла-

сти новая постсоветская белорусская элита заинтересована в сохранении существующих позиций во властных кругах Белоруссии, препятствует интеграции России и Белоруссии, боясь потерять свое влияние и оказаться на вторых ролях, заняв в Союзном государстве место одной из региональных элит. Таким образом, идея потери суверенитета Белоруссии, заложенная в существующем проекте Союзного государства, не устраивает белорусскую элиту, и в этом позиции белорусской элиты совпадают с позициями руководства Белоруссии. Кроме того, новая элита во многом ориентирована на сближение с ЕС, поскольку интеграция с Россией означала бы, по ее мнению, возвращение к тем временам, когда воссоединение Белоруссии с Россией «вырвало» Белоруссию из европейского контекста, из более приемлемых социально-экономических условий. В то же время российская элита экономически заинтересована в проникновении в Белоруссию, с целью реализации там предпринимательской деятельности и проведении приватизации белорусских предприятий. Столкновение полярных интересов российской и белорусской элит, одна из которых пытается проникнуть в экономическую сферу Белоруссии с целью реализации собственных интересов, а другая – стремится ограничить этот процесс, и приводит к нарастанию напряженности в политических кругах России и Белоруссии, и как следствие, эскалации конфликта.

Немаловажную роль в разжигании российско-белорусских конфликтов занимают и политические интересы самих руководителей России и Белоруссии. Александр Лукашенко неоднократно высказывался по поводу своих личных политических амбиций в Российской Федерации. Окружение белорусского президента тогда не скрывало, что в планы А.Г. Лукашенко входит борьба за политическую власть в России. Вскоре Александр Лукашенко предложил, чтобы до выборов главы Союзного государства они с Борисом Ельциным занимали этот пост по очереди. Свое предложение А.Г. Лукашенко в очередной раз подтвердил в 2002 г.

Что же касается российской стороны, то вариант Союзного государства под руководством В.В. Путина неоднократно обсуждался в российских СМИ. В плане интеграционного проекта, предложенном В.В. Путиным в 2002 г., предполагалось в мае 2003 г. одновременно с российскими парламентскими выборами провести выборы союзного парламента и президента. В случае проведения подобных выборов шансы возглавить Союзное государство России и Белоруссии у нынешнего российского премьер-министра были достаточно высоки по отношению к А.Г. Лукашенко. В очередной раз о возможности возглавить Союзное государство заговорили в 2008 г., когда истекал срок полномочий В.В. Путина в качестве Президента РФ. Союзный госсек-

ретарь Павел Бородин тогда подчеркнул, что один из первых проектов Конституционного акта Союзного государства России и Белоруссии предусматривает такую возможность для президента РФ [4].

Определенные группы и слои российского и белорусского обществ (в частности, белорусская оппозиция), также заинтересованы в эскалации конфликтов между государствами. Сторонники националистического крыла белорусской оппозиции, приурочив свою акцию протеста к приезду В.В. Путина в 2003 г., растоптали российский флаг и уничтожили несколько российских денежных купюр мелкого достоинства. На протяжении уже нескольких лет белорусская оппозиция обвиняет российское руководство в стремлении раздробить Беларусь, и видит в его действиях угрозу для суверенитета страны. Кроме того, белорусская оппозиция актуализирует в обществе и другие «страхи», связанные с Россией:

• наиболее привлекательные предприятия Беларуси захватят предприимчивые «олигархи»;

• на Беларусь распространится большая криминальность российского общества, беспорядок и нестабильность и т.д.

Современные отношения между Россией и Белоруссией постепенно начинают выбираться из кризиса 2010 г. Своеобразным «прорывом» в союзнических отношениях следует считать подписание в марте 2011г. договора о строительстве АЭС в Белоруссии. Кроме того, в начале февраля 2011 г. Белоруссия возобновила экспорт российской электроэнергии в Белоруссию и транзит через нее в Прибалтику, приостановленный в начале прошлого года.

Тем не менее, на данном этапе развития отношений России и Белоруссии вряд ли можно говорить о каком-либо потеплении на межгосударственном уровне. Политологи, занимающиеся проблематикой российско-белорусских отношений, прогнозируют дальнейшую напряженность в союзнических отношениях. С большой долей вероятности можно говорить о том, что очередное «обострение» наступит в преддверии президентских выборов в России в 2012 г., на которых белорусская тематика будет одним из ключевых моментов электоральной кампании.

Литература

1. Российско-белорусские отношения // Свободная энциклопедия «Википедия». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Российско-белорусские отношения.

2. Морозов П. Почему даже Лукашенко не поддержал Россию в Грузии?// «Delfi». URL: http://www.inosmi.ru/translation/243414.html

3. Медведев Д.А. Бессмысленная полоса напряжения в отношениях с Белоруссией обязательно закончится. URL: события.президент.рф/видео/556.

4. Логинов М., Свиридов А. Владимир Путин: «Я бы хотел оказаться там, где я бы мог служить народу России» // Невское время. 12 декабря 2007 г. URL: http://www.nvspb.ru/tops/vladimirputinyabihotelokazatsy.

В.Ю. Грушина

Урегулирование проблемы Константинополя и проливов в период Первой мировой войны

Определение статуса черноморских проливов являлось одной из самых острых проблем в международных отношениях на протяжении XVIII–XIX вв. Первая мировая война занимала важное место в истории борьбы России за решение этой проблемы в соответствии с национальными интересами страны. Для России это была важнейшая задача обеспечения национальной безопасности, охраны южных границ, которая предполагала, в том числе, и защиту экономических интересов. Пристальное внимание России к проливам было в большей степени продиктовано оборонительными соображениями, нежели наступательными. Тесно связанной с проблемой проливов была проблема Константинополя, древней столицы Византии, которая воспринималась русскими как духовная родина. Ее постановка вытекала из великодержавных амбиций империи и идей ее провиденциальной мировой миссии. Сама постановка в повестку дня этих связанных между собой, но различных по содержанию актуальных вопросов внешней политики России стала возможна с началом мировой войны и участием в ней Турции на стороне противников Антанты. Проблема была частью более общего восточного вопроса, сутью которого было определение судьбы турецкого наследства великими державами и балканских стран, заинтересованных в его разделе. Поэтому актуальной является задача рассмотрения урегулирования данной проблемы в англо-русских отношениях.

Британия знала о важности вопроса о проливах для России, но не была склонна поощрять реализацию ее интересов, а скорее, наоборот, препятствовала ей, поэтому данная проблема стала одной из основных в англо-русских отношениях в XIX в. В течение этого периода во внешнеполитической доктрине Британии господствовала теория о необходимости охраны морского пути в Индию от возможного русского проникновения посредством запрета военным кораблям России прохо-

дить через черноморские проливы, а Османская империя исполняла роль стража проливов. В 90-е гг. XIX в. произошло изменение в традиционной британской внешнеполитической концепции, связанное с оформлением русско-французского союза и усилением проникновения в Турцию Германии. Британия в этот период существенно усилила свои позиции в восточном Средиземноморье за счет приобретения Египта и Кипра. Британские историки А. Клейтон, М. Экштейн и В. Рензи связывали перелом в британской политике с премьер-министром лордом Р. Солсбери [1–3]. В меморандуме от 4 июня 1892 г., комментируя анализ обстановки в Средиземном море морской и военными разведками, он сделал вывод, что Британия не может больше препятствовать стремлению России господствовать над Константинополем и проливами и оберегать султанскую власть. В противном случае она столкнется с объединенной оппозицией Франции и России [4, с. 124–126]. Несмотря на тенденции к изменению традиционной британской позиции, официальные лица продолжали отстаивать принцип недопущения России в зону проливов. Клейтон объясняет это неготовностью общественного мнения Британии воспринять новую позицию правительства и опасениями потерять международный престиж в результате, если русские амбиции будут внезапно удовлетворены [1, с. 184].

На совещании Комитета имперской обороны 11 февраля 1903 г. было принято решение, что обладание Россией проливами «не внесет фундаментальных изменений в существующую стратегическую расстановку сил в Средиземном море» [4, с. 126–127]. Следующим этапом эволюции традиционной концепции стало заключение англо-русского соглашения 1907 г., при обсуждении которого Россия получила заверения от Британии в «благожелательном» отношении к разрешению проблемы проливов в интересах России [5, с. 214–215]. В 1908 г. Комитет имперской обороны повторил свой вывод относительно возможности свободного выхода России из Черного моря [6, с. 93]. Таким образом, к началу XX в. ни Форин офис, ни Адмиралтейство не считали, что следует опасаться установления русского господства в Восточном Средиземноморье.

Заявление России о целях в войне стало поводом для Британии обратить внимание на проливы. Для Сазонова важное значение имела проблема раздела Австро-Венгрии, а не Турции. Действительно, в течение августа-ноября российское руководство не ставило цель по завоеванию проливов, она появилась уже после вступления Турции в войну. В августе 1914 г. острие внешней политики России было направлено не в сторону Турции, а в Восточную Европу, а «целостность» страны понималась как объединение под скипетром Романовых Поль-

ши и территории до Карпат, которые, по мнению Николая II, должны были стать естественной границей империи [7, с. 127].

Представленная Сазоновым 13 сентября программа военных целей России не содержала требования турецкой территории, а представляла собой проект территориального переустройства в Европе за счет Германии и Австро-Венгрии [8, с. 248–249]. Опасения Британии, что после войны Россия может стать угрозой европейскому балансу сил, нашло отражение в мемуарах Грея [9, с. 182]. По этой причине британская дипломатия поставила цель не допустить нарушения со стороны России европейского равновесия сил и укрепления ее позиций в Восточной Европе. Для этого следовало переориентировать направленность российской внешней политики, предложив цель, которая могла бы компенсировать ее жертвы в войне и вознаградить за помощь союзникам. Этим призом и стали Константинополь и проливы. Таким образом, Британия была готова обещать их России, но проблема состояла в том, что та не выдвигала таких требований, поэтому представляется спорным тезис, утвердившийся в советской историографии, о том, что главной целью России в войне было получение свободного выхода в Черное море и турецкой столицы.

Вступление Турции в войну на стороне Германии стало следующим этапом в признании за Россией прав на проливы. Вопрос о проливах был поднят самими англичанами. Идея Грея заключалась не в том, чтобы Россия оставила восточный фронт и сосредоточилась на разделе Турции, а в том, что военные усилия, прилагаемые против Германии, будут вознаграждены за счет Турции. Грей знал, что для России данная проблема входила в число основных внешнеполитических приоритетов и могла непосредственным образом сказаться не только на англо-русских отношениях, но и на общей союзнической стратегии в целом [10, с. 501]. 9/22 ноября 1914 г. Э. Грей в разговоре с русским послом в Лондоне Бенкендорфом сказал «историческую фразу»: «Если Германия будет раздавлена, судьба проливов и Константинополя не может быть решена, на этот раз, не иначе как сообразно с русскими интересами» [11, с. 112]. Таким образом, за отказ развертывать военные действия на территории Персии Россия могла рассчитывать получить Константинополь и проливы.

Британское предложение встретило положительный отклик русского руководства, поэтому Сазонов запросил Бенкендорфа о том, чтобы Бьюкенену было поручено повторить сделанное обещание в словах, близких к словам Грея [8, с. 523]. В памятной записке министерства иностранных дел от 23/10 ноября 1914 г. отмечалось, что английский посол передал подтверждение словам Грея о согласии Англии

разрешить вопрос о проливах и Константинополе в интересах России [8, с. 552]. Об этой позиции Форин офис были извещены английские послы в союзных столицах.

Глава Форин офис склонялся к мнению, что, обещая России права на Константинополь и проливы, можно было удержать ее в Антанте и заставить воевать против Германии до победы. Британия и Франция опасались прогерманской группировки при русском дворе, которая, как они считали, может склонить царя к заключению с противником сепаратного мира. Анализ британских документов, относящихся к обсуждению окончательного ответа на требование России о присоединении проливов и Константинополя к империи 10 марта 1915 г., позволяет сделать вывод, что Грей консультировался с ключевыми министрами кабинета по этому вопросу осенью 1914 г. Вероятно, что решение принималось королем Георгом V, Асквитом и Греем, при консультации с Китченером и Черчиллем. Весной 1915 г. Грей сообщил кабинету о времени решения вопроса – ноябрь 1914 г.

С ноября 1914 г. «Константинопольский стимул» продолжения Россией войны стал предметом неусыпного внимания британской дипломатии. Соглашение о проливах было реальностью ноября 1914 г. По нашему мнению, именно тогда, с подачи британской дипломатии, Россия поставила перед собой цель присоединения проливов. Далее она уже не встречала оппозиции Британии по этому вопросу, а заключение соглашения по признанию за Россией прав на проливы и Константинополь в феврале – марте 1915 г., в большей степени, являлось урегулированием данной проблемы с Францией.

Дарданелльская операция союзников продемонстрировала неспособность России своими военными силами решить проблему проливов, что вызвало форсирование Сазоновым выработки дипломатического решения закрепления за Россией прав на проливы. Для этого, по нашему мнению, МИДом было спровоцировано обострение в русско-английских отношениях. Согласие Британии определяли многие факторы, главным из которых было отсутствие угрозы национальным интересам и заинтересованность в русской армии. Одним из основных мотивов британских дипломатов было поддержание заинтересованности России в победе над Германией, в результате которой была возможна реализация русских планов. Поэтому вызывает сомнение тезис отечественной историографии о том, что Сазонов использовал Дарданелльскую операцию в целях наиболее выгодного для России политического решения восточного вопроса.

Тайное соглашение между Англией, Францией и Россией по вопросу о проливах и Константинополе было оформлено с 19 февра-

ля/4 марта по 28 марта/16 апреля 1915 г. Оно явилось результатом переговоров между союзниками и было заключено в результате обмена памятными записками между послами Великобритании, Франции и МИДом России. Следствием английского влияния можно считать то, что русская сторона приняла формулу «доведение войны над Германией до победного конца и осуществление пожеланий Великобритании и Франции, как в Оттоманской империи, так и в других местах» [12, с. 25–27]. Несмотря на разброс мнений в историографии, заключение соглашения о проливах было важным шагом со стороны Британии. Оно стало вторым после соглашения о незаключении сепаратного мира договором, подписанным Британией с Россией, включавшим конкретные обязательства. Его оформление стало публичным признанием произошедшей эволюции ее внешнеполитической доктрины. Договор соответствовал национальным интересам Британии и носил компромиссный характер в виду крайней заинтересованности союзников в русской армии. С его помощью Британия обеспечила безопасность своих интересов на Ближнем Востоке и в Европе.

Литература

1. Clayton A.D. Britain and the Eastern Question Missolonghi to Gallipoli. L., 1971.

2. Ekstein M.G. Russia, Constantinople and the Straits // British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977.

3. Renzi W.A. Great Britain, Russia and the Straits // The Journal of Modern History. V. 42, №1. 1970.

4. Anderson M.S. The Great Power and the Near East, 1774–1923. Documents of Modern History. N.Y., 1976.

5. История внешней политики России конца XIX – начала XX века. (От франко-русского союза до Октябрьской революции). М., 1999.

6. Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960.

7. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / пер. с фр. 2-е изд. М., 1991.

8. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. Серия III. Т. 6. Ч. 1. М., 1931–1940.

9. Viscount Grey of Fallodon. Twenty Five Years. V. 2. L., 1925.

10. Lowe C.J., Dockrill M.L. The Mirage of Power. The Documents of British Foreign Policy. 1902–1922. V. 3. L., 1972.

11. Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. Т. I. М., 1925.

12. Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. 2.

В.Н. Козулин
Первый конфликт Запада и России (еще раз об уроках Крымской войны)

В большинстве исследований на тему Крымской войны основное внимание уделяется ходу военных действий, немного меньше – дипломатической подготовке и культурологическому антуражу и еще меньше – анализу причин этой войны, которую один из исследователей назвал «нелепой и ненужной» (curious and unnecessary) (см.: [1, с. 10]). Исследований, специально посвященных анализу причин и уроков Крымской войны, нам встретилось только два [2; 3].

Зачем же была нужна эта ненужная война? Каковы ее наиболее глубокие причины? И можно ли было ее избежать? Ответы на эти вопросы, вероятно, помогут прояснить причины многих других войн и лишний раз осознать ненужность и пагубность всяких войн и конфликтов и необходимость приложения максимальных усилий для их предотвращения.

Главную причину Крымской войны чаще всего видят в обострении так называемого Восточного вопроса, в ослаблении Османской империи и стремлении России поскорее поделить наследство этого «больного человека Европы» (по словам императора Николая) вопреки интересам других великих держав, прежде всего, Англии.

Однако еще в одной из ранних монографий о Крымской войне (1863 г.) анонимного немецкого автора отмечается, что вовсе не Восточный вопрос был истинной причиной войны, и очевидно, что он был лишь использован для ее развязывания. Рассуждая о природе конфликтов, этот исследователь полагает, что «всякая более или менее значительная война, как и вообще любой значимый исторический факт, имеет свои глубокие, коренящиеся в умах людей причины» [2, с. 2]. И, по его мнению, одной из главных истинных причин Крымской войны было «недовольство европейского общественного мнения, которое ненавидело поборника консерватизма в лице России».

Идя чуть дальше, некоторые исследователи видят в Крымской войне геополитический или даже имманентный цивилизационный конфликт Запада и России. И в самом деле, как раз в эпоху Николая I

эта конфликтогенная дихотомия впервые в истории проявила себя в такой сильной степени, которая, в конце концов, при стечении прочих факторов, привела к войне. Не случайно во многих самых ранних исследованиях о Крымской войне значительную часть текста составляют разделы, посвященные сравнению русской и европейской истории и культуры и рассмотрению взаимоотношений России и Запада на протяжении нескольких веков. А современный нам британский исследователь Норман Рич, в 1985 г., утверждал, что «Крымская война являлась конфликтом между Западом и Россией середины XIX столетия, но, в отличие от завоевательных кампаний Наполеона и Гитлера, это была, по своему существу, война, преследовавшая целью то, что мы сейчас называем сдерживанием России...». «Однако в наш ядерный век, – продолжает автор, – условия для ведения политики сдерживания решительно изменились: мы больше не можем позволить себе роскошь войны с Россией» [3, с. XVII–XVIII].

Так сложилось, что именно в николаевскую эпоху между развивавшимися гораздо более быстрыми темпами западными державами и словно замороженной Николаем Россией назрели непреодолимые противоречия, в том числе противоречия геополитического характера, особенно между Россией и Англией, которая сильно опасалась конкуренции России в колониальном разделе Средней и Юго-Восточной Азии. Но к войне привели не только эти реальные противоречия. Большую роль в нагнетании войны, как мы уже говорили, сыграло общественное мнение.

Специальных работ, посвященных анализу европейского общественного мнения о России в первой половине XIX в., насколько нам известно, не существует, за исключением одной [4]. Довольно интересно освещает этот вопрос уже цитированный нами анонимный немецкий исследователь, современник событий. На вопрос о том, каким образом Россия, «еще недавно столь ценимая, постепенно пришла в немилость общественного мнения», автор отвечает, что «это произошло, прежде всего, после того как князю Меттерниху удалось склонить императора Александра на сторону консерватизма, в том смысле, в каком его понимала Австрия». Но это была ложная и вредная теория, особенно для России как для молодого, в отличие от Австрии, только что расцветшего государства.

Петр I и Екатерина II, по мнению исследователя, шли в ногу со временем, так же действовал и Александр I, «пока князь Меттерних… не внушил ему другого убеждения», согласно которому Россия начала отчаянно противиться духу времени. В результате, «предпринятые в этом убеждении шаги и заявления России совершенно лишили ее

всякой популярности за границей, поскольку, в силу либеральной тенденции времени, в ней стали видеть поборника жесточайшего консерватизма…». Вредной, по мнению автора, оказалась и идеология «самодержавие, православие, народность», поскольку эта формула ведет к усилению государства только когда она развивается естественным путем, «если же она вводится сверху, то это прямой путь не к усилению, а к ослаблению власти» [2, с. 5–8].

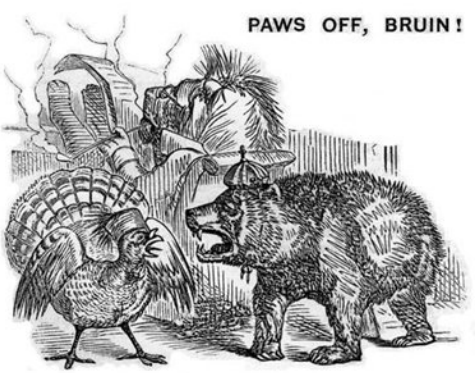
Вышесказанное автор относит к так называемым внутренним (российским) причинам, приведшим к войне. И его слова вполне подтверждаются многими фактами русской действительности. Известный русский поэт и дипломат тех времен Ф.И. Тютчев писал в 1848 г.: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры…» А уже после начала Крымской войны (в апреле 1854 г.) поэт писал что «теперь возгорается высшая борьба между всем Западом и Россиею» [5, с. 53, 231]. Примерно так же писали и думали многие другие русские славянофилы.

Но, конечно, не только неверно выбранный Россией политический курс, эта застойная система Николая I, по словам известного историка Е.В. Тарле, «научила Европу ненавидеть тот народ, который больше всего от этой системы страдал» [4, с. 76]. По мнению все того же немецкого анонима, к внутрироссийским факторам «присоединяются еще два, казалось бы, незначительных факта, которые однако глубоко и упорно воздействовали на мнения и убеждения людей и произвели в высшей степени компрометирующее Россию впечатление». И это факторы внешние. Автор имеет в виду одно высказывание Наполеона на острове Св. Елены и так называемое «завещание Петра Великого». Наполеон заявил, что «через 50 лет Европа будет либо революционной, либо казацкой», и его слова «производили тем более сильное впечатление, что все после его смерти, казалось бы, шло к исполнению этого высказывания».

Еще больший ущерб общественному мнению о России нанесло «завещание Петра I», о котором автор справедливо говорит, что нужно не много ума, чтобы понять, что это фальсификация, пророчествующая о вещах уже состоявшихся. Согласно этому документу, Петр I завещал своим преемникам поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, разделять Польшу, воевать против турок, имея конечной целью овладение Константинополем и, наконец, установить господство России в Европе, причем, если она будет сопротивляться, то покорить ее военным путем. [2, с. 9; 6].

На «завещание Петра» неоднократно ссылается и известный экономист и политолог Карл Маркс в своих корреспонденциях для американской «New York Tribune» [7, с. 34, 79]. Маркс писал из Англии, где русофобская тенденция начала проявляться, пожалуй, раньше всего, почти сразу же после окончания наполеоновских войн. Она была вызвана, главным образом, нараставшими противоречиями Англии и России на Востоке. Уже в 1828 г. в книге подполковника Лейси под заглавием «О замыслах России» говорится о стремлении России захватить Константинополь и даже Индию (см.: [8, с. 271–279]).

TURKEY IN DANGER.
«Турция в опасности»
(John Tenniel, "Punch", 9.04.1853)



«Лапы прочь, Мишка!»
(John Tenniel, "Punch", 4.06.1853)
Источник: http://lts.brandeis.edu/research/archives-speccoll/events/crimeanwar/TurkeyBear.html

Накануне Крымской войны русофобия в Англии достигла своего апогея. Одна только «Таймс» была настроена более объективно по отношению к России, по поводу чего К. Маркс, в статье от 14 июня 1853 г., возмущался: «Как могло случиться, что бедная „Таймс“ поверила в „честные намерения“ России в отношении Турции и ее „неприязнь“ ко всяким территориальным расширениям? Добрая воля России по отношению к Турции! Петр I планировал восстать на руинах Турции» [7, с. 34]. Кстати, впоследствии именно «Таймс» своими антивоенными репортажами способствовала повороту общественного мнения Англии против войны.

Эволюция французского общественного мнения о России в николаевскую эпоху подробно рассмотрена Е.В. Тарле. По его словам, со времени Николая I в Европе сложилось «такое движение общественного мнения против русской системы», что «стоило только любому европейскому правительству обнаружить враждебное к России отношение, чтобы мгновенно на его стороне оказалось явственное сочувствие

общественного мнения, толкавшее дипломатию с полным усердием к расширению и углублению конфликта» [4, с. 31].

Первые антирусские настроения во Франции, по данным историка, начинают появляться с 30-х гг. XIX в., после жестокого усмирения Николаем I польского восстания в 1831 г., однако вплоть до 1843 г., когда вышла в свет знаменитая книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», французское общество ничего не знало и «как будто и не хотело знать» «о том, что кроме поляков в России есть еще русские люди, которым также живется не легко» [4, с. 43]. Таким образом, именно с книги Кюстина начинается новый этап в восприятии России французским и, пожалуй, в целом европейским общественным мнением. В эпоху революций 1848–1849 гг. либеральное общественное мнение «даже Турцию считало более близкою к духу века и к гуманности, нежели петербургское правительство, которое только тем и отозвалось на современные движения, что грозило залить их кровью русских солдат». Е.В. Тарле ссылается на «Revue des deux Mondes», передающую анекдот о том, «будто Миних во время войны против турок отдал приказ по войскам, воспрещавший солдатам заболевать чумою под страхом быть за это погребенным заживо» [4, с. 66].

L'Ours du nord, le plus désagréable de tous les ours connus.

«Северный медведь, самый неприятный из всех известных медведей»

(Honoré Daumier, «Le Charivari», 17–18.04.1854)

Источник: http://lts.brandeis.edu/research/archives-speccoll/events/crimeanwar/TurkevBear.html

Неудивительно, что во время Крымской войны французская пресса и публицистика была наводнена враждебно-шовинистическими памфлетами о России, в которых одну из главных ролей, по словам академика, играет тема «самодержавного кнута». Чего стоят одни только названия некоторых сочинений о России этого времени – «Кнут и русские» Жермена де Ланьи или «Русский манекен» Луи Люрена. Главной мыслью последнего является то, что «жизни никакой в России нет, есть только марионетки и автоматы», слепо «повинующиеся своему господину», «и их 60 миллионов» [4, с. 69]. Наконец, образчиком всех «тех лубочных представлений о России, какие были в это время распространены в средней публике на Западе», стала вышедшая в 1854 г. «Драматическая, живописная и карикатурная история Святой Руси», иллюстрированная Гюставом Доре. Цитируя Е.В. Тарле, «кнут, нагайки, целые страницы кроваво-красных пятен, пытки, рабы, лежащие связанными „пачками“ на карточном столе, где игроки их проигрывают и выигрывают, – вот главное содержание иллюстраций» [4, с. 77].

Таков был первый в истории печальный опыт формирования взаимного образа врага у передовых держав Запада и России. По сути, это была первая «холодная война» между ними. К сожалению, в те времена она дошла и до своей «горячей» фазы. Этой фазы трудно было избежать тогда, поскольку сошлись вместе различные факторы, в значительной степени субъективные, такие, как стремление Наполеона III за счет войны укрепить свой режим или личная ненависть Ч. Стратфорд-Каннинга (британского посла в Константинополе и несостоявшегося посла в Петербурге). Но самое главное, что эти факторы упали на благоприятную почву, подготовленную общественным мнением и прессой.

Интересный вывод делает политобозреватель агентства «РИА-Новости» П.В. Романов в своем новейшем исследовании: «Полюса ненависти сошлись. Славянофил Тютчев писал о том, что столкновение с Западом неизбежно и необходимо. Русофоб Энгельс… утверждал: „У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы – Россию“. К счастью для европейской цивилизации Николай I не смог оправдать надежд славянофилов, а Англия и Франция – чаяний русофобов. Получилась боевая ничья» [9, с. 121]. В главном можно согласиться с этим мнением и в очередной раз призвать людей не повторять ошибок прошлого, стремиться к взаимопониманию, а не к конфронтации, которая должна остаться в прошлых веках, вместе со всеми «холодными» и тем более настоящими войнами.

Литература

1. Edgerton R.B. Death or Glory. The Legacy of the Crimean War. Oxford, 2000.

2. Wie ward der letzte orientalische Krieg herbeigeführt? Eine historische Untersuchung. Leipz., 1863.

3. Rich N. Why the Crimean War? A Cautionary Tale. L. ; Hanover, 1985.

4. Тарле Е.В. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Тарле Е.В. Запад и Россия. П., 1918. С. 28–78.

5. Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2007.

6. Павленко Н. Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. №2.

7. Marx K. The Eastern Question, A Reprint of Letters Written 1853–1856 Dealing With The Events of The Crimean War / Ed. by E. Marx Aveling and E. Aveling. L., 1897.

8. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982.

9. Романов П.В. Россия и Запад на качелях истории : в 4 т. Т. II. СПб., 2010.

Е.А. Корнеева

Роль геополитических и геокультурных факторов в развитии этнонациональных конфликтов на территории Республики Крым

На макроуровне, в контексте теоретических построений, сформулированных с целью объяснения социокультурных изменений в современном обществе, природа конфликта разрабатывается с эпохи Аристотеля и Т. Гоббса, именно они в своих трудах определили основные направления. Аристотель видел источник конфликта в социальном и имущественном неравенстве людей от природы. Томас Гоббс в трактате «Левиафан» акцентирует внимание на равных у каждого человека физических и умственных данных от рождения. А природа конфликта, по его мнению, кроется в попытке двух людей добиться одной цели.

В дальнейшем изучение социального конфликта идет по двум направлениям. Согласно первому, конфликт рассматривается лишь с целью обоснования устойчивости общества, консенсуса. Его придерживались социологи Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Смелзер. Согласно другому, конфликт первичен, и как полагали К. Маркс, М. Вебер, В. Паре-

то, Р. Дарендорф, занимал главное место при объяснении социальных изменений.

Основное внимание межэтническим конфликтам стало уделяться в XX в. За последнюю декаду стало очевидно существование конфликтогенного «мирового порядка». Это дополняет теорию серьезной критикой современного неолиберализма. Стоит отметить еще и то, согласно с Э. Тоффлером, что на количество противоречий порядком влияет изменение природы института власти.

В современной России теоретическим аспектам данной проблемы посвящены работы академика А.Л. Нарочницкого [1], Е.М. Кузьминой [2], С.М. Елисеева [3], Н.В. Аникина [4], С.А. Панарина, А.Р. Вяткина [5], В. Дергачева [6].

На наш взгляд, для полного адекватного анализа конфликтной ситуации необходимо выделить все обстоятельства, которые способствовали созреванию конфликта. Однако в рамках одной статьи это невозможно.

Поэтому на данном этапе работы, как нам видится, для сложившегося этнополитического конфликта в Крыму, в первую очередь, необходимо определить исторические движущие силы и проследить основные миграционные потоки.

Украина была независимой в различные этапы своей истории, но большую часть современной эпохи она являлась единой политической структурой, управляемой из Москвы.

С перестройкой отчетливо проявились различия между Западной и Восточной Украиной, которые просматривались во взглядах населения.

Однако самым непредсказуемым в пределах Украины остается полуостров Крым. На полуострове на протяжении веков сходились геокультурные и геополитические интересы многих стран.

Сегодня основу национального состава республики формируют русские, украинцы и крымские татары. Согласно результатам опроса Центра Разумкова 60,1% жителей Крыма считают себя русскими; 24,9% – украинцами, 9,1% – крымскими татарами [7].

Специфика Крыма заключается в его социокультурном, этническом и конфессиональном разнообразии, что делает его уязвимым к образованию внутренних конфликтов.

Приоритетное значение национальная политика в Крыму приобретает в период перестройки и постперестроечный период. Кардинально изменяется этнополитическое и социально-политическое положение в Крыму по причине переселения крымских татар из мест депортации. Наиболее интенсивный процесс переселения идет в 1989–1994 гг. Именно тогда резко обостряется социально-экономическая обстановка.

Сегодня русскоязычное население Крыма все меньше чувствует себя хозяином на земле. Татары, ощущая все крепнущую поддержку со стороны Турции, вынашивают планы о создании на полуострове национальной автономии.

В поисках национально-этнической идентификации крымские татары обратились к истории полуострова, рассматривая ее с сугубо выгодных для себя позиций. Для прояснения некоторых обстоятельств мы тоже позволим себе обратиться к историческим фактам и выстроить «карту», всегда вызывающего дискуссию, миграционного передвижения крымских татар.

Конечно, на наш взгляд, не совсем верно рассматривать крымских татар только как потомков монголо-татарских завоевателей и лишать их права на самоопределение. За многие тысячелетия существования полуострова сменилось немало цивилизаций. Он стал ареалом интенсивных миграций. Здесь смогли сосуществовать тавры, скифы, греки, сарматы, генуэзцы и разные кочевые племена – довольно сложный конгломерат культур и народов.

Крым всегда был ареной геополитических, этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов. Полуостров обладал и обладает особенным геостратегическим положением, поэтому никогда не существовал как самостоятельная геополитическая единица. Он попадал в сферу влияния Афинского морского союза, империи Александра Македонского, Римской и Византийской империй, Тюркского и Хазарского каганатов, Золотой Орды, Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Османской и Российской империй.

В 1783 г., с присоединением Крыма к России, стартуют процессы историко-культурного взаимодействия русских с формировавшимся и уже преобладающим населением – крымскими татарами. При этом начинается массовая эмиграция в Турцию, и количественный состав татарского населения резко сокращается – на 100 тыс. Первая эмиграционная волна была вызвана страхом перед грядущими социально-политическими изменениями, которые пророчил приход новой власти, да еще и исповедующей новую религию.

Со временем влияние русской культуры растет, что вызывает более масштабную эмиграцию второй волны в Турцию (1860–1862 гг.) как «эхо» Крымской войны.

Так, первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. свидетельствует о спаде доли населения крымских татар до 35,6% [5, с. 266]. Чтобы пополнить человеческие ресурсы и заменить покинувших свои земли и земли помещиков татар-мусульман, царское правительство дополнительно стимулирует пребывания на благопри-

ятные угодья людей христианской веры. Начинает расти русская и украинская община, увеличивается численность армян, немцев, болгар, евреев.

После Первой мировой и Гражданской войн доля татар составляла уже 26% (1921 г.), а затем полуостров интенсивно развивается, что дает новый импульс мощной иммиграции (преимущественно русских и украинцев), при этом доля татар сокращается уже до 20,7% в 1937-м и до 19,4% (218,9 тыс. человек) в 1939 г. [5, с. 267]. Несмотря на существенный спад в 20–30-е гг. XX в., продолжается процесс консолидации крымских татар в единый этнос.

Во второй половине XIX и начале XX в. превалировали духовные ценности, которые преимущественно определяли мировоззрение двух народов. Отсюда вытекают определенные различия (вплоть до антагонизма) в интерпретации морали, способов поведения и отношения к окружающей действительности.

В России религиозный фактор был силен до 1940-х гг.. Сильно позиции православия были поколеблены только к середине 30-х. В рассмотренный выше период, в основном, эмиграционные волны в Турцию возникали из-за страха насильственного изменения религиозных верований крымских татар.

Но уже в начале 40-х гг. влияние религии на взаимоотношения русских и татар в Крыму стало минимальным, на первый план вышли политические характеристики народов как «благонадежных» или «неблагонадежных».

В насыщенном войнами и революциями двадцатом столетии полуостров являлся объектом геополитического давления. Коллективизация, массовые репрессии, война, сталинские депортации окончательно меняют этнодемографическую ситуацию. Этнический состав населения по данным последней переписи 1939 г. до депортации выглядел так: русские – 50%, крымские татары – 19%, украинцы – 14%, немцы – 5%, евреи – 6% [8, с. 334].

Начиная с 1941 г. из Крыма было депортировано 52 тысячи этнических немцев; 1,5 тыс. австрийцев, румын, венгров и итальянцев; 11 тыс. армян; 12,5 тыс. болгар; 14,4 тыс. греков. К тому же, вывезены турки, курды, персы, цыгане. Депортация татар произошла за два дня в мае 1944 г. По данным НКВД было выселено 183,2 тыс. человек. Всего за годы войны из Крыма депортировали 300 тыс. жителей [8, с. 335]. Начинается колонизация полуострова, из южных и центральных областей России поощрительно-принудительно переселяют примерно 65 тыс. человек.

Крымские татары, в результате насильственного переселения, оказались в Средней Азии, главным образом в Узбекистане. Многие попали в городскую местность, а подобная урбанизация была не свойственна им, как преимущественно сельским жителям.

Территориальная принадлежность Крыма к СССР не могла обеспечить социально-культурное, духовное единство наций.

В 1954 г. Н.С. Хрущев передает Крым Украине, что вновь сказывается на этническом составе. Численность украинцев увеличивается, а доля русских сокращается до 67% [8, с. 335]. Целесообразность этого решения была основана на вере в то, что распад СССР в долгосрочной перспективе не ожидается.

Постепенно начинается реабилитация татар. На почве желания получить «хорошую» землю возникают этнополитические и межконфессиональные конфликты, кульминация которых пришлась на вторую половину 90-х гг..

В последние шесть лет XX в. возвращение татар начинает рассматриваться не только с финансовой, организационно-строительной стороны, но и с социально-культурной. Легализируются представительные органы: Курултай и Меджлис.

Заметим, что до сих пор так и не сложилась определенная концептуальная и законодательная база для обустройства депортированных граждан.

Затяжной экономический кризис на Украине конца XX – начала XXI в., политическая нестабильность привели к несанкционированным демонстрациям и вооруженным столкновениям.

Целый народ оказался не интегрированным в сложившуюся за годы депортации новую социальную среду и занял резко оппозиционную позицию.

Сегодня выдвижение тех или иных притязаний крымских татар на государственность и территорию основывается исключительно на «историческом праве».

Как мы видим из вышесказанного, исторически можно установить нацию «крымские татары», но говорить о ее первенстве и уникальности не выходит.

Являясь народом без сильной государственности и национального единства, они подвергались внешнему воздействию наиболее сильных наций. Это обусловило постоянные процессы добровольных эмиграций и вынужденных депортаций.

Современная политика Украины направлена на выход из треугольника Москва – Киев – Симферополь. В стратегии развития автономной республики до 2020 г. России уделяется скромное место, хотя

она по-прежнему является основным потребителем продукции структурообразующих отраслей крымской экономики и поставщиком важных сырьевых ресурсов. Поэтому Украина не в состоянии отказаться от тесного сотрудничества с Россией. В противном случае, серьезной проблемой в Крыму станут экономические вопросы, которые может облегчить общая культура и тесные личные связи.

Сегодня перед нами конфликт интересов, зачастую провозглашаемый конфликтом ценностей. Вокруг Крыма всегда было много политики, но мало экономически обоснованных и социально оправданных расчетов и решений.

Литература

1. Геополитические факторы во внешней политики России: вторая половина XVI – начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого / отв.ред. С.Л. Тихвинский ; Ин-т российской истории РАН. М., 2007.

2. Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии / Ин-т экономики РАН. М., 2007.

3. Елисеев С.М. Социальные и политические размежевания, институциональные предпосылки и условия консолидации партийных систем в демократическом транзите // Политическая наука. 2004. №4. С. 64.

4. Аникин Н.В. Духовные и культурные аспекты репатриации крымских татар (1990–2005 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8 : История. 2009. №1.

5. В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / под ред. А. Вяткина, Н. Космарской и С. Панарина. М., 1999.

6. Дергачев В. Геополитическая трансформация Крыма // Вестник аналитики. 2008. №3. URL: http://www.dergachev.ru/analit/10.html.

7. АР Крым: люди, проблемы, перспективы. Аналитический доклад Центра Разумкова. URL: http://www.bigyalta.com.ua/story.

8. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.

9. Кавтарадзе С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. М., 2005.

10. Сорокин Ю.А. Этноконфликт: модель и ее составляющие // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30 : Филология. 2005.

11. Титова Л.Г. Культура сопротивления как способ решения конфликтов и укрепления социальности // Конфликтология СПбГУ. 2008. №4.

12. On-line проект Центра урегулирования этнополитических конфликтов «Этнофактор» (Электронный журнал). URL: http://www.ethnoconflict.ru/analitics/017-ukraine.htm.

Н.Ю. Кузьминых
Гражданская война в Латвии (1918–1920 гг.) и интересы мировых держав

Первая мировая война и распад Российской империи как одно из ее последствий привели к изменению геополитического баланса в Европе. Мировые державы, понимая слабость советской власти в России в конце 1910-х гг., в особенности в плане удержания контроля над бывшими территориями Российской империи в Прибалтике, пытались закрепить свои интересы в этом регионе. Основными действующими лицами были Германия, уже много столетий имевшая прочные этнические и политические связи с Прибалтикой, Россия, пытавшаяся отстоять хоть малую часть из имперского наследия и не допустить угрозы основной территории страны со стороны западных держав, и Антанта, стремившаяся предотвратить укрепление позиций Германии в Восточной Европе.

В сентябре 1917 г. в оккупированной германскими войсками Риге латышские политические партии сформировали коалицию – Демократический блок. В начале декабря в Валке латышские национальные организации окончательно сформировали Латышский временный национальный совет. 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) в Валке Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколат) принял декларацию о самоопределении Латвии. Была образована советская Латвия (т.н. Республика Исколата), власть которой распространялась на неоккупированную германскими войсками часть Лифляндской губернии. В связи с поражением Германии на Западном фронте Первой мировой войны ею было подписано 11 ноября 1918 г. Компьенское перемирие, статья 12 которого предусматривала оставить в Прибалтике оккупационные войска побежденной в войне Германии, чтобы не допустить в Прибалтике восстановления советской власти [1, с. 63]. Формально там было написано следующее: «Все немецкие войска, которые оказываются в настоящее время на территориях, которые до войны являлись частью России, должны будут возвратиться также за границы Германии, определенные как выше, как только Союзники признают момент наступившим, учитывая внутреннее положение этих территорий» [2, с. 2]. Таким образом, страны Антанты признали целесообразность использовать силы Германии в установлении контроля над бывшими частями России, но

лишь до определенного момента – пока не исчезнет угроза распространения советской власти на эти территории.

В условиях фактической оккупации немецкими войсками был сформирован Народный совет Латвии, председателем которого стал Карлис Ульманис. В нем не были представлены ориентированные на Советскую Россию большевики и прогермански настроенные буржуазные политики. Народный совет принял резолюцию о создании демократической и независимой республики. События развивались совсем не так, как хотелось бы властям Советской России. Необходимость создания «буферной зоны» безопасности между основной частью России и Западом, а также владевшая умами большевиков идея «мировой революции» заставляли большевиков принимать меры по противодействию установлению в Прибалтике демократической независимой власти. Благодаря агентам большевиков и их подпольной сети в день провозглашения независимости в центре Риги состоялось собрание рабочих и служащих, на котором была принята резолюция о передаче власти советам рабочих и безземельных депутатов. На территориях Лифляндии и Латгалии, не оккупированных немецкими войсками, был образован Военно-революционный комитет Латвии, подконтрольный большевикам и поставивший своей целью установление советской власти в Латвии. Учитывая практическую невозможность прихода к власти левых сил в условиях немецкого контроля над большей частью территории и недостаточную поддержку этой идеи в латышском обществе, большевики решили прибегнуть к тактике, которую они используют в дальнейшем в ходе Второй мировой войны – вооруженному захвату территории Латвии.

В декабре 1918 г. независимое правительство Карлиса Ульманиса, вынужденное противостоять угрозам как с Востока, так и с Запада, признало временную немецкую оккупацию меньшим злом и заключило соглашение об объявлении Балтийского ландесвера вооруженными силами Латвийской республики. По этому соглашению Латвийская армия формировалась из немецких, русских и латышских частей, причем латышей в новой армии должно было быть не менее 2/3. Латвийское правительство просто не имело средств для покупки оружия для армии и не могло воевать на два фронта. В Латвию были направлены части Красной армии и латышских стрелков. По окончании немецкой оккупации, 17 декабря 1918, вышел Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Латвии, возглавлявшегося Петром Стучкой, об установлении советской власти. С помощью латышских красных стрелков и других частей Красной Армии правительство Стучки сумело установить контроль над основной частью Латвии, включая Ригу, захваченную 3 января 1919 г. 13 января 1919 г. в Риге была про-

возглашена Латвийская Социалистическая Советская Республика. 22 декабря 1918 г. российское правительство издало декларацию о признании независимости Советской Латвии. Месяцем раньше, 29 ноября 1918 г., В. И. Ленин (Ульянов) отправил телеграмму главнокомандующему всеми вооруженными силами РСФСР И.И. Вациетису, в которой дал указание Красной армии всеми мерами поддерживать процесс становления советских правительств в Латвии, Эстонии, Литве и Белоруссии. Командование оставшихся частей немецкой армии в конце декабря приняло стратегическое решение дать бой наступавшим латышским стрелковым подразделениям в окрестностях Инчукалнса, поскольку именно там со времен Первой мировой войны хорошо сохранилась система оборонительных укреплений. В конце 1918 – начале 1919 г. части ландесвера оказывали яростное сопротивление наступавшим подразделениям Красной армии, но не смогли сгруппироваться и в ночь на 1 января 1919 г. вынуждены были беспорядочно отступить. Правительство Ульманиса готовилось к ситуации, когда немецкое руководство больше не будет заинтересовано в сотрудничестве и начало формирование независимых от ландесвера военизированных формирований. К апрелю 1919 г. Красной армии, в рядах которой были и латышские стрелки, удалось захватить большую часть территории Латвии, за исключением небольшой области вокруг портового города Лиепаи, которая оставалась под контролем временного правительства Латвии, возглавляемого Карлисом Улманисом.

В этот критический для латвийской независимости момент ход событий изменили остававшиеся на территории Латвии части немецкой армии. 16 апреля 1919 г. в Лиепае немецкие отряды ландесвера свергли правительство Улманиса, которое обвиняли в сотрудничестве с Антантой и считали антигерманским. 26 апреля 1919 г. командование ландесвера назначило премьер-министром Латвии лютеранского пастора Андриевса Ниедру, латыша по национальности, получившего известность благодаря своим острым выступлениям на страницах латышских газет. В конце мая 1919 г. отряды ландесвера взяли Ригу, вытеснив оттуда подразделения Красной армии. После того, как 22 мая 1919 г. ландесвер, Железная дивизия, состоявшая из прибывших из Германии добровольцев, и белогвардейские формирования под командованием князя Ливена освободили Ригу от большевиков, правительство Ниедры переехало в латвийскую столицу. После захвата Риги немецкое военное и политическое руководство получило возможность создать в Латвии политический режим германской ориентации и обратило оружие против латышских национальных вооруженных формирований и поддерживающей их Эстонской армии. Марионеточное

правительство Ниедру прекратило свое существование 29 июня 1919 г., после того, как 23 июня эстонские и латышские полки, пришедшие на помощь Улманису, разбили под Цесисом отряды ландесвера и Железной дивизии.

В январе 1920 г. при поддержке польских и литовских войск армия Латвийской Республики освободила Латвию от Красной Армии и 11 августа 1920 г. правительство Латвии подписало договор о перемирии с РСФСР, по которому советское правительство «...признает безоговорочно независимость, самостоятельность и суверенность Латвийского Государства и отказывается добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав кои принадлежали России в отношении к латвийскому народу и земле...» [3, с. 109]. 26 января 1921 г. страны – победители в Первой мировой войне (Антанта) официально признали независимость Латвийской Республики. 22 сентября 1921 г. Латвия и две другие прибалтийские страны были признаны Лигой Наций.

Конфликт, иногда называемый исследователями «Гражданской войной в Латвии», затронул интересы великих держав – Германии, блока Антанта, России. Отстоявшая в итоге свою независимость Латвия скорее отвечала интересам стран-победительниц, так как контроль над Латвией не получили ни Германия, ни Советская Россия. Правительство большевиков, озабоченное сохранностью и безопасностью своей власти, потерпело поражение во включении Латвии в «зону безопасности» в Восточной Европе, не говоря уже об утопичной идее «мировой революции». Германия, стремившаяся получить хотя бы малую выгоду от ослабления России на фоне своего поражения в войне, также вынуждена была признать латвийскую независимость. Латвия как независимое государство просуществует 20 лет, по истечении которых советская армия положит конец его существованию на долгие полвека, но как субъект международного права Латвия не перестанет существовать.

Литература

1. Смирин Г. Основные факты истории Латвии. Рига, 1999.

2. Latvijas Brīvības Cīņas (1918–1920). Riga, 1996.

3. Министерство иностранных дел СССР. Документы внешней политики СССР. Т. 3 (1920.07.1–1921.03.18). М., 1959.

О.Ч. Реут
Баренцево море. Пространственная делимитация. Разрешенный конфликт?

7 июня 2011 г. в Осло были проведены переговоры министра иностранных дел России Сергея Лаврова с министром иностранных дел Норвегии Йонасом Гаром Стёре. Главы внешнеполитических ведомств обменялись ратификационными грамотами к Договору о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане [1]. Казалось бы, на извечный вопрос, где ставить запятую в формуле «делить нельзя сотрудничать», получен окончательный ответ, и межгосударственный конфликт, с разной степенью интенсивности продолжавшийся с 1926 г., к удовлетворению сторон разрешен.

Россия и Норвегия подписали указанный договор 15 сентября 2010 г. в Мурманске. Были установлены четкие границы суверенных прав и юрисдикций двух государств при разграничении пространств Баренцева моря [2]. Парламент Норвегии ратифицировал договор 8 февраля, российская Государственная дума – 25 марта, Совет Федерации – 30 марта 2011 г.

Однозначно оценить подписанное соглашение, однако, весьма затруднительно, и его необходимо, скорее всего, рассматривать в свете изменений политического состояния противоборствующих сторон.

Теоретически рассуждая, конфликт представляет собой противоборство двух или более субъектов, оспаривающих друг у друга распределение полномочий. Причины конфликтов описываются, как правило, ресурсным и ценностным подходами. Конфликт из-за ресурсов – противоборство по поводу власти, собственности, богатств, авторитета, статуса, доступа к новым ресурсам. Конфликт из-за ценностей – противоборство идеологий, но чаще – нравственных убеждений. Предельно неоднозначные переговоры по разграничению морских пространств Баренцева моря являлись примером сложного переплетения мотивов как ресурсного, так и ценностного характера.

В 1920 г. девять государств (США, Япония, Великобритания, Франция, Италия, Нидерланды, Дания, Швеция и Норвегия) подписали Договор о Шпицбергене, который передавал все острова, расположенные на акватории 74°–81° северной широты и 10°–35° восточной долготы (включая архипелаг Шпицберген), под административный суверенитет Норвегии при условии, что на территории этих островов и в их территориальных водах хозяйственной деятельностью и рыболовством могут заниматься все участники договора. Рассматриваемое соглашение оперирует конструкциями, определенно не указывающими на

классическое «легитимное право на насилие» со стороны Осло. Таким образом, хотя текст договора свидетельствует о «полном и абсолютном суверенитете Норвегии» (full and absolute sovereignty) [3], это, однако, не может пониматься как наличие государственного (state) суверенитета.

Стоит отметить, что в момент подписания сторонами Договора о Шпицбергене Россия не признавала данный документ, да и ее, Россию, не признавали сами первоначальные участники межгосударственного соглашения. Только когда в 1935 г. стала очевидна непродуктивность бойкота Советского Союза, он стал полноправным участником договора 1920 г. наряду с его основателями.

Несколько позже даты заключения Договора о Шпицбергене, а именно в 1926 г. СССР определил границы своих морских полярных владений. В основу проведения границ акваторий был положен так называемый принцип секторного деления, когда суверенный контур идет по линии долготы от точки сухопутной границы на побережье до Северного полюса. В результате сформировалась оспариваемая акватория. Норвегия и СССР установили границы своих исключительных экономических зон в 1976 г. Наша страна использовала секторный принцип, а соседи-оппоненты – разграничение по срединной линии. Несовпадение подходов привело к образованию спорной зоны общей площадью около 155 тыс. кв. км (что превышает, для сравнения, норвежские морские владения в Северном море).

В течение трех десятилетий, с точки зрения российских интересов в Арктике, приоритетной задачей представлялся медленный и сложный переговорный процесс. Это прекрасно понимали и норвежские переговорщики. В августе 2004 г. тогдашний заместитель министра иностранных дел Ким Тровик прокомментировал проблему делимитации морской границы следующим образом: «Намного важнее найти хорошее, а не быстрое решение. Мы не должны ощущать давление времени» [4]. Было очевидно, что российской стороне требуется концентрация всех возможных усилий именно на поиске оптимального решения проблемы раздела или совместного освоения спорных провинций Баренцева моря с Норвегией, а вовсе не надувание щек по поводу «неожиданного успеха» в делении совсем немифических «мировых резервов» глубоководной Арктики. Что же получилось теперь, после обмена ратификационными грамотами к Договору о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15 сентября 2010 г.?

Прежде всего, Российская Федерация отказалась от суверенных прав в отношении примерно половины от указанных выше 155 тыс. кв.

км акватории, навсегда отступила от того, что прежде считала исключительно своим. Во-вторых, с учетом прецедентного характера международного морского права, заключение договора означает, что Россия добровольно отказалась от применения универсального принципа секторного деления, к которому Москва апеллировала в течение восьмидесяти пяти лет.

Норвегия, успешно заключив соглашения в 1965 г. с Великобританией и Данией, а затем, в 1968 г., со Швецией о пространственной делимитации Северного моря, используя принцип срединной линии, неоднократно заявляла о возможности и необходимости применения этого же принципа в Баренцевом море. С 1976–1977 гг. на стадии переговоров по разграничению экономических зон, которые в большей степени затрагивали вопросы рыболовства, норвежцы давали понять, что они готовы будут пойти на делимитацию «спорного района» 50 на 50. Но такой подход не встречал поддержки у советской, а впоследствии российской стороны. Данный вариант, разрушая систему Договора о Шпицбергене 1920 г. и историческую границу полярных владений России, не отвечал принципу справедливости.

Теперь же отступление от принципа секторного деления – в частном рассматриваемом случае это фиксировалось в двух взаимосвязанных тезисах: «The sea is divided along lines of longitude, with the North Pole as the center» и «The North Pole would be split among countries» [5] – автоматически означает отказ от положения, при котором Москва может считать Северный полюс российским.

Медийно нашумевшие российские «погружения» почти четырехлетней давности вывели вопрос раздела Арктики из сферы спокойных, хотя и предельно противоречивых переговоров в «открытое» пиар-пространство, заставив лидеров приарктических государств также снаряжать экспедиции, делать громкие заявления о том, что они «не отдадут ни пяди» арктического пространства. Все пропагандистские заявления, звучавшие в августе 2007 г., когда глубоководные аппараты «Мир-1» и «Мир-2» «установили российский флаг на дне Северного Ледовитого океана» (именно такая формулировка являлась официальной) [6], теперь должны быть забыты.

Позиционирование причин необоснованно значительных уступок России целесообразно исследовать посредством моделирования эволюции основных стадий конфликта. Известно, что стороны всегда способны перевести конфликт в такую форму, при которой его можно избегать, откладывать или даже отрицать. Конфликт может тлеть, может быть осуществлена его подмена или вовсе перемещение в другую область взаимоотношений сторон. Если же конфликт приобрел кон-

фронтационную форму, то только переговорные практики способны достичь примирения, т.е. относительно быстрого изменения самой конфликтной ситуации. Но примирение не означает автоматического устранения причин конфликтной ситуации, так как завершение инцидента может быть предопределено, например, трансформацией требований одной из сторон, истощением ресурсов, вмешательством третьей силы. В этом же ряду находится такое контекстуальное изменение ситуации как уступка. Даже при принятии сторонами заключения, что конфликт завершен, критерии его разрешения требуют однозначного определения, кто именно является победителем и побежденным, каким будет будущее распределение ресурсов и ценностей. В противном случае, несмотря на ситуационное исчерпание предмета спора, не происходит фактического изменения обстоятельств, не исключается новое, последовательно отложенное противостояние.

Кажущееся внешне привлекательным положение «в обмен на технологии», подтверждаемое словами российского президента Д. Медведева: «Прежде всего, это, конечно, энергетика, потому что неурегулированность вопросов о территориальном размежевании, о разграничении морских пространств не давала возможности заниматься крупными энергетическими проектами … Мне кажется, что это лучший подход. Это объединяет и усилия, и деньги, и технологии. И, может быть, это главное» [7], – звучит не в полной мере убедительно.

Вопрос о том, возможно ли будет в формуле «делить нельзя сотрудничать» поставить запятую после слова «нельзя», остается открытым, поскольку тезис о сотрудничестве не подкрепляется ясными договоренностями практического характера. Постановка же запятой перед «нельзя», фактически уже реализованная в ратифицированном договоре, автоматически наделяет границу делимитации в Баренцевом море негативным нарицательным смыслом, как это случилось с линией Шеварднадзе–Бейкера в Беринговом море. При этом двустороннее российско-американское соглашение о последней вот уже два десятилетия остается нератифицированным Россией.

Литература

1. Шестаков Е. Поделили море и океан. Главы МИД России и Норвегии провели новую «красную линию» на карте // Российская газета. Столичный выпуск №5498 (122). 8 июня 2011 г. URL: http://www.rg.ru/2011/06/07/norvegiya-site.html.

2. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Барен-

цевом море и Северном Ледовитом океане. 15 сентября 2010 г. URL: http://www.news.kremlin.ru/ref_notes/707.

3. Treaty between Norway, The United States of America, Denmark, France, Italy, Japan, the Netherlands, Great Britain and Ireland and the British Overseas Dominions and Sweden Concerning Spitsbergen. Paris, 9 February 1920. URL: http://www.lovdata.no/traktater/texte/tre-19200209-001.html.

4. Прохоров П. В поиске срединной линии // Эксперт Северо-Запад. № 44 (249). 21 ноября 2005 г. URL: http://www.expert.ru/northwest/2005/44/44no-8_48370.

5. Krauss C., Lee Myers S., Revkin A.C., Romero S. As Polar Ice Turns to Water, Dreams of Treasure Abound // The New York Times. 10 October 2005. URL: http://www.nytimes.com/2005/10/10/science/10arctic.html

6. Реут О. Арктический шельф: сто лет одиночества, 2 сентября 2009 г. URL: http://www.eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=2142.

7. Медведев Д. Выступление на совместной пресс-конференции по итогам российско-норвежских переговоров. Мурманск, 15 сентября 2010 г. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/8924.

А.С. Солдатова
Модернизационный потенциал интеграционной политики России на пространстве СНГ

Наверное, до сих пор еще в России не сложилось более или менее ясное представление, что значит ее современный курс на модернизацию, и каковы в связи с этим ее сегодняшние и будущие международные интересы. Очевидно одно: курс на модернизацию не может исчерпываться только технической стороной вопроса, она должна затрагивать и политическую жизнь общества. «Россия и ее модернизация зависят во многом и от внешнего мира, от того, насколько внешние условия враждебны или, наоборот, благоприятны ее намеченным целям и ее усилиям» [1, с. 7]. Важнейшим приоритетом России в создании благоприятных внешних условий для ее модернизации является постсоветское пространство. Причины этого объяснять не надо.

Какие же конкретно задачи могло бы решать Содружество с точки зрения интересов России в среднесрочной перспективе? Это во многом зависит от оценки перспективности интеграционной политики РФ на постсоветском пространстве. Такие оценки, как известно, различны. Однако, прежде чем, рассматривать их, следует обозначить структурные факторы, затрудняющие интеграцию России и стран СНГ:

– несоответствие сложившихся структур хозяйства бывших союзных республик потребностям их становления и развития как независимых государств;

– низкий технический уровень производства, предопределивший неконкурентоспособность производимой продукции даже внутри СНГ по сравнению с импортируемой из стран дальнего зарубежья;

– отсутствие у России передовых технологий, что толкало остальные республики на поиск внешних партнеров;

– потребность новых государств в глубокой перестройке структуры производства, изменениях товарной номенклатуры и географической направленности их хозяйственных связей между собой и с третьими странами [2, с. 29].

Несмотря на обозначенные проблемы, в пользу интеграционного выбора государств содружества можно отнести такие факторы:

– достаточно емкий рынок сбыта с населением более 200 млн чел.;

– сопоставимый уровень дохода, а, следовательно, и покупательной способности широких слоев населения в основных государствах интеграционного пространства (т.е. достаточно однородный рынок с точки зрения качества продукции массового спроса);

– самодостаточность и взаимодополняемость по основным видам топливно-энергетических и сырьевых ресурсов и отраслевой диверсификации промышленного потенциала;

– высокая технологическая общность производственного потенциала;

– достаточно высокая социокультурная общность населения, оставшаяся в наследство от советского периода;

– примерно одинаковый уровень продвинутости трансформационных процессов, что делает достаточно однородной общую экономическую среду [3, с. 41].

В связи с этим можно выделить предпосылки для активизации регионального интеграционного сотрудничества. Назовем главные из них.

Во-первых, сохраняется и даже растет взаимная значимость стран СНГ как рынков сбыта (обработанных изделий, машинотехнической продукции и т.д.).

Во-вторых, сохраняется общая транспортная инфраструктура государств Содружества, в сохранении и развитии которой заинтересованы все страны СНГ.

В-третьих, растет интенсивность трудовой миграции в СНГ, которая сегодня стала одной из ключевых и наиболее динамичных форм взаимодействия национальных хозяйств.

В-четвертых, в условиях переходного периода в экономике после глобального кризиса возрастают возможности усиления регионального интеграционного сотрудничества на постсоветском пространстве, консолидации стран СНГ вокруг России [4].

В-пятых, страны СНГ объединяют общие и чрезвычайно актуальные задачи коренной модернизации хозяйства и перевода его на инновационный путь развития.

В-шестых, «важно поддерживать за Содружеством роль уникального форума для регулярного, в том числе неформального общения, в первую очередь на высшем уровне, в целях поиска совместных подходов в решении международных и региональных проблем» [2, с. 29].

В-седьмых, интересам всех без исключения стран региона отвечает расширение общего научного и образовательного пространства.

В соответствии с этим можно говорить об имеющемся модернизационном потенциале интеграционной политики России на постсоюзном пространстве, однако очевидным следствием этого является необходимость разработки новой доктрины развития СНГ и нового интеграционного курса РФ в регионе. Они, прежде всего, должны предусматривать эффективные методы консолидации экономического пространства Содружества и механизмы гармонизации процессов разноуровневой и разноскоростной интеграции.

А.Н. Михайленко выделяет следующие сценарии российской политики в отношении дальнейшего развития СНГ. Первый из них предусматривает роспуск Содружества и подразумевает формирование на постсоветском пространстве новой российской политики.

А.И. Суздальцев, например, высказывает следующее мнение: «Бывший СССР как объект общего анализа – уходящая реальность» [5]. Со сценарием распада СНГ солидарны и некоторые другие российские ученые. Роспуск СНГ, по мнению Р. Шайхутдинова, позволит «начать новый этап в строительстве отношений между Россией и странами постсоветского пространства» [6, с. 39].

А.В. Торкунов также сомневается, что «в своем нынешнем состоянии СНГ имеет сколько-нибудь серьезный интеграционный потенциал». Однако он отмечает, что «к счастью, мы давно ушли от риторических вопросов о необходимости СНГ» [7]. Соответственно, второй сценарий заключается в принятии мер по повышению эффективности Содружества. Этот сценарий имеет три варианта: реформирование СНГ на принципах Евросоюза, его перестройка наподобие «Большой восьмерки» и, наконец, постепенная эволюция Содружества без коренной ломки его структуры.

Первый вариант подразумевает, что реорганизация должна привести к утверждению в Содружестве основных принципов Европей-

ского союза: делегирование ряда важных полномочий государств-участников наднациональным органам, солидарная выработка единой внешней политики союза, а также система «взвешенного голосования» по значительному кругу вопросов. Однако многие ученые видят главное препятствие в движении СНГ по этому пути в неготовности большинства стран-участниц к принятию и осуществлению данных принципов на практике.

Что касается другого варианта реформирования по принципу «Группы восьми», то такую перспективу исследователи оценивают невысоко. На повестке дня «Большой восьмерки» оказываются, как правило, глобальные проблемы, а не свои внутренние текущие дела. А переход системы СНГ на принципы работы «Группы восьми» потребует коренного пересмотра наработанной инфраструктуры сотрудничества.

В этом плане представляется довольно важными мысли о третьем варианте модернизации интеграционного аппарата Содружества. Он «не несет угрозы дезорганизации сложившегося механизма взаимодействия в рамках СНГ. Ключевое значение имеет и то, что по предлагаемому варианту – единственному из рассмотренных – может быть достигнут консенсус государств – участников Содружества» [8, с. 186]. Вместе с тем предложения по этому вопросу, по мнению автора, могут быть сделаны только после того, как будут намечены пути решения основополагающих проблем деятельности СНГ.

Таким образом, видение учеными и политиками модернизационного потенциала самого Содружества и интеграционной политики России в этом регионе можно резюмировать фразой Ю.В. Косова: «…абсолютно полярные мнения, не совпадающие ни в чем» [9, с. 125].

Однако все исследователи сходятся во мнении, что только разработка и начало реализации мощного модернизационного проекта может создать необходимые условия для реализации новой эффективной российской политики на постсоветском пространстве.

Литература

1. Шмелев Н. Модернизация и международные интересы России // Современная Европа. 2010. №4. С. 7–17.

2. Гринберг Р. Стратегия интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Экономические обозрение. 2004. №4. С. 27–31.

3. Спартак А. Россия и постсоветское пространство // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №8. С. 32–45.

4. Выступление Президента России Д.А. Медведева на совещании с российскими послами и постоянными представителями в междуна-

родных организациях 12 июля 2010. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/8325 (дата обращения: 25.12.2010).

5. Иноземцев В. Через 20 лет Восточной Европы не будет URL: http://inozemtsev.net/index.php?m=vert&menu=sub2&pr=110&id=508 (дата обращения: 20.01.2011).

6. Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М., 2007.

7. Торкунов А.В. Современные международные отношения. Состояние и перспективы СНГ. URL: http://society.polbu.ru/torkunov_relations/ch83_i.html.

8. Михайленко А.Н. СНГ: быть или не быть? М., 2007.

9. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: институт, интеграционные процессы, конфликты и парламентская дипломатия. М., 2009.

Х.М. Турьинская

Сомалийский фактор внутренней и внешней политики Эфиопии: Огаденский конфликт и роль СССР

Конфликт Эфиопии и Сомали по поводу региона Огаден длится не одно десятилетие. Сопровождавшийся вооруженными столкновениями пограничный спор и сепаратистское движение сомалийцев в Эфиопии – лишь один из эпизодов истории стран Африканского Рога, наполненной внутри- и межгосударственными противоречиями [1]. Кульминацией конфликта стала война между Сомали и Эфиопией в 1977–1978 гг., в ходе которой Сомали попыталось реализовать территориальные претензии к Эфиопии и отторгнуть от нее Огаден и другие районы, населенные сомалийцами.

Группы сомалийцев различаются в плане хозяйства, культуры, общественного статуса: кочевники-скотоводы самале (северная группа) и оседлые земледельцы саб (южная группа). Область расселения этого народа находится в границах нескольких государств Африканского Рога. Основная территория проживания сомалийцев – ныне распавшееся Сомали; сотни тысяч их проживают в Кении и Джибути. В Эфиопии численность сомалийцев превышает 4 млн. Самале составляют значительную часть населения юго-востока страны (по прежнему административно-территориальному делению – провинции Харэрге, Бале, Сидамо), проживая совместно с представителями других народов Эфиопии: оромо, амхара, харари, вагоша и др. Многие группы эфиопских сомалийцев, особенно в окрестностях городов (Дыре-Дауа, Харэр, Джиджига, Нэгэле и др.), перешли к оседлости [2, с. 21]. Огаден –

полупустынная область, где кочуют скотоводы-самале клана дарод и его субклана огаден.

Огаден был включен в состав Эфиопского государства в 1890-х гг. при императоре Менелике II. Конец XIX в. был периодом дальнейшего расширения границ «Великой Эфиопии» путем присоединения территорий с населением, весьма различным в лингвистическом, социокультурном, экономическом и политическом отношениях [3]. Сомалийцы Эфиопии – исповедующие ислам номады, чья традиционная политическая организация децентрализована и определяется клановой структурой. Система хозяйства сомалийцев-кочевников предусматривает сезонные передвижения на значительные расстояния. Животноводы могли свободно кочевать, пользоваться колодцами и пастбищами, пренебрегая установленными границами [4, с. 303]. Группы номадов со стадами ежегодно пересекали государственную границу в обоих направлениях [5, с. 59–60].

Неурегулированность пограничного вопроса, проницаемость границы становились осложняющим фактором внутренней и внешней политики Эфиопии. Споры между Эфиопией и Сомали коренятся в исторических обстоятельствах установления политических границ на Африканском Роге в колониальную эпоху. В конце XIX в. регион, населенный сомалийцами, был поделен между Британией, Италией и Францией. Эфиопия, одержавшая победу над Италией в войне 1894–1896 гг. и оставшаяся независимым государством, по соглашениям с европейскими колониальными державами сохранила Огаден в составе своей территории. Юго-восточная граница владений Эфиопии (включая области Огаден и Хауд) закреплялись договорами с Британией (1897) и Италией (1908). В 1935–1941 гг. Эфиопия и Сомали были захвачены Италией и стали частью Итальянской Восточной Африки. Огаден на этот период был передан от Эфиопии к Итальянскому Сомали, затем находился под британской оккупацией, в 1948 г. был официально возвращен Эфиопии, однако британские войска были выведены лишь в 1954 г. Длительная оккупация британцами восточных районов страны определенным образом сказывалась на политико-территориальной консолидации Эфиопской империи [6, с. 203].

Именно с послевоенного времени и достижения независимости Сомали (1960) на основе объединения бывших Британского Сомалиленда и Итальянского Сомали ведет свое начало продолжающийся поныне Огаденский конфликт. В течение многих лет Сомали не признавало границу с Эфиопией, считая, что она не учитывает традиционные маршруты кочевания, территории пастбищ, расположение колодцев и клановое деление сомалийцев [7, с. 616]. Территориальные и по-

граничные претензии Сомали к соседним странам подпитывались идеологией возникшего после Второй мировой войны пан-сомализма. Целью этого движения, первоначально поддержанного британцами, было объединение в едином исламском государстве всех сомалийцев: населяющих бывшие Итальянское, Британское и Французское Сомали, Кению и Эфиопию [8, с. 134]. Эфиопия рассматривалась пан-сомалистами как колониальная империя, а Огаден – как оккупированная часть («Западное Сомали») территории «Великого Сомали» [9, с.112]. Пан-сомализм в качестве «национальной» идеи на долгие годы стал официальной доктриной в Сомали.

В 1960–1970-х гг. идеология пан-сомализма ставилась сомалийским правительством в качестве приоритета во внешней политике, превратившись в камень преткновения в процессах региональной интеграции – движения, затронувшего в тот период многие страны Африки и Ближнего Востока. В 1962 г. по инициативе Кении, Уганды и Танганьики обсуждалась идея образования Восточноафриканской федерации, в которую приглашались Эфиопия и Сомали [10, с. 214–215]. В 1976–77 гг. СССР и Куба предлагали создать федерацию социалистически ориентированных стран региона: Эфиопии, Сомали и НДРЙ [11, с. 63]. Оба плана были отвергнуты руководством Сомали: непременным условием для вхождения в состав любой федерации оно ставило решение «сомалийского вопроса», т.е. пересмотр существующих границ и объединение всех сомалийцев в «Великом Сомали».

Стремление сомалийских националистов создать «Великое Сомали» встретило поддержку сомалийцев – участников сепаратистского движения в форме ирредентизма, охватившего юго-восточные районы Эфиопии. Вооруженная борьба сомалийцев против эфиопского правительства стала результатом недовольства экономической, социальной, культурной и религиозной политикой императора Хайле Селассие, а затем – Менгисту Хайле Мариама, пришедшего к власти после революции 1974 г. Прямое воздействие на конфликт оказывали и внутриполитические обстоятельства в Эфиопии и Сомали, их отношения с соседними государствами, бывшими колониальными державами, ОАЕ, ООН, арабскими странами, США и СССР (и странами «соцлагеря») в контексте «холодной войны».

Руководители обеих стран – и Менгисту, и пришедший к власти в 1969 г. в Сомали Мохамед Сиад Барре ориентировались на «научный социализм» и Советский Союз. В начале 1970-х гг. СССР поставлял в Сомали вооружения и оказывал военно-техническую поддержку, Куба направила военных специалистов [12, с. 123–124]. Однако когда сомалийское руководство решило воспользоваться сложной внутриполити-

ческой обстановкой в Эфиопии в связи с революцией, свержением императора, экономическим кризисом, ростом сепаратизма и осуществить вооруженное вторжение в соседнюю страну с целью захвата части ее территории, расстановка сил в регионе принципиально изменилась.

В условиях нарастающей напряженности между Сомали и Эфиопией Советский Союз и Куба встали на сторону Эфиопии. При их военной помощи вторжение на эфиопскую территорию сомалийской армии, которое опиралось на действовавший в Огадене сепаратистский Фронт освобождения Западного Сомали, было отражено. Твердую позицию в конфликте занимала ОАЕ, руководствовавшаяся принципами защиты суверенитета и территориальной целостности африканских государств, уважения их границ, установленных на момент достижения независимости [13, с. 183].

Поражение Сомали в Огаденской войне показало невозможность отторгнуть Огаден от Эфиопии путем открытой агрессии. По установленному эфиопской конституцией 1987 г. административно-территориальному делению Огаден получил региональную автономию. Конституция 1994 г. провозгласила Эфиопию федеративным государством, и сомалийцы получили в ее составе «свой» штат Сомали [14, с.121–124]. Огаденские сомалийцы могут продолжить интегрироваться в обновленную систему государственного устройства Эфиопии либо требовать независимости и образовать отдельное государство или присоединиться к одному из «самопровозглашенных государств», возникших на развалинах Сомали [15, с. 124–125].

Анализируя Огаденский конфликт и действия сомалийцев-сепаратистов, важно учитывать и то, что в регионе уже с 1940-х гг. велась разведка (в том числе с участием СССР) месторождений нефти и газа, обнаружены значительные запасы углеводородов [16, с. 180], что приобрело стратегическую важность для Эфиопии после отделения от нее в 1993 г. богатой нефтегазовым сырьем Эритреи. К проектам в топливно-энергетическом комплексе Эфиопии проявляют интерес и российские компании. Однако нефтяные объекты Огадена становятся одной из мишеней, по которым наносят удары вооруженные сепаратисты, противодействующие активности федерального правительства и привлеченных им в нефтегазовую отрасль иностранных компаний в регионе.

Общая политическая нестабильность на Африканском Роге, сомалийско-эфиопский конфликт и роль СССР в событиях – те факторы, которые следует учитывать на современном этапе при выстраивании отношений России со странами региона.

Литература

1. Markakis J. National and Class Conflict in the Horn of Africa. Cambridge, 1987.

2. Райт М.В. Народы Эфиопии. М., 1965.

3. Levine D.N. Greater Ethiopia: The Evolution of Multiethnic Society. Chicago ; L., 1974.

4. Калиновская К.П. Очерки этнологии Восточной Африки. М., 1995.

5. Гальперин Г.Л. Эфиопия: население, ресурсы, хозяйство. М., 1978.

6. Цыпкин Г.В., Ягья В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М., 1989.

7. Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 1. Wiesbaden, 2003.

8. Drysdale J. Whatever Happened to Somalia? L., 1995.

9. Крылов А.Б. Сепаратизм в странах Востока. М., 1992.

10. Touval S. The Boundary Politics of Independent Africa. Cambridge (Mass.), 1972.

11. Issa-Salwe A.M., Ciisa-Salwe C.M. The Collapse of the Somali State: The Impact of the Colonial Legacy. L., 1994.

12. Корольков А. Москва+Гавана=Огаден: Советско-кубинское сотрудничество на Африканском Роге // Родина. 2010. №3.

13. Brons M.H. Society, Security, Sovereignty and the State in Somalia: From Statelessness to Statelessness? Groningen, 2001.

14. Исмагилова Р.Н. Этничность и федерализм: опыт Эфиопии // Этнографическое обозрение. 2008. №1.

15. Ethnic Federalism: The Ethiopian Experience in Comparative Perspective. Oxford, 2006.

16. Mukhtar M.H. Historical Dictionary of Somalia. Lanham (Md); Oxford, 2003.

Н.В. Ярцева

Вхождение России во Всемирную торговую организацию как пример механизмов разрешения международных конфликтов

Процесс вхождения России во Всемирную торговую организацию (ВТО), который продолжается уже более десяти лет, вышел «на финишную прямую». Необходимость этого шага для нашей страны активно обсуждалась как на государственном уровне, так и учеными-экономистами. Сторонники участия России в ВТО обосновывают его тем, что ВТО наравне с другими международными экономическими организациями является одним из основных регуляторов мировой экономики. ВТО – единственная организация мирового уровня, выраба-

тывающая правила международной торговли для обеспечения ее максимально возможной предсказуемости и свободы, а также справедливого разрешения споров между странами-участницами по любым вопросам, касающимся торговли и торговых барьеров. Эта организация участвует в разработке правил и процедур мировой торговли, технологий и стандартов. Стоять в стороне от этих вопросов сейчас, по крайней мере, неразумно, как невозможно жить в полной изоляции от мирового хозяйства.

Противники форсированного вступления России в ВТО обычно ссылаются на то, что при этом на нашу страну накладываются обязательства по соблюдению огромного комплекса уже существующих там экономических, правовых, социальных, экологических стандартов, которые коснутся буквально всех сфер нашей жизни и совсем не обязательно полностью отвечают нашим национальным интересам.

Это связано со сложившимися реалиями мирового хозяйства. В силу существующего международного разделения труда в мировой экономике выделяют несколько «этажей». Первый – специализация на добыче сырья, топлива и сельскохозяйственном производстве. Здесь у России есть явные преимущества, мы много зарабатываем на природной ренте. На этом уровне у нас нет серьезных конкурентов и неплохие перспективы. ВТО практически не регулирует сырьевые операции, поэтому вступление в эту организацию для наших сырьевых отраслей может быть чревато только тем, что в какой-то момент ВТО может договориться с ОПЕК и начать совместно регулировать эту сферу. Но, по мнению большинства экспертов, это вопрос не самого ближайшего будущего.

Второй «этаж» – обрабатывающая промышленность, производство массовой продукции: химия, нефтехимия, машиностроение, фармацевтика, товары широкого потребления и т.п. Наша страна присутствует в этом секторе мирового хозяйства, но едва ли сможет успешно конкурировать, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств по причине высоких затрат на производство, технической и технологической отсталости и низкого качества продукции, выпускаемой нашей обрабатывающей промышленностью. От вхождения в ВТО на этом «этаже» нашей экономики ситуация скорее всего станет хуже, если не будет предпринята серьезная модернизация.

И, наконец, третий «этаж» – высокотехнологичное производство и сфера услуг. Это та сфера, где получают интеллектуальную ренту и где сейчас идет самая жесткая конкуренция, поскольку достижения в этой сфере будут в обозримом будущем определять успех экономического развития. Здесь, по мнению многих экспертов, Россия реально способна конкурировать, и вхождение в ВТО скорее поможет занять

достойные позиции в этой сфере. Но добиться этого можно только масштабными государственными мерами по сохранению имеющегося пока интеллектуального потенциала нашего общества и стимулированию перехода к инновационной экономике.

Россия оказалась «мировой рекордсменкой» по длительности вхождения в ВТО. Хотя стратегическое решение этого вопроса было определено еще в февральском 2001 г. послании Президента РФ Федеральному собранию РФ, где прямо было сказано, что присоединение к ВТО является для страны приоритетом, официальное принятие России в ВТО только ожидается в конце 2011 г. Но в некотором смысле такая медлительность процесса вступления нашей страны в ВТО оказалась даже полезной. Были время и возможности обсудить проблему, взвесить все «за» и «против», разработать и предпринять ряд важных предварительных шагов и мероприятий. Так, была проделана определенная работа по изменению российского законодательства с целью унификации его с нормами ВТО, продуманы меры торговой политики, направленные на защиту интересов отечественных производителей и потребителей, подготовлены кадры для работы в новых условиях.

Ситуация с мировым финансовым и экономическим кризисом 2009–2010 гг. в очередной раз подтвердила мнение ученых-экономистов о том, в условиях современной глобализации степень взаимосвязи и взаимозависимости экономик разных стран нарастает в геометрической прогрессии, увеличиваются риски нестабильности в различных регионах планеты. Этим, видимо, объясняется явная тенденция последнего десятилетия к координации и согласованию экономической политики разных стран в формате региональных организаций (ШОС, БРИКС и т.п.) и международных организаций (в том числе и ВТО).

К сожалению, как показывает практика, участие в такой сугубо экономической организации, как ВТО, может использоваться как механизм политического давления и служить источником международной напряженности. По правилам ВТО войти в организацию можно только тогда, когда на двухсторонней договорной основе будут урегулированы торговые отношения с каждой страной-участницей. Если учесть, что их число приближается к 150, то становится понятным, что переговорный процесс для некоторых стран может затягиваться и стать источником конфликтных ситуаций. Не избежала этих ситуаций и Россия.

В начале 2000-х гг., видимо с целью «потрепать нервы», некоторые западные страны попытались предъявлять претензии по поводу несоблюдения Россией социально-трудовых и экологических стандартов и делать это препятствием для вхождения России в ВТО. Определенные недостатки в этой области у нас есть, поскольку эти стандарты

явно разрабатывались с оглядкой на постиндустриальное общество, поэтому их четкое соблюдение для нас либо слишком затратно, либо невозможно совсем. К серьезным конфликтам для России это не привело, но потребовало серьезных усилий там, где это было возможно, для устранения несоответствия (например, пришлось скорректировать налоговую политику, пенсионную систему и т.п.). « Противоядием» от политического давления в таких случаях может быть только взвешенная позиция в переговорном процессе и гибкость в достижении разумного компромисса интересов.

Другим наглядным примером использования процедур вхождения России в ВТО как механизма политического давления служит позиция Грузии в этом вопросе. После принятия Грузии в ВТО в начале 2000-х гг. ее позиция по вопросу принятия туда России полностью отражала позицию США и стран Западной Европы, которые в общем не препятствовали России. Однако после серьезного военного конфликта между Грузией и Россией в августе 2008 г. в Южной Осетии, признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии и крайнего обострения отношений между нашими странами президент Грузии М. Саакашвили попытался сделать переговорный процесс о вступлении России в ВТО орудием политического давления на Россию. Он неоднократно публично высказывался в адрес России с нелепыми обвинениями в агрессии по отношению к Грузии и говорил о том, что Грузия не согласится с принятием России в ВТО до тех пор, пока Россия не откажется от признания независимости Абхазии и Южной Осетии и не признает факт агрессии в южно-осетинском конфликте.

«Воинствующая» непримиримость президента Грузии вынудила руководство России пойти на ответные шаги. Фактически были приостановлены дипломатические отношения между нашими странами, прервано прямое воздушное сообщение, ужесточен визовый режим. Однако основной упор был сделан на меры экономического характера. Были ужесточены санитарные нормы поставок грузинских вин – весомой статьи грузинского экспорта. В результате почти наполовину сократились объемы поставок на российский рынок вин и плодовоовощной продукции из Грузии, что означало для последней существенное сокращение поступлений средств в бюджет и экономику страны. Так же без лишней риторики были ужесточены условия продажи в Грузию энергоносителей и электроэнергии. Для этого не пришлось вводить какие-то дополнительные санкции. Достаточно было отказаться от существовавших преференций и перейти на торговлю по среднеевропейским ценам. Еще со времен СССР Грузия является энергодефицитным регионом. Имея ограниченные возможности в собственном про-

изводстве электроэнергии, она сильно зависит от поставок энергии из России. В условиях современного хозяйства, когда энергетическая составляющая является основой любого производства, «электрический рубильник» может стать очень весомым аргументом в разрешении любых конфликтов. Как показали дальнейшие события, «лекарство» оказалось действенным и риторика со стороны президента М. Саакашвили явно изменилась. Открытое противостояние постепенно переходит в «вялотекущее» с хорошими перспективами к урегулированию конфликта. В подобных ситуациях, на наш взгляд, очень полезно работать «на опережение» и в информационном пространстве. Умелое и последовательное информационное сопровождение конфликтных ситуаций позволяет не только обозначить и отстаивать собственную позицию, но и привлечь внимание мировой общественности, что, как правило, позволяет быстрее добиться разрешения конфликта.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в современном мире, в условиях глобализации характер международных отношений становится все более противоречивым и конфликтным. Это касается и чисто прагматических вопросов – таких, как участие в международных экономических организациях. Пример вхождения России в ВТО является в этом смысле весьма наглядным.

Методический семинар «Новое в изучении и преподавании международных отношений»

Л.В. Дериглазова
Опыт организации письменного экзамена по курсу «Конфликты в международных отношениях» и ролевой игры для спецкурса и спецсеминара «Урегулирование конфликта»

I. Проведение письменного экзамена по курсу «Конфликты в международных отношениях» на потоке

Введение письменных экзаменов в университетах по гуманитарным специальностям все еще является не совсем обычным в России, однако, это распространенная практика в западной системе высшего образования, особенно на уровне магистратуры. Я остановлюсь на трех моментах для объяснения выбора такой формы оценки знаний студентов, а также на организационных моментах, которые важно учитывать при проведении подобной формы аттестации.

Курс «Конфликты в международных отношениях» читается на 4-м курсе для студентов-бакалавров в объеме 24 часа лекций, и 10 часов даны на семинарские задания. Курс ориентирован на предоставление базовых знаний о теории конфликта и урегулирования конфликта, а также на прикладном использовании наработок в этой области в современном миротворчестве.

Прежде чем перейти к обсуждению, коротко о том, что представляет собой письменный экзамен. Для письменного экзамена выбирается ситуация конкретного международного конфликта, который актуален в настоящее время. Ситуация кратко излагается в виде новостной статьи. К ней прилагаются 5–7 вопросов, на которые должны письменно ответить студенты, продемонстрировав знание теоретической части курса, способности применять эти знания для анализа конкретных ситуаций, а также знания текущей ситуации в международных отношениях. Также один дополнительный вопрос задается по статьям ридера к курсу, которые обсуждались на семинарских занятиях, если его нельзя интегрировать в другие вопросы или такая связь может показаться неочевидной.

Рациональное обоснование введения письменной формы аттестации:

1. Экономия времени и сил преподавателя и студентов при большом количестве студентов на потоке. В ТГУ потоки студентов-международников иногда достигали более 100 человек, сейчас сократились до 60. При таком количестве студентов прием экзамена требует не менее 30–40 часов или 3–4 дней непрерывного приема экзамена, которые длятся по 10 часов. При проведении письменного экзамена, сам экзамен занимает около 2–3 часов, и проверка работ до 8–15 часов. Условия приема устного экзамена и проверка письменных работ, конечно же, несопоставимы как для преподавателя, так и для студентов.

2. Равные по сложности задания и вопросы для всех студентов. Не секрет, что вопросы на экзамене могут быть неравнозначными, играет большую роль случай, помогая или мешая студенту проявить себя с лучшей стороны.

3. Более объективное оценивание и решение проблемы конфликта в случае несогласия с оценкой студентом.

При письменной работе студенту трудно опровергнуть допущенные неточности, ошибки или отсутствие ответов на заданные вопросы.

Невозможность «уболтать» преподавателя, как выразился один студент.

Письменный экзамен может быть более легким для тех студентов, которые не могут быстро реагировать на вопросы преподавателя или которые испытывают проблемы при устной сдаче экзамена.

4. Письменный экзамен дает возможность проведения комплексной оценки знаний, что не всегда возможно при устной сдаче. Это значит, что студенты должны быть готовы по всем основным темам курса и хорошо знать содержание статей, которые обсуждались на семинарских занятиях.

– Возможность задать вопросы по большему количеству тем.

– Проверить овладение теоретической и прикладной составляющей курса.

– Проверить умение связывать разные темы между собой.

5. Письменный экзамен позволяет студентам продемонстрировать свои знания и эрудицию, а не только воспроизводить сказанное преподавателем на лекциях или положения из учебников.

Какие условия важно учитывать при проведении письменного экзамена, чтобы действительно достичь поставленных дидактических целей?

1. Необходимо обеспечить условия самостоятельности выполнения экзамена, т.е. обеспечить невозможность списать. На экзамен студенту разрешается принести с собой только ручку. Все электронные устройства, телефоны, плейеры и т.д. должны быть убраны.

2. Важно, чтобы задание было сформулировано корректно и в соответствии с материалом курса.

3. При проверке экзаменов важно давать развернутые письменные комментарии к оценке, чтобы студенты понимали, почему была поставлена именно эта оценка, за что она была снижена.

4. Студенты должны иметь возможность познакомиться с оценкой работы и комментариями экзаменатора.

5. Экзаменационные работы хранятся на кафедре для проверки критериев оценки и на случай возникновения разногласий по поводу оценки.

II. Организация ролевой игры для освоения материала в рамках спецкурса и спецсеминара по урегулированию конфликтов

Ролевая игра представляет собой имитацию или симуляцию реальной ситуации принятия политического решения по поводу международного конфликта с участием вовлеченных сторон и посредников. Выбор ролевой игры как обучающего механизма обусловлен несколькими обстоятельствами:

1. Такой формат идеально соответствует дидактическим задачам курса: активное усвоение абстрактного теоретического материала через вовлеченное участие студентов в самостоятельное обучение на конкретном материале, что позволяет сделать знание деятельным и применять полученные знания и навыки в реальной жизни.

2. Существуют отработанные методики в рамках модели ООН, условия проведения, правила прописаны и доступны на русском языке на интернет-сайте ООН.

3. Ролевая игра позволяет максимально приближенно к реальной ситуации прочувствовать эмоциональные и психологические составляющие процесса реального конфликта и его урегулирования.

4. Кроме того, формат игры заставляет каждого студента принимать заметное участие в работе в рамках выбранной или назначенной роли. Это сбор, обработка и подготовка информации по своей стране или участнику конфликта. Презентация своей позиции в соответствии с реальными позициями представляемой страны или стороны конфликта. Активное участие в процессе принятия решения и нахождение своего места в возможном сценарии урегулирования конфликта.

5. Легко отследить и регулировать участие каждого студента в работе.

6. Эта форма с большим энтузиазмом воспринимается студентами, так как она позволяет им обсуждать проблемы в менее формальном режиме. Это более спонтанный обмен мнениями и обсуждение, который помогает студентам быть более раскрепощенными и при этом от-

давать отчет о реальном вкладе каждого в решение поставленной задачи – урегулирование конфликта.

7. Эта форма обучения стимулирует коллективную работу студентов, позволяет развивать необходимые навыки работы в группе, понимать взаимосвязь усилий всех и важность вклада каждого участника работы в достижение поставленной цели.

Технология и условия организации такой формы обучения:

1. Необходимо выделить несколько фаз игры, которые подготовят студентов к самой игре. Обычно выделяют три фазы: подготовительную, игровую и послеигровую/рефлексивную. На подготовительно фазе студенты готовят, представляют и обсуждают позиции участников конфликта. В игровой фазе происходит сама дискуссия и поиск решения конфликта. На заключительной фазе обсуждаются результаты игры и проводится итоговая аттестация студентов по курсу.

2. Все фазы игры имеют большое значение для достижения дидактических целей курса: активное обучение через участие.

3. Студенты должны получить четкую информацию о самой игре, ее процедуре, правилах, а также календарь сессий с конкретными установками и планом действий.

4. Должна быть четко определена цель игры, например, какой документ должны принять участники игры и какова процедура его принятия и легитимность для всех участников. Желательно, чтобы это соответствовало реальным правилам и процедурам международных организаций.

5. Важно правильно выбрать ситуацию для симуляции с точки зрения ее актуальности, возможности привлечения необходимого количества участников, доступности справочных и информационных материалов по теме и т.д.

6. Важно корректно распределить роли и обязанности между участниками.

7. Обязательно проговорить поэтапную подготовку письменных аналитических или справочных материалов, которые должны быть доступны всем участникам игры, и назначить конкретные сроки выполнения заданий.

8. Важна роль председателя игры или лидера, так как эта задача координации и направления хода дискуссий, которые могут быть очень жаркими. На подготовительном этапе преподаватель осуществляет координацию и контроль, на этапе проведения самой игры часть полномочий можно делегировать одному из студентов, четко обозначив его компетенции в процессе обсуждения и принятия решения.

С.В. Голунов
Студенческий плагиат: причины и меры борьбы с ним

Мой доклад посвящен причинам широкой распространенности студенческого плагиата. Сначала о том, что происходит повсеместно, во всем мире.

Конечно же, во-первых, это широкое распространение Интернета, неограниченные возможности заимствовать тексты, большая роль письменных заданий в процессе обучения.

Во-вторых, представления о допустимости плагиата распространены в некоторых группах и традициях: например, так же как и в России, им занимаются очень многие студенты в Китае, Пакистане и т.д. Кроме того, многие иностранные студенты прибегают к плагиату из-за плохого знания языка. В западных вузах, например, есть такая проблема, когда человек, пытаясь решить эту проблему, часто использует какие-то тексты в качестве шаблона и не замечает, что переходит грань между дозволенным и недозволенным.

В-третьих, с плагиатом тесно связаны фирмы по заказным работам, исполнители которых зачастую заимствуют отрывки чужих работ, а чаще всего скачивают работу из Интернета, и на этом работа заканчивается.

Вот какие меры, например, применяются для борьбы с плагиатом в англоязычных странах. Это предупреждение, выявление и наказание.

В первом случае, студенты всех уровней при поступлении подробно инструктируются о том, что является плагиатом, что за это полагается, на что надо обратить особое внимание, чтобы избежать неумышленного плагиата, и заявление заставляют подписывать. Я пытался что-то подобное делать у себя. Результат практически нулевой. Я даже заставлял студентов на зачете рассказывать о том, что такое плагиат, но без особых последствий. Укрепление корпоративных ценностей заключается в продвижении норм этических кодексов и прочего с формированием отрицательного отношения к обману. Однако это действует не везде. Например, студенты одного из западных вузов, причем студенты, занимавшиеся этикой, были уличены в плагиате после того, как в этом вузе приняли этический кодекс.

Следующий способ – попытка организовать занятия так, чтобы уменьшить возможность недобросовестного заимствования: нетипичные темы для письменных заданий, контроль за выполнением каждой стадии работы, разрешение использовать в работе только выдержки из строго определенных источников и т.д. В российских условиях это будет огромнейшая нагрузка на преподавателя и дополнительная не-

оплачиваемая работа, тем более, что идут потоки из 100 и более студентов.

Сокращение объема самостоятельных письменных работ. Эта тенденция, например, наблюдается, в системе высшего образования Великобритании. Но это может привести к тому, что ухудшится качество образования и сократятся возможности совершенствования для сильных студентов.

Вторая стадия борьбы с плагиатом – его выявление. Это может делаться по поиску по ключевым фразам через Google или другие аналогичные системы, а также через специальные сервисы: в России – «Антиплагиат», в западных странах – «Turnitin» и другие. Но в последнем случае может возникнуть немалое количество проблем: поиск находит не только плагиат, но и корректные заимствования со ссылками или общераспространенные фразы, не находит некорректные заимствования, переведенные с иностранных языков. Далее, плагиаторы сами пользуются этими программами, чтобы подредактировать те места, которые они найдут, но оставить то, что не найдено. На Западе деятельности программ по поиску плагиата угрожают иски по защите авторских прав, так как они используют для своих баз огромное количество чужих работ без согласия их авторов.

И, наконец, наказание. В западных странах меры очень жесткие. Как правило, на первый раз следует крупный штраф, а на второй нередко отчисляют, причем так, что несколько лет такой студент не поступит в приличный вуз по той же или близким специальностям.

Перейду к специфическим проблемам Российской Федерации. По моему опыту и по опыту тех коллег, с которыми мне приходилось общаться, во многих вузах плагиатом систематически занимается более 50% студентов. Как-то раз, в ходе своей преподавательской деятельности, я провел научный эксперимент, который, увы, стал для меня одновременно нелегким экспериментом над моей нервной системой. У меня было 100 студентов, я дал им письменное задание. В результате на плагиате попалось примерно 70%; более того, когда я просил переделать задание, многие упорно пытались обмануть меня снова и снова. Это может служить хорошей иллюстрацией того, что имеется реальная угроза превращения образовательного процесса в имитацию получения реальных знаний. То есть пришел человек с определенным набором знаний и уходит практически с тем же набором знаний. Увы, систематический контроль над получаемыми студентами знаниями в нашей стране практически умер. Причин несколько.

Во-первых, преподаватели перегружены, нагрузка у них примерно в 2–3 раза больше, чем у западных коллег. Поэтому проверить качест-

во, особенно когда у преподавателя поток 100 человек, невозможно. Нельзя сказать, что плагиатчики и другие недобросовестные студенты могут себя чувствовать спокойно, но то, что им грозит, выражаясь образно, это скорее шальные пули, чем минное поле, как на Западе.

Во-вторых, это проблема блата: к активному преподавателю, который честно пытается пресекать плагиат и прочие недобросовестные действия, приходят от начальства с очень навязчивыми просьбами поставить положительную оценку родственнику какого-нибудь высокопоставленного лица и т.п. Ладно бы еще просили дать шанс исправиться, но вполне вероятно, что просто будут жестко требовать поставить не меньше четверки (так как даже очень обеспеченные родители почему-то считают своим долгом настойчиво пробивать своему привилегированному чаду мизерную государственную стипендию) за полностью скачанную из Интернета работу.

В-третьих, нынешняя система высшего образования, начиная от уровня Минобразования и кончая уровнем вузов, заинтересована в хороших средних показателях оценок и малом количестве отчисленных: от этого зависят и финансирование, и рейтинги вузов. О какой полноценной борьбе с плагиатом в таких условиях может идти речь?!

В-четвертых, абсолютно легально действуют фирмы по написанию под заказ курсовых и дипломных работ и даже диссертаций. В них работают многие бывшие студенты, поднаторевшие на плагиате в процессе обучения и даже преподаватели: как-то раз я обратил внимание на то, что в моем городе одна из таких фирм предлагала зарплату в 2,5 раз больше, чем я получал тогда. И, наконец, следует иметь в виду, что было бы несправедливо заниматься обличением студентов, на обращая внимания на то, что делают сами преподаватели: имея огромную нагрузку, многие из них читают лекцию по скачанным из Интернета текстам. По-человечески это можно понять, но по сути получается примерно то же самое, что и студенческие тексты, которые скачиваются из Интернета и подсовываются преподавателю.

Как в России, так и за рубежом многие прекрасно знают, что за российским дипломом качественный контроль знаний не стоит. Поэтому опытные люди перепроверят знания выпускника, и здесь становится ясно, чего он стоит.

Следовательно, тем студентам, которые хотят делать карьеру в фирмах, требующих реальные навыки и знания, да еще и ценящих личную честность сотрудника, несмотря на повсеместное распространение практик нечестного получения оценок, все-таки стоит учиться по-настоящему.

Н.Ю. Кавешников
О преподавании курса «Энергетическая политика ЕС»

Я хочу, прежде всего, поблагодарить руководство Алтайского государственного университета, Алтайской школы политических исследований и лично Юрия Георгиевича Чернышова за возможность выступить. Я приезжал к вам несколько лет назад, и у меня остались очень приятные впечатления. Убежден, что и в этот раз конференция будет интересной и пройдет на высоком профессиональном уровне.

Я хочу рассказать вам о специфике преподавания курсов, связанных с изучением Европейского Союза, на примере курса «Энергетическая политика ЕС», который я уже пять лет читаю в МГИМО. Дисциплина читается на четвертом курс бакалавриата и на втором курсе магистратуры. Иногда я работаю со специфическими группами, которые учатся по программе «Международные отношения» со специализацией на энергетическую дипломатию. В этих группах курс дается более подробно, с магистрантами тоже больше интерактивных форм работы, с бакалаврами попроще.

Какие нюансы и сложности возникают при преподавании практически любого курса по проблематике ЕС? Прежде всего, неизбежно это будет курс комплексный. Нельзя прочитать по отраслевой политике ЕС курс только экономический или только политический. Например, в рамках моего курса по энергетической политике активно используются экономические методы (анализ энергетического баланса, анализ себестоимости, конкурентоспособности альтернативных источников энергии). Также необходимо давать некоторую базу политологических знаний. Потому что, во-первых, любые мероприятия ЕС – это результат специфических процедур принятия решений, баланса сил и интересов разных акторов. Эти процедуры следует принимать во внимание, так как они во многом обуславливают итоговые решения. Кроме того, любая деятельность ЕС неизбежно связана с пиаром, с агрегированием групповых интересов через различные сетевые структуры, ассоциации бизнеса, ассоциации неправительственных организаций. Без учета этих процессов просто невозможно понять, почему то или иное мероприятие реализуется так, как оно реализуется. Наконец, даже студентов неюридических специальностей приходится серьезно погружать в юридическую тематику. Все, что делает Европейский Союз, он делает через юридические документы, и о них нужно рассказывать, показывать, как они работают, как они влияют на политику государств-членов, какие обязанности и возможности возникают у бизнеса.

Второй сложный вопрос, который возникает при чтении курсов по проблематике ЕС, это вопрос источников информации. Я не буду говорить о научной литературе, сейчас, слава Богу, есть Интернет, и все серьезные западные журналы существуют не только на бумаге, но и в базах данных, на которые можно подписаться. Да и с учебниками сейчас полегче. Проблема в другом. Проблема перед преподавателем возникает при анализе первичного материала. Европейский Союз славится своей транспарентностью и открытостью. Через сайт ЕС можно найти любой документ, – если знать, как искать. А это очень сложно. С сайтом ЕС нужно работать лет пять, и только тогда ты сможешь быстро найти нужный документ. Кроме того, чиновники Евросоюза активно тоже осваивают информационные технологии, поэтому, чем ближе к сегодняшнему дню, тем больше появляется различных документов, разобраться в которых крайне сложно в том числе и потому, что сами чиновники ЕС какие-то вещи пытаются зашифровывать, какие-то акценты расставить в свою пользу. Поэтому, чтобы из официальной документации вытащить какое-нибудь зернышко, приходится отсеивать много шелухи, чтобы не пойти на поводу той интерпретации фактов, которую пытаются навязать себе и окружающему миру наши уважаемые европейские коллеги. Это, действительно, сложная задача.

Третья особенность учебного процесса – актуализация материала курса для студентов, ибо практически у каждого студента возникает вопрос, а зачем нам все это нужно? Зачем нам энергетическая политика Европейского Союза? Особенно если студенты не энергетики, или не европеисты, а занимаются Китаем. Тут есть два способа, которые можно и нужно использовать одновременно. Во-первых, можно говорить об использовании опыта Европейского Союза на постсоветском пространстве или в России. Это может звучать натянуто и тривиально, но это работает, потому что в реальности очень многое в российской энергетике делается с оглядкой на происходящее в Европе и даже впрямую на основе европейского опыта (например, реформа РАО «ЕЭС» или политика энергосбережения). Кстати, на одном из практических занятий мы проводим анализ реформы РАО «ЕЭС» с целью найти сходства и различия того, что сделано в России и в Евросоюзе. Еще один способ актуализировать тематику курса – пойти через проблемы, возникающие в отношениях России и ЕС в энергетике. Энергодиалог Россия-ЕС – это одно из ключевых направлений наших взаимоотношений, есть и ряд достижений, есть и определенное количество конфликтных ситуаций. Такие вопросы, как регулирование рынков газа, вопросы энергетической безопасности, вопросы транспортной инфраструктуры, вопросы безопасности спроса и безопасности поста-

вок, – их можно и нужно подавать через привязку к отношениям Россия – ЕС.

Последнее, на что я хотел обратить ваше внимание – это способы вовлечения студентов в образовательный процесс, т.е. различные интерактивные формы обучения. О тематике одного из семинарских занятий я уже говорил, – это реформа Чубайса. Возможны и многие другие варианты. Например, мы проводим ролевую игру по теме газового кризиса в январе 2009 г., когда был прекращен транзит российского газа по территории Украины. Например, мы на основе нескольких документов и аналитических материалов предметно разбираем, что такое энергетическая безопасность. Раздаются роли – представители МЭА, Евросоюза, Минэнерго РФ, других заинтересованных структур, независимые эксперты. Ставится задача – на основе имеющейся информации и с учетом ролей выработать общее и приемлемое для всех понятие «энергетическая безопасность». Естественно, ни на одном семинаре согласовать приемлемое для всех определение не получалось; его нет и в реальной практике. Зато игра позволяет студентам на своей шкуре прочувствовать все нюансы и сложности концепции энергобезопасности.

Для вовлечения студентов еще используется такой способ, как обыгрывание актуальных событий. Как правило, в течение семестра обязательно что-нибудь случается, либо в отношениях Россия – ЕС, либо в самом Евросоюзе, какой-нибудь энергетический кризис и т.п. Обыгрывание этой текущей реальности резко повышает у студентов интерес к курсу и к материалу.

Третий способ используется в продвинутых группах. Я каждому студенту даю индивидуальные задания. При этом стараюсь привязать задание к той проблематике, которой студент занимается в рамках своей курсовой работы или диплома. То есть сначала собираю со студентов информацию о том, чем они занимаются, а потом к их тематике привязываю сюжет, на который они будут писать эссе по энергетике. Этот труд не проходит для студента даром, ибо привязан к его дипломной работе. Кроме того, поскольку тема индивидуализирована и довольно узкая, нет никакой возможности списать (на что студенты сами жалуются).

Последнее, на что хочу обратить внимание. На мой взгляд, очень важной составляющей обучения является задача дать студентам хотя бы минимальный навык самостоятельного поиска документов ЕС в открытых источниках. Поэтому обязательно в рамках курса я предусматриваю те или иные задания, выполняя которые студент вынужден разбираться с гигантским сайтом Европейского Союза и пытаться най-

ти там что-нибудь. В процессе этого свободного поиска студент получает общее представление о том, что на этом сайте есть и как примерно с этим сайтом работать. Благодарю за внимание.

Н.А. Комлева
Магистерская программа «Мировая политика, международные отношения и геополитика (сотрудничество стран – членов ШОС)»

Дорогие коллеги! Я собиралась говорить об организации международных магистерских программ в Уральском федеральном университете, но я изменю форму своего выступления, сделаю его более рекламным, потому что в аудитории присутствуют студенты, магистранты.

В 2008 г. наша кафедра, кафедра теории и истории политической науки, вошла в международный сетевой университет Шанхайской организации сотрудничества со своей магистерской программой. Эта магистерская программа называется «Мировая политика, международные отношения и геополитика (сотрудничество стран – членов ШОС)». При ее разработке и внедрении мы преследовали две цели. Первая цель та, что магистранты по окончании университета могли бы найти престижную и интересную работу в представительствах стран ШОС в Екатеринбурге. Второе. Екатеринбург – очень развитый центр не только науки и образования, но и предпринимательской деятельности. В городе работают фирмы, в том числе и крупные, которые сотрудничают со странами ШОС, и магистранты даже в ходе обучения могут быть приняты на работу в эти структуры. Например, один из окончивших магистратуру, Максим Зайков, удивил нас всех, придя к нам на кафедру рассказать о своей жизни после окончания вуза с бритой головой и с красивой «китайской бородкой». Благодаря диплому магистратуры УрФУ-УШОС он поступил на работу в престижную фирму, которая работает с Китаем.

Кафедра сработала очень хорошо, и мы вошли в сетевой университет Шанхайской организации сотрудничества как один из головных российских вузов УШОС. При этом подчеркну, что российские головные вузы УШОС располагаются в следующем порядке: МГИМО – первое место, вуз-координатор; второе – Уральский государственный университет (с 2011 г. – в составе Уральского федерального университета), третье – Московский государственный лингвистический университет, четвертое место – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Мы были страшно рады, довольны и счастливы, но наша радость продолжалась всего год.

Проблема состоит в том, что в первый год эта программа очень плохо, но финансировалась, а на второй год, т.е. 2009-й, финансирование исполнителей прекратилось. Тем не менее в Уральском федеральном университете, в департаменте политологии и социологии, на нашей кафедре существует магистерская программа «Мировая политика, международные отношения и геополитика (сотрудничество стран-членов ШОС)».

Если у вас будет возможность учиться в Екатеринбурге – а это очень крупный научный и культурный центр, красивый и большой город, богатый, с разнообразными возможностями духовного и материального развития и развлечений, – то наша уже действующая магистерская программа вас ждет.

О.Г. Лекаренко
Опыт разработки и чтения курса «Европейская интеграция и трансатлантические отношения»

Курс «Европейская интеграция и трансатлантические отношения» читается на отделении международных отношений Томского госуниверситета с 2008 г. Он разрабатывался специально для студентов магистратуры по Европейским исследованиям, хотя отдельные темы курса были апробированы раньше в рамках курса по истории международных отношений. Курс предлагается студентам на выбор в соответствии с их специализацией и интересами. Цели курса заключаются в том, чтобы проанализировать американскую реакцию на появление и развитие Европейских сообществ, показать преемственность американской политики в отношении европейской интеграции, обозначить современные проблемы в отношениях между США и ЕС.

На примере опыта разработки и преподавания данного курса можно выделить несколько факторов, которые имеют большое значение в процессе внедрения магистерских программ в российских университетах и успешного освоения курса студентами. Прежде всего, важно учитывать опыт зарубежных университетов, которые уже давно используют двухуровневую систему обучения, а также российских университетов, которые раньше других начали работать по Болонской системе (например МГИМО (у) МИД РФ). Такой опыт включает широкий спектр вопросов от составления учебных планов до методов преподавания конкретных дисциплин.

Каждая магистерская программа, предполагающая специализацию студента по определенной достаточно узкой проблематике, должна

иметь грамотно составленный учебный план. Это не может быть просто хаотический набор предметов по смежной проблематике. Курсы должны дополнять друг друга и преподаваться в строго определенной последовательности. Так, было бы бессмысленно ставить курс «Европейская интеграция и трансатлантические отношения» до того, как студенты прослушают курсы по истории европейской интеграции и институтам Европейского союза. Данный курс также может служить дополнением к обязательному курсу по Общей внешней политике и политике безопасности ЕС и расширить знания студентов по взаимодействию между США и ЕС в сфере безопасности.

Еще одним слагаемым успеха является мотивация студентов при выборе курса. В анкете, которую предлагалось заполнить по окончании курса, студенты указали следующие причины, по которым они выбрали спецкурс «Европейская интеграция и трансатлантические отношения»: «США и ЕС являются лидерами современных международных отношений, поэтому очень важно знать про их взаимоотношения, интересно узнать о трансформации трансатлантических отношений под влиянием меняющихся международных процессов», «данный курс позволяет рассмотреть отношения ЕС со своим главным партнером и союзником – США, что позволяет глубже понять интеграционные процессы в ЕС», «США – это главный партнер ЕС, поэтому важно знать о развитии, трудностях и успехах трансатлантических отношений». Студенты также отметили, что данный курс необходим для понимания политики ЕС и его роли в современных международных отношениях. Такие ответы свидетельствуют об осознанном выборе курса студентами-магистрами. Большинство опрошенных указали, что их ожидания при выборе курса совпали с конечным результатом. В качестве позитивного момента в одной из анкет было указано, что курс дает взгляд на европейскую интеграцию со стороны внешнего игрока, которым в данном случае являются Соединенные Штаты, что углубляет понимание самого процесса европейской интеграции.

Проведение анкетирования в конце курса позволяет преподавателю выявить основные достижения и проблемы в преподавании курса, помогает совершенствовать как содержание, так и методику преподавания курса. При этом основным условием проведения анкет, безусловно, является их анонимность. При проведении анкетирования в 2008 г. и 2009 г. студентов просили оценить качество материалов для подготовки к занятиям (программа, список литературы, пособие, ридер). Студентам предлагалось указать, какая из форм работы, по их мнению, является наиболее оптимальной для успешного освоения курса. Интересно отметить, что студенты – магистры в первую очередь

выделили формы самостоятельной работы, такие как семинары, презентация докладов, письменные работы. В то же время, по мнению студентов, для эффективности семинаров необходимы базовые знания, т.е. лекции тоже нужны. Студенты отметили, что в преподавании курса сочетание разных форм работы было оптимальным, что сделало работу эффективной и интересной. Хотя вопрос об оценивании не задавался, студенты указали, что наличие разных форм работы имеет большое значение для выставления итоговой оценки, так как в таком случае оценка имеет много составляющих.

Стоит отметить, что шкала оценивания (20 баллов), которая используется в программе по Европейским исследованиям, также больше нацеливает студентов на активную работу, чем привычная для нас 5-балльная шкала. Повышается степень конкуренции между студентами за более высокие баллы, увеличивается стремление выполнять как можно больше самостоятельных работ, за которые можно получить оценки, возрастает активность на семинарских занятиях, при обсуждении докладов.

Важным слагаемым успешного освоения курсов в магистратуре является участие студентов в определении содержательной части того или иного курса и планировании распределения времени, отведенного на его изучение. Интересы студентов могут отличаться в зависимости от уровня подготовки, мотивов выбора курса, темы магистерской диссертации. Преподаватель, как правило, имеет определенные возможности для того, чтобы корректировать преподавание курса в зависимости от интересов студентов. Целесообразно на первом занятии выяснить ожидания и интересы студентов. Как представляется, основная задача преподавателя в чтении курса «Европейская интеграция и трансатлантические отношения» заключается не в том, чтобы максимально осветить политику США в отношении европейской интеграции от начала интеграционных процессов в Европе до современности. Задачи ставятся иные: познакомить с институциональной основой трансатлантического сотрудничества и основными теориями по изучению трансатлантических отношений, обозначить основные сферы сотрудничества и основные проблемы в отношениях между США и ЕС, показать элементы преемственности в политике США, дать представление об основных источниках получения информации по данной теме. С этой целью одна из небольших самостоятельных работ заключается в том, чтобы студенты нашли определенную информацию, используя сайты делегации Комиссии ЕС в США и представительства США при Европейском Союзе. Например, найти повестку дня и итоговые решения последнего саммита между США и ЕС.

Большую роль в совершенствовании курса играют замечания студентов. В анкетах 2008–2009 гг. студенты высказали следующие замечания: «на контрольных работах сложно проявить творческий подход», «недостаточное количество информации по отдельным вопросам». В одной анкете был отмечен узкий список тем для написания итоговой работы. Для дальнейшей доработке курса могут быть полезными также студенческие пожелания и комментарии. В частности, слушатели 2008 и 2009 гг. предложили ввести взаимное рецензирование итоговых работ, давать более сложные задания для семинаров, расширить список тем для написания письменных работ, больше внимания уделить личностям-участникам событий, увеличить количество документов в ридере, давать больше материалов на английском языке, писать контрольные работы на английском языке.

Е.Ю. Лицарева
Проблемы перестройки лекционных курсов в связи с переходом на двухуровневую систему на примере курса «История стран Азии и Африки новейшего времени. Часть 2»

Курс читается бакалаврам отделения международных отношений исторического факультета Томского государственного университета в ходе третьего семестра четырехгодичной программы обучения. Формой итогового контроля является экзамен в конце третьего семестра. Общая трудоемкость дисциплины составляет 16 часов. Обучение в рамках курса предусматривает работу слушателей по семи основным разделам, в основе которых лежит страновый принцип. Наряду с общетеоретическими и методологическими вопросами, рассматриваемыми в специальном разделе «Введение в изучаемый курс», бакалавры изучают послевоенную историю Азиатско-тихоокеанского региона, а также Японии, Китая, Индии, Ирана, Турции, Египта. Отдельное место в лекционном материале отводится характеристике и основным проблемам Африканского континента. Экзаменационные билеты включают три вопроса. Первые два вопроса связаны с содержанием лекционных курсов «История стран Азии и Африки новейшего времени. Часть 1» и «История стран Азии и Африки новейшего времени. Часть 2». В качестве самостоятельной работы студенты должны рассмотреть по выбору проблему, относящуюся к курсу, ознакомившись с дополнительной литературой и подготовить третий вопрос экзаменационного билета.

В связи с переходом на двухуровневую систему происходит значительное сокращение общей трудоемкости основных базовых дисциплин, что приводит к упрощению и схематизации подачи лекционного материала преподавателями и трудностям усвоения этого материала студентами. Например, вся история Китая после Второй мировой войны рассматривается всего за четыре часа, а в целом необходимость дать хотя бы основное представление об изучаемых странах заставляет укладываться в 2–3 часа на каждое государство. Таким образом, бакалавры должны усвоить всю новейшую историю стран Азии и Африки за 32 часа, так как и на первую часть этой дисциплины отводится тоже 16 часов.

Цель данного курса – изучить основные процессы, происходящие в странах Азии и Африки во второй половине XX – начале XXI в; проанализировать специфику развития стран Азии и Африки; выявить взаимозависимость исторической эволюции освободившихся стран с историей всех народов мира; показать, что история стран Азии и Африки является частью всемирной истории; определить место освободившихся стран в общеисторическом процессе развития человечества; изучить общие закономерности движения человеческого общества. Для изучения дисциплины необходимы компетенции, сформированные у обучающихся в результате обучения в средней общеобразовательной школе и в результате освоения дисциплин ООП подготовки бакалавра по международным отношениям и всеобщей истории, в том числе – История стран Европы и Америки после Второй мировой войны и История международных отношений. Проблема заключается в том, что к моменту чтения данного курса слушатели имеют весьма скудные знания по предмету изучения, так как в общеобразовательной школе дисциплины подобного содержания отсутствуют вообще или носят факультативный характер. Не обладая достаточной подготовкой и навыками аналитического мышления, студенты не могут ни выявить специфику изучаемых государств и регионов, ни, что самое главное, связать события и процессы, протекающие в странах Азии и Африки с тем, что происходит и происходило в том же Североамериканском или Европейском регионах, а также в мире в целом. Это особо ощутимо на экзамене, когда студентам задаются дополнительные вопросы, связанные с основными вопросами в экзаменационном билете, и преподаватель пытается выявить, насколько экзаменуемый знает материал и не являются ли его знания результатом простого заучивания или, что еще хуже – результатом списывания на экзамене, тем более, что, списывание, как показывает практика, носит в последнее время «тотальный» характер.

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора – кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы – неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей – историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ – студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы – ***проведение международных научно-практических конференций, издание сборников*** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. – Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. – Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. – Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. – Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. – Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. – Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. – Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. – Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. – Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. – Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. – Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. – Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. – Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. – Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. – Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. – Региональные выборы 2004 г. – волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

Кроме этого, Школа постоянно занимается ***просветительской работой*** – организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО и т.д.

Еще одно направление деятельности – ***консультирование, проведение прикладных политологических исследований.*** Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Первые исследования электоральных настроений были проведены во время президентских выборов 1996 г. Осенью 1996 г., накануне губернаторских выборов, АШПИ провела два анкетных опроса жителей края (более 2000 респондентов). В сентябре 1998 г. в г. Барнауле был проведен телефонный опрос об отношении населения к Правительству РФ и местной власти. В ноябре 1999 г., накануне выборов в Государственную Думу, АШПИ провела опрос избирателей города Барнаула. В начале 2000 г. были опрошены 2540 жителей Барнаула (об отношении к кандидатам на должности Президента РФ, глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также к кандидатам в депутаты краевого Совета и Городской

Думы). В 2003–2004 гг. были проведены опросы по теме выборов. Кроме того, были исследования, не связанные непосредственно с выборами. Так, в марте 1998 г. АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». В 2000 г. эксперты АШПИ провели опрос по теме «Международные проблемы глазами барнаульцев»; такие же опросы состоялись в 2002 и 2004 гг. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет – Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, «дневникам АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ – лауреат IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» – была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджелогической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Авторы статей, докладов и выступлений

Аршинцева Ольга Алексеевна
Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бойко Владимир Сергеевич
Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул

Бредихин Антон Викторович
Студент 5 курса по специальности политология, Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Вакалова Анастасия Юрьевна
Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, специальность «Международные отношения», г. Барнаул

Гайкин Виктор Алексеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, г. Владивосток

Голунов Сергей Валерьевич
Доктор политических наук, доцент. Даремский университет (Великобритания) и Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Горбелева Екатерина Андреевна
Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Грушина Вера Юрьевна
Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Гунгер Иван Федорович
Магистрант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Демчик Евгения Валентиновна
Доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Денисова Татьяна Сергеевна
Кандидат исторических наук, заведующий Центром по изучению стран Тропической Африки Института Африки Российской академии наук, г. Москва

Дериглазова Лариса Валериевна

доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета (г. Томск)

Донай Лукаш

Доктор гуманитарных наук в области политологии, доцент факультета политологии и журналистики Познаньского государственного университета им. Адама Мицкевича, г. Познань, Польша

Евдокимова Татьяна Васильевна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета, г. Волгоград

Ефимова Ирина Николаевна

Кандидат социологических наук, зам.начальника отдела по связям с общественностью ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Кавешников Николай Юрьевич

Кандидат политических наук, заведующий Центром политической интеграции Института Европы РАН и доцент МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва

Кагиров Борис Николаевич

Кандидат философских наук, г. Барнаул

Кагирова Галина Владимировна

Доктор медицинских наук, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Каирбекова Розалия Равильевна

Кандидат исторических наук, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы, Республика Казахстан

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии факультета политических наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Комлева Наталья Александровна

Доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Корнеева Елизавета Анатольевна

Аспирант Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, г. Санкт-Петербург

Кошлаков Дмитрий Михайлович

Магистр техники и технологии, ассистент и аспирант кафедры «Философия, история и социология» факультета экономики и управления Брянского государственного технического университета, г. Брянск

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кузьминых Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Лекаренко Оксана Геннадьевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета, г. Томск

Лицарева Елена Юрьевна

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета, г. Томск

Маковейчук Артем Васильевич

Аспирант (направление «политические науки»), специалист отдела по связям с общественностью ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Манойло Андрей Викторович

Доктор политических наук, кандидат физ.-мат. наук, с.н.с. философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Миронов Григорий Юрьевич

Аспирант кафедры исторической политологии Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Монина Любовь Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Полтораков Алексей Юрьевич

Кандидат политических наук, ученый секретарь Центра исследований проблем гражданского общества, Глава научного совета Европейской ассоциации украинцев, г. Киев

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, докторант, ст. преподаватель кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, член Экспертного совета проекта «Метавер»: www.metaver.ru, учредитель thelastpageof.com, жж-блоггер: thelastpageof.livejournal.com, г. Петрозаводск

Рубцов Павел Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Савич Инна Алексеевна

Аспирантка кафедры политических наук, Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова, г. Ирпень, Украина

Серов Вадим Валентинович

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Сковородников Александр Васильевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель центра довузовского образования УНО, кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Смирнова Вера Александровна

Кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Волгоград

Смоленчук Ольга Юрьевна

Соискатель кафедры мировой политики Томского государственного университета, г. Томск

Солдатова Анна Сергеевна

Сотрудник НОЦ «Политический анализ территориальных систем» МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Турьинская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Филиппов Василий Рудольфович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Чесноков Алексей Сергеевич

Доктор политических наук, доцент кафедры теории и истории политической науки, Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Чуваткин Дмитрий Николаевич

Начальник курса факультета тыла ВВ МВД России Вольского ВВУТ(ВИ), соискатель на получение ученой степени кандидата политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Шаповалова Александра Игоревна

Кандидат политических наук, преподаватель кафедры внешней политики и дипломатии Дипломатической академии Украины при МИД Украины, г. Киев

Широкова Марина Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ярцева Надежда Васильевна
Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 66-84-15
🗁 E-mail: ashpi@hist.asu.ru
🖳 http://ashpi.asu.ru/ic/

Содержание

Козулин В.Н.,Чернышов Ю.Г. Конференция о разрешении межгосударственных конфликтов..... 3

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ (РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: АКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ)»,..... 27

23–24 СЕНТЯБРЯ 2011 Г..... 27

Секция 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТЕМЕ..... 29

Аршинцева О.А. Современные международные конфликты: обзор популярных концепций..... 29

Дериглазова Л.В. Ответ на некоторые замечания, высказанные в рецензии Е.А. Степановой..... 33

Донай Л. Глобализация versus суверенитет государства: источник конфликтов или «мирная» тенденция изменения международной конфликтности? 37

Ефимова И.Н.,Маковейчук А.В. Стратегический имидж политической власти как фактор продуктивных межгосударственных коммуникаций и инструмент урегулирования межгосударственных конфликтов..... 44

Кагирова Г.В.,Кагиров Б.Н. Межгосударственное строительство отношений и сопутствующие проблемы..... 48

Коваленко Л.Г. Проблема конфликтов и их урегулирования, место России в этом процессе..... 52

Комлева Н.А. Концепция столкновения цивилизаций: прагматический аспект..... 55

Обсуждение в Интернете 60

Манойло А.В. Управление конфликтами в условиях политической модернизации системы международных отношений..... 61

Монина Л.В.,Гунгер И.Ф. Использование силы в современной практике урегулирования международных конфликтов. 65

Савич И.А. Историко-теоретическое становление идеи толерантности и бесконфликтных отношений в Киевской Руси 70

Смирнова В.А. Ошибки при принятии внешнеполитических решений в условиях международных конфликтов..... 73
Филиппов В.Р. «Урегулирование конфликтов» в парадигме постмодерна..... 77
Чесноков А.С. Война с терроризмом: проблемы применения норм международного гуманитарного права..... 83
Чуваткин Д.Н. О новых моделях геостратегического поведения современных государств..... 86
Шаповалова А.И. Структурная роль конфликтов в европейской системе международных отношений 91
Широкова М.А. Этика политического конфликта: проблема соотношения морали и политики 96
Секция 2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ..... 99
Бойко В.С. Третья англо-афганская война 1919 г. и отношения Великобритании и Афганистана в последующий период99
Бредихин А.В. «Замороженный» этнополитический конфликт в Закарпатском регионе Украины: некоторые аспекты. 103
Гайкин В.А. Японо-китайская конфронтация в долине р. Туманган (1907–1909 гг.)..... 107
Денисова Т.С. Переговоры как один из способов разрешения вооруженных конфликтов в Африке и причины их неэффективности..... 111
Кавешников Н.Ю. Эволюция практики гибкой интеграции в ЕС116
Каирбекова Р.Р. Агадирский кризис 1911 г. и политика Великобритании 123
Кошлаков Д.М. Европейское политическое пространство перед вызовом внутренних конфликтов 128
Курныкин О.Ю. «Арабские революции» 2011 года (внутригражданские и международные конфликты) .. 132
Лекаренко О.Г. Механизм урегулирования торговых конфликтов между США и Европейским союзом..... 138
Лицарева Е.Ю. Экономический и валютный союз в условиях кризиса 2008 г. Реформирование системы ЭВС..... 142
Миронов Г.Ю. Основные черты русино-украинского этнополитического конфликта..... 146

Полтораков А.Ю. Кавказ преткновения: «мягкое подбрюшье» Евразии? (Уроки саммита ОБСЕ в Астане, декабрь 2010 г.) *150*

Серов В.В. Типология политических конфликтов в ранней Византии..... *155*

Сковородников А.В. Дейтонские соглашения и завершение гражданской войны в Югославии..... *158*

Смоленчук О.Ю. Основные проблемы внешней политики Нидерландов в июне – декабре 1991 г. в решении Югославского кризиса *162*

Секция 3. АКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ РОССИИ С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ 167

Бетмакаев А.М. Когда же закончилась «холодная война»? К вопросу о хронологических рамках конфликта Запада и Востока во второй половине XX в. *167*

Вакалова А.Ю. Грузино-осетинский конфликт в представлении французской прессы..... *172*

Голунов С.В. Теории заговора в контексте взаимоотношений России со странами Балтии *176*

Горбелева Е.А. Политический аспект противоречий в российско-белорусских отношениях..... *180*

Грушина В.Ю. Урегулирование проблемы Константинополя и проливов в период Первой мировой войны *184*

Козулин В.Н. Первый конфликт Запада и России (еще раз об уроках Крымской войны) *189*

Корнеева Е.А. Роль геополитических и геокультурных факторов в развитии этнонациональных конфликтов на территории Республики Крым..... *195*

Кузьминых Н.Ю. Гражданская война в Латвии (1918–1920 гг.) и интересы мировых держав..... *201*

Реут О.Ч. Баренцево море. Пространственная делимитация. Разрешенный конфликт? *205*

Солдатова А.С. Модернизационный потенциал интеграционной политики России на пространстве СНГ..... *209*

Турьинская Х.М. Сомалийский фактор внутренней и внешней политики Эфиопии: Огаденский конфликт и роль СССР213

Ярцева Н.В. Вхождение России во Всемирную торговую организацию как пример механизмов разрешения международных конфликтов *217*

МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ» 222

Дериглазова Л.В. Опыт организации письменного экзамена по курсу «Конфликты в международных отношениях» и ролевой игры для спецкурса и спецсеминара «Урегулирование конфликта» *222*

Голунов С.В. Студенческий плагиат: причины и меры борьбы с ним *226*

Кавешников Н.Ю. О преподавании курса «Энергетическая политика ЕС» *229*

Комлева Н.А. Магистерская программа «Мировая политика, международные отношения и геополитика (сотрудничество стран – членов ШОС)» *232*

Лекаренко О.Г. Опыт разработки и чтения курса «Европейская интеграция и трансатлантические отношения» *233*

Лицарева Е.Ю. Проблемы перестройки лекционных курсов в связи с переходом на двухуровневую систему на примере курса «История стран Азии и Африки новейшего времени. Часть 2» *236*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 238

АВТОРЫ СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ 242

СОДЕРЖАНИЕ 247

Научное издание

ДНЕВНИК АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. №27

Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

Сборник научных статей

Подготовка оригинал-макета: *Е.М. Федяева*

ЛР 020261 от 14.01.1997 г.

Подписано в печать 20.01.2012. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,4.
Тираж 315 экз. Заказ №1.

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66